ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания 33-й

№2
ФЕВРАЛЬ
1957

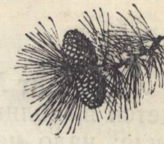

В этом номере:

На обложке:
Рисунок Г. Нисского «Подмосковье. Зима».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Человек за бортом

П. Михайлов

Рисунки П. Кирпичева.

— Лейтенант Михайлов, вашему экипажу придется выполнить срочное и ответственное задание: надо немедленно лететь за линию фронта, доставить партизанскому соединению Федорова-Дружинина боеприпасы и радиостанции...

— Есть, товарищ капитан!

— Только учтите: к этому полету надо как следует подготовиться, все предусмотреть! Немцы прекрасно понимают, что мы можем снабжать отряд Федорова-Дружинина только с воздуха. Вокруг него сильные немецкие гарнизоны. Фашистская противовоздушная оборона будет до отказа насыщена наземными средствами: прожекторами, зенитными орудиями и пулеметами. И о воздухе не забывайте: вражеских истребителей в воздухе будет немало...

— Понятно, товарищ капитан!

— На ваш экипаж надеюсь... Маршрут выбирайте по своему усмотрению, тщательно изучите противовоздушные средства противника, спокойно обдумайте, как обмануть его бдительность. Помните, лейтенант Михайлов, каратели будут вас встречать! А партизаны ждут помощи, задание должно быть выполнено!

Я вышел из штаба и направился к чудом уцелевшему среди обгорелых и развалившихся кирпичных коробок двухэтажному зданию, где размещались наши экипажи. Еще на пороге крикнул:

— Ребята, в полет!

Они отдыхали, но, услышав новость, которую я им принес, сразу вскочили на ноги.

— Штурман, быстро прокладывай маршрут, а ты, Яша,— обратился я к бортмеханику Петрову,— поспеши к самолету и готовь машину к вылету!

Мы со штурманом углубились в карту, тщательно изучая маршрут предстоящего полета. Лететь нам следовало над огромным массивом болотистых лесов, известных еще по первой мировой войне,— над знаменитыми Пинскими болотами, в которых царское правительство едва не утопило в свое время две армии.

Трассу мы со штурманом проложили не напрямую, а с изломами: от одного характерного наземного ориентира к другому, причем наша трасса должна была пролегать, минуя все более или менее значительные населенные пункты, по пустынной, дикой местности: путь этот был длиннее, но зато безопаснее.

К моменту, когда весь экипаж собрался на взлетной площадке возле нашего самолета, машина была уже загружена до отказа аккуратно упакованными стокилограммовыми тюками длиною в два метра — боеприпасы и радиостанции.

Поправили обмундирование, подогнали ремни парашютов по росту и заняли свои места.

Взревели моторы, перегруженный самолет с залитыми горючим дополнительными баками для дальнего маршрута в тыл врага оторвался, взлетел и лег на курс.

Слегка морозило, небо было безоблачным, ярко мерцали над нами звезды. На своей территории мы держали высоту метров в

триста, ориентировка в первый же час полета стала сложной: болота да леса, леса да болота, заросли низкорослого кустарника да камыши на трясине. Только далеко, впереди по курсу, вспышками разрывов да заревом пожарищ обозначается линия фронта.

Спокойный полет кончился, начинаю прижимать самолет к земле: опыт показал, что самый безопасный способ пересечения линии фронта — бреющий полет. Но вот по нарастающему гулу моторов нашего самолета гитлеровцы открывают огонь вслепую. Мелькают линии трассирующих пуль, спускаются с неба осветительные ракеты. И все это несмотря на то, что, еще приближаясь к линии фронта, мы перевели работу моторов на несинхронный режим, подражая завыванию фашистских двигателей «гау-гау». Видимо, гитлеровцы разгадали эту нашу военную хитрость!

Впечатление такое, что все эти ракеты, снаряды, пули направлены в нас, и от этого становится как-то неуютно. Но я беру себя в руки: ведь я знаю, что лечу низко, фашисты меня не видят, они стреляют наугад. Всю свою волю сосредоточиваю на одной мысли: выйти на цель. А это не так просто. Мне известно, что точка для сброса боеприпасов должна быть обозначена пятью кострами, вытянутыми в прямую линию. Но партизаны разводят костры по-своему: в ямах. Делают они это для того, чтобы сигнальные огни можно было увидеть только сверху, но не со стороны. Достаточно летчику, спешащему для снабжения партизан, как я, хоть немного «промазать» — и он рискует не увидеть этих костров...

Скорость наша — ровно четыре километра в минуту, по расчетам времени мы должны быть уже над целью, а костров все не видно. Набираю высоту, чтобы увеличить площадь обзора, но это не помогает; под крылом все та же картина: леса да болота, болота да леса и редко разбросанные между ними маленькие, как будто притаившиеся деревушки. Костров все нет и нет! Посоветовавшись со штурманом, решаем проверить себя еще раз: у нас есть резервный ориентир — озеро, к югу от цели. Его-то мы не промажем, если мы вообще не сбились с маршрута...

Разворачиваемся курсом на юг. Все в порядке, десять минут полета, сорок километров — и вот оно, озеро, отблеск его виден совершенно отчетливо на фоне черного леса. Ложимся на обратный курс, снова десять минут полета на север, находим расчетное место и начинаем закладывать один вираж за другим: ошибки здесь быть не может! Вот наконец и костры: раз, два, три, четыре, пять — все, как было условлено...

Даю команду:

— Приготовиться к сбросу!

В кабине совершенно темно. Натыкаясь друг на друга, штурман, механик и радист подтаскивают ближе к двери стокилограммовые тюки. Вдруг за моей спиной раздается истошный крик, отчетливо различимый, несмотря на гул моторов:

— Ты что, очумел? Пусти, нашел время для шуток!

Второй пилот с моего молчаливого одобрения уходит в кабину выяснить, что там такое приключилось. Возвращается. Я с тревогой оглядываюсь на него, вижу: смеется. А когда он прокричал мне, что произошло, я и сам не мог удержаться от смеха, несмотря на всю серьезность момента.

Оказывается, когда при первом заходе на цель стали сбрасывать мешки, радиста в темноте сбили с ног. Он упал, провалился между мешками и запутался в них. Бортмеханик на ощупь нашел сапог и стал тянуть его к себе. Дело в том, что мы часто возили к партизанам обмундирование. Вот механик и решил, что лопнул мешок с сапогами. Что делать? Конечно, сбросить к партизанам, рассветет — найдут, небось. Вот и потащил радиста за ногу за борт, а тот испугался и заорал благим матом.

Второй заход на цель, нажимаю сигнальную кнопку, слышу, как перекликаются у меня за спиной «грузчики»:

— Раз-два — отправили!

Я отчетливо представляю себе, что происходит дальше: мешки летят за борт, срабатывает автоматическое устройство, экипаж втягивает обратно в кабину фалы с прикрепленными к ним парашютными чехлами, освобожденные от чехлов парашюты раскрываются, и груз, покачиваясь под белым куполом, плавно опускается туда, где его ждут с таким нетерпением...

Операция сброса протекает как обычно, на борту осталось еще несколько мешков и радиостанции. Тут стрелок докладывает, что над нами только что пронесся фашистский истребитель с включенными бортовыми огнями. Значит, обнаружили, нужно маневрировать и уходить подобру-поздорову. А как же оставшиеся мешки и радиостанции? Нет, задание должно быть выполнено до конца.

Даю продолжительный сигнал — сбрасывать, сбрасывать все с последнего захода. Посылаю второго пилота в кабину на помощь, а сам остаюсь один крутить штурвал.

Вижу пунктир огней, который сперва принимаю за падающий метеорит. Но нет, это пулеметная очередь, гитлеровский стервятник бьет по нас. Слышу за спиной стрельбу: это огрызнулся и наш стрелок; молодец, не растерялся!

Видимо, ребята действуют вовсю: мешок за мешком летит за борт.

Жмусь к земле, стараясь уйти от неприятельского летчика, он на истребителе, со своей скоростью не осмелится летать над самыми макушками деревьев, как это делаю я, небось, побоится врезаться в землю.

В кабину возвращается второй пилот, струйки пота стекают у него по лицу, сейчас он уже не смеется: он бледен, губы дрожат.

— Что еще случилось? — спрашиваю я тревожно.

Сперва второй пилот не может выговорить ни слова. Наконец он с трудом произносит:

— Яши Петрова нет в самолете...

Я обомлел.

— То есть как это нет? Где же он?

— Выпал за борт вместе с мешками...

«Может быть, он за что-нибудь там успел ухватиться и его еще можно спасти?» — проносится у меня в голове.

Я отдаю штурвал второму пилоту и мрачно командую ему:

— Держи машину, а я схожу разберусь!

Подсвечивая себе путь карманным фонариком, отправляюсь в грузовую кабину. Первое, что бросается мне в глаза,— это наша пропажа: бортмеханик Яша Петров, распластавшийся на полу, раскинувший руки, как труп. Бросаюсь к нему, начинаю тормошить. Но радист хватает меня за локоть.

— Командир, не троньте его! — кричит.

— Что случилось? — недоумеваю я.— Помер он, что ли? С чего же это?

— Да нет, живой! Спит — и все!

Спит? Это уже совершенно непонятно. Но тут же все разъясняется. Радист рассказывает мне, что одна из фал грузового парашюта захлестнула Яшу под колено, а тюк увлек его за борт. Он успел только крикнуть и полетел кувырком в ночь. Глянув в раскрытую дверь, штурман убедился, что механик болтается под самолетом, видимо, вцепившись в фалы. Тогда штурман и радист стали что было сил тянуть фалы к себе, подняли Яшу к борту машины, схватили его за руки и благополучно втащили обратно в кабину. Он только спросил, ероша свою заиндевевшую шевелюру:

— А где же моя шапка?

Шапки не оказалось, она отправилась в Пинские болота. А Петров тут же рухнул на пол и уснул мертвым сном. Такова была реакция на потрясение, которое он только что перенес.

У меня отлегло от сердца: Яша — парень

очень здоровый, его железный организм, конечно, легко оправится от пережитого.

— Ладно, пусть спит,— сказал я радисту.— Обойдемся на время без механика!

Вернулся я на свое место успокоенным. Почему-то вспомнилась юность. Когда-то мечтал я попасть во флот, увлекался чтением морских рассказов, особенно Станюковича. Во времена парусного флота матросы, особенно марсовые, которым по долгу службы приходилось лазать по вантам, убирать паруса, частенько падали с корабля в воду. Тогда раздавалась тревожная команда:

— Человек за бортом!

Но чтобы такая команда прозвучала на воздушном корабле, этого, пожалуй, еще не бывало...

Когда мы сошли на землю, я спросил Яшу, как он себя чувствует и что он ощущал, летя за борт. Механик уже совершенно оправился. Немного смущаясь, он сказал:

— Да я помню все очень смутно... Под коленом немного ноет, а так все в полном порядке!

Происшествие с Яшей Петровым еще раз всплыло много лет спустя. Весною 1949 года я должен был лететь за границу, имея на борту группу советских делегатов на Всемирный конгресс сторонников мира. На подмосковном аэродроме провожающих было немало, особенно много народу пришло пожелать счастливого пути коренастому черноусому человеку средних лет. Я всегда интересуюсь своими пассажирами, а тут меня и вовсе разобрало любопытство: уж очень много в этом неизвестном мне человеке чувствовалось обаяния и душевной силы.

Курс наш лежал на Прагу. Мы летели уже над Белоруссией, приближаясь к Пинским болотам. Я внимательно вглядывался в землю, находя хорошо знакомые места. Сколько совершил я сюда ночных полетов к партизанам, сколько над этими лесами было опасных боевых эпизодов, сколько раз здесь надо мною нависала угроза смерти!

Я был весь во власти воспоминаний, когда меня от них отвлек неожиданный визит: приоткрыв дверь в пилотскую кабину, за моей спиной стоял черноусый незнакомец:

— Разрешите войти?

Вообще говоря, это не полагается, но на этот раз я разрешил.

— Чем могу быть полезен? — осведомился я у пассажира.

— Я хотел,— ответил незнакомец,— на минутку воспользоваться вашим планшетом: разобрала охота еще раз глянуть на пути-дороги, исхоженные по немецким тылам во время оккупации. Ведь это Пинские болота, не так ли?

Я подтвердил его предположение, передал управление второму пилоту, а сам вместе с незнакомцем прошел в пассажирскую каюту. Поглядывая то в окно, то на карту в моем планшете, неизвестный рассказывал:

— Вот здесь мы застали врасплох фашистский гарнизон. Захватили много трофеев, помню: всех партизан удалось обуть в сапоги! Наш отряд громил гитлеровцев в Сарнах, Олевске, Кухетской Воле, Красной Волоке, Камне-Каширском...

Рассказывая, незнакомец водил пальцем по карте. Я внимательно следил за движениями его руки: ох, как хорошо и мне знакомы были все эти места!

— Здорово нас в ту пору транспортная авиация выручала,— продолжал черноусый,— все доставляли нам по воздуху: боеприпасы, медикаменты, обмундирование, радиостанции. У меня в блокноте сохранились имена всех пилотов, которые к нам летали. Может быть, кого из них вы и знаете. Что они сейчас поделывают?

Тут черноусый полез в карман за записной книжкой и распахнул пальто. На груди его блеснули две золотые звезды: дважды Герой Советского Союза!

Перелистывая блокнот, он оживленно говорил:

— Тяжело нам приходилось подчас, но и летчикам было не сладко. Рассказывали мне, что однажды, когда нам сбрасывали боеприпасы, вместе с тюками выпал из самолета механик. Насилу затащили его обратно, едва не погиб!

Я рассмеялся, вспомнив тревожную ночь, второго пилота с дрожащими губами, Яшу Петрова, распластавшегося на полу кабины...

— Это у меня выпал механик,— сказал я.— Значит, это я к вам тогда летал!

Черноусый заглянул в свой блокнот.

— Так вы не Михайлов ли? — спросил он радостно.

— Михайлов, он самый!..

Мы крепко пожали друг другу руки.

— Вот как довелось встретиться! Тогда вы меня боеприпасами снабжали, на войну, так сказать, снаряжали, а сейчас, наоборот, везете мир защищать, чтобы не было больше войн! Я Федоров, будем знакомы...

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Павел Вежинов **Рисунки Ф. Лемкуля.**

Приключенческую повесть болгарского писателя Павла Вежинова «Следы остаются» мы печатаем с некоторыми сокращениями.

Начинается повесть так: вечером группа пионеров во главе с заводилой Пешо играла во дворе громадного дома в летчиков-истребителей. После игры дружная компания, собравшись на «аэродроме», обсуждала свои мальчишеские дела. Вдруг рядом что-то зазвенело. Пешо, нагнувшись, нашел ключ от французского замка. Мальчик громко крикнул, спрашивая, кто уронил ключ. Никто из жильцов не откликнулся. «Не иначе, как с неба свалился»,— решил Пешо, пряча ключ в карман. Но спустя некоторое время во дворе появился толстяк в белом костюме. Он спросил ребят, не находили ли они ключ. Пешо сунул руку в карман, достал ключ и подал его человеку в белом костюме. Толстяк чуть не вырвал ключ из рук мальчика и, даже не поблагодарив ребят, ушел. Странное поведение незнакомца произвело на ребят неприятное впечатление. Вернувшись домой, Пешо попробовал открыть дверь в квартиру, но ключ не поворачивался в замочной скважине. Только тут мальчик понял, что, возвращая незнакомцу находку, он по ошибке отдал ему свой ключ. Продолжение истории этого ключа вы узнаете из повести.

Человек в белом костюме

О ключе Пешо вспомнил лишь на другой день перед обедом. «Ой, бедняга! — спохватился мальчик.— Ведь он сказал, что другого ключа у него нет! Он, может, и до сих пор сидит перед запертой дверью».

Но вот беда: как найти человека, если даже фамилии его не знаешь? Пешо стал припоминать, как выглядел незнакомец: полный, кругленький такой, с пухлым лицом, изборожденным множеством морщин. Пешо поморщился, что-то неприятное было во всем облике незнакомца — в его повадках, сладком голосе и маслянистых глазах. «А стоит ли искать такого? — подумал он.— Найдешь, отдашь ему ключ, а он даже спасибо не скажет. Пускай сам меня поищет!» Но тут же Пешо подумал, что делать так не годится. Ничего, он разыщет хозяина ключа: ведь он знает, в каком доме живет незнакомец. Коста, сын лифтера, друг и приятель Пешо, всех жильцов дома знает наперечет. Пешо со всех ног кинулся к своему дружку — в это время тот почти всегда заменял своего отца возле лифта.

Как на грех Косты не было на месте, хотя дверь в комнатушку лифтера и оставалась незапертой. Случись такое зимой, Пешо знал бы, что искать дружка надо в котельной: там он «поддерживал давление пара». А куда он летом мог запропаститься?

Пешо помчался на задний двор — второе излюбленное место встреч всей компании. Добежал, круто повернулся на месте и остолбенел: впереди виднелось нарядное платьице Юлии, а рядом с ней на груде кирпича, неловко согнув сухие босые ноги, сидел Коста и перочинным ножом мастерил деревянного «чижика». И мрачное выражение лица и то, с каким старанием, не глядя на Юлию, орудовал он ножом, — все говорило об одном: Коста злится. Злиться он мог только на Юлию, но та словно бы ничего не замечала. Ни Юлия, ни Коста не видели стоявшего на пороге Пешо.

— Сегодня вы куда собираетесь? — спрашивала Юлия.

— Никуда, — не поднимая головы, мрачно буркнул Коста. — Нынче я весь день за отца работаю.

Помолчали.

— А я-то думала, вечером вы на чердак полезете...

— На какой чердак? — растерялся Коста.

— На какой? Сам знаешь, на какой...

— Может, и полезем, — с досадой процедил Коста. — А кто это натрепался тебе про чердак?

— Кто? — насторожилась Юлия. — Никто, это я просто так подумала и спросила.

— Нет, ты скажи, кто этот звонарь? — допытывался Коста.

— Захочу — и скажу! Бебо — вот кто сказал!— вдруг выпалила она. — Вы со своим Пешо вообразили, будто мне никто и словечка не скажет?

— Вот и хорошо, что проболталась! Теперь и ему ничего рассказывать не будем!

— А меня возьмете с собой? — будто не расслышав последних слов Косты, миролюбиво спросила Юлия.

— Куда взять тебя?

— Ну, как куда, на чердак!

— Нельзя! — отрезал Коста.

— А почему же это нельзя?

— Нельзя — и все тут! Во-первых, девчонки нам ни к чему, а во-вторых, с какой стати мы должны брать тебя? Замараешь свое платьишко, разревешься еще...

— А я старое платье надену, — с последней надеждой сказала Юлия.

— Нельзя,— значит, нельзя,— грубо оборвал ее Коста.— И что за привычка совать нос, куда тебя не просят!

— Возьмите меня с собой! — сквозь слезы просила девочка. — Знаешь, какую интересную штуку я тебе дам!

— Ну? — полюбопытствовал Коста.

Но Юлия еще не решила, с чем именно из своих сокровищ она готова расстаться.

— Я отдам... Хочешь, я дам тебе исправить ручку-самописку?

У Косты даже руки зачесались: давненько не доводилось ему ремонтировать авторучки! Он готов был уже сдаться, когда, случайно обернувшись, перехватил укоризненный взгляд Пешо.

— И говорить-то об этом нечего, — отмахнулся Коста от Юлии.— Здоро́во, Пешо!

— Здоро́во! — мрачно сказал Пешо.— Слезай, поговорить надо!

— А меня возьмете с собой? — робко спросила Юлия.

— Нет, — отрезал Пешо и буркнул: — Вечно ты лезешь не в свои дела!

Мальчики быстро ушли в комнатушку лифтера. Этот темный и тесный уголок между лифтом и лестницей в подвал давно стал излюбленным местом сходок ребят.

Прибежав туда, они захлопнули дверь чуть ли не перед самым носом Юлии.

Выслушав историю ключа, Коста ладонью потер подбородок, как любил делать это его отец.

— А сколько, по-твоему, лет этому человеку? — спросил он.

— Лет ему... лет ему, может, сорок, а то и все пятьдесят, если не больше.

— Толстенький такой, говоришь?

— Толстый... Вот такой, — разведя руки, показал Пешо,— в белом костюме.

— В нашем доме таких нету.

— Как же это нету! Он мне сам сказал, что живет здесь!

— Может, ты лучше меня знаешь, кто в нашем доме живет? — обиделся Коста. — У твоего толстяка маленькая девочка, говоришь, есть?

— Он сам так сказал.

— Слезай!— мрачно сказал Пешо.— Поговорить надо.

— Сам, сам!.. — передразнил его Коста. — Мало ли что сказать можно! В нашем доме три маленьких девчонки, только отцы у них не такие: у Павлинки — совсем молодой, у него даже значок ГТО есть. У Зоринки сейчас отца нет, уехал он куда-то... И у нее отец молодой. Только у Верки отец старый, но тощий такой, как спичка...

— И все?

— И все... Что же я, по-твоему, не знаю, кто живет в доме?

Пешо и сам понимал, что Коста прав. Что же это за диковинная история! Выходит, что тот дядька в белом костюме их обманул? Но зачем ему понадобилось врать?

Пришел Веселин. И он, выслушав удивительную историю, задумался.

— Не с неба же ключ свалился! — рассуждал Веселин. — Если дядька не в этом доме живет, то в соседнем — вон в том или вон в том. Откуда же еще мог упасть ключ?

— Чудак человек! — возразил Пешо. — Не видишь, что ли, как до тех домов далеко?

— Не так уж далеко! — не сдавался Коста.

— Давай проверим!

— Давай!

Выскочив во двор, ребята своими глазами убедились: от того места, где они нашли ключ, до любого из соседних домов был не один десяток метров.

— Нет, — покачал головой Веселин. — Для того, чтобы ключ упал здесь, его надо было не уронить, а кинуть.

— Да еще со всей силы! — подсказал Коста. — Разве маленькая девчонка могла бы так далеко забросить?

— А если она со злости? — неуверенно сказал Пешо.— Со злости, знаешь, как далеко кидают?

— Вот что,— предложил Коста.— Давайте пойдем в те дома и у лифтеров спросим, может, у них живет этот толстяк?

— Верно!— обрадовались друзья.— Пошли!

Коста быстро запер свою комнатушку, и ребята двинулись на улицу. Переступили порог парадного подъезда и замерли от неожиданности: по другой стороне улицы неторопливо шествовал человек в белом костюме. Они сразу узнали его полное, одутловатое лицо. В одной руке толстый держал большую базарную сумку.

«Тут что-то есть!»

Встреча с толстяком так ошеломила приятелей, что у них даже языки отнялись. Разинув рты, смотрели они на удалявшегося человека в белом костюме. Тот мельком взглянул в их сторону и тут же равнодушно отвернулся. Но как ни мимолетен был этот взгляд, Пешо почувствовал: толстяк его узнал. Мальчику показалось даже, будто во взгляде толстяка мелькнул огонек неприязни. Вскоре незнакомец скрылся вдали.

— Он?— опомнившись, шепотом спросил Коста.

— Он,— так же тихо, но уверенно произнес Веселин.

— Он, — подтвердил и Пешо.

Рядом с ним шла худая, рыжеволосая, нарядно одетая женщина.

— Что же мы его не остановили?

Никто из них не мог ответить на этот вопрос.

— Просто интересно было бы узнать, — вслух подумал Пешо, — почему он сделал вид, будто не узнал нас?

— Может, он и вправду не признал, — пожал плечами Веселин.

— Э, нет, меня-то он узнал, — нахмурившись, возразил Пешо. — Это он нарочно, как ни в чем не бывало, прошел мимо.

— Выходит, он до сих пор не знает, что ключи перепутаны! — удивился Коста.

— Первый раз я вижу его на нашей улице — вот что самое чудное!

— Ну, что ты! — запротестовал Коста. — Я много раз видел его здесь неподалеку. Пойдем сейчас к дядюшке Ламби, уж у него-то мы наверняка все разузнаем.

Дядюшка Ламби работал лифтером в соседнем доме. Когда ребята пришли к нему, он шваброй мыл мозаичную лестницу и что-то бормотал себе под нос. Испитое лицо старика, как всегда, было покрыто густой, давно не бритой щетиной. И хотя на всех смотрел он исподлобья, мальчишки его ничуть не боялись.

— Дядюшка Ламби,— спросил Коста,— как зовут того толстяка в белом, который сейчас из дома ушел?

— А тебе какое дело? — проворчал дядюшка Ламби.

— Да я просто так спрашиваю.

— Вот у него самого и спроси «просто так»!

Ребята переглянулись. Коста попробовал схитрить:

— Почтальон письмо оставил, а адрес неправильный. Может, оно ему написано...

Дядюшка Ламби покосился на ребят.

— Асеном Торомановым зовут его.

— Он что, в газете работает? — Коста назвал первую пришедшую на ум профессию.

— Какой еще там газетчик! — пробурчал дядюшка Ламби. — В ларьке он торгует, брошками да булавками разными...

— А-а! — протянул Коста. — Ты это верно знаешь? А если он в ларьке работает, почему же тогда он до сих пор дома сидел? Ведь сейчас все магазины и лавки открыты.

— Так они вместе с женой в ларьке торгуют...

— А кто же тогда за дочкой ихней приглядывает?

— Подите вы с глаз моих! — вконец рассердился дядюшка Ламби. — За какой еще дочкой? У него и дочки-то нету!

— Мы тебя, дядюшка Ламби, всерьез спрашиваем, — не отставал Коста. — Я точно знаю, что есть у него дочка!

— А ежели все знаешь, так и проваливай отсель! — прикрикнул дядюшка Ламби, берясь за швабру.

Да, нелегкое это дело — вытянуть лишнее слово у старика-лифтера! Но и того, что им удалось узнать, было достаточно.

Дело ясное: толстяк в белом костюме зачем-то обманул их. Он живет в другом доме, и дочки у него никакой нет. А может, дядюшка Ламби что-нибудь напутал?

— Давайте проверим по списку! — предложил Пешо. — Ведь в каждом доме есть список жильцов!

Список висел в парадном подъезде. Без труда нашли они в нем имя Асена Торoманова и узнали, что живет он на четвертом этаже в
номер три. Вместе с ним про
Вызкресия Торoманов
одна живая душ
на не была.

Маль
ривая
тушк

—
чужи
верн

—
подс

—
в ла

—
нич
дут,
квар

Пр
Мат
ли в
еще п
рени, б
наблю

—
домо

Пе
Как
им
охс
бы
ст

утром, человек в белом нес большую и тяжелую базарную сумку, из которой торчало несколько батонов белого хлеба.

Ребята замерли.

— Я поднимусь следом за ними наверх, — зашептал Коста. — Погляжу, как они дверь откроют. Подождите меня тут. — И, прежде чем ребята успели глазом моргнуть, Коста уже выскочил из засады.

Пешо и Веселин видели, как, шлепая босыми ногами, он неторопливо пересек улицу и с подчеркнутым безразличием принялся разглядывать окна верхних этажей. Как только Тороманова скрылись в подъезде, Коста юркнул следом за ними.

Прошло пять минут, не больше. Ребятам эти пять минут показались вечностью.

Но вот Коста вышел из подъезда, подошел
скверику и красный, как рак, тяжело о
на траву.

— Ну, как? — торопил Пешо.

— А так... — загадочно произнес
ресные дела творятся на бел
толстяк к двери, сунул в ка
ключ и преспокойно откр

— В идишь! —
я в ил? К
во

Пешо искренне удивился: такая мысль даже не пришла ему в голову.

Коста, молча слушавший их спор, почесал нос и вставил нерешительно:

— Пешо — командир...

— Так то была игра, а тут другое дело...

— Командир — везде командир, это все равно! — рассердился Коста. — Если тебе не хочется, я останусь.

— Ладно уж, без тебя обойдется! — буркнул Веселин, поворачиваясь спиной к товарищам.

Пешо с Костой вошли в вестибюль. Здесь было прохладно и тихо. На каждой площадке они, не сговариваясь, на секунду останавливались, прислушивались и подозрительно косились на замочные скважины: все чудилось, будто кто-то за ними следит. Но вот и четвертый этаж. На медной табличке выгравирована фамилия жиль-
...Никогда в жизни нашим мальчикам не при-
...ь заниматься таким делом — открывать
...ери. Пешо сунул в карман потную руку
...ключ, холодный, как лед.
... квартире кто-нибудь остался? —
... этом, — также шепотом от-
...сти, они и открывают
...фно!
...но. — Ни
...лина,

Войдя в комнатушку лифтера, они заперли за собой дверь и завесили газетой небольшое круглое оконце, выходящее во двор. Теперь они спокойно могли обсудить все случившееся.

— Не нравится мне это, вот что я скажу вам, ребята, — начал Веселин. — Как, по-вашему, зачем этому дядьке ключи от двух квартир? Почему один ключ он выбросил? Сам же выбросил, а потом принялся искать его... И почему он до сих пор не хватился, что в кармане у него чужой ключ? И зачем он столько врет?

Глаза Веселина, засыпавшего приятелей вопросами, блестели от возбуждения.

— Видали, как все запутано? По-моему, тут заговор! — запнувшись, тихо добавил он. — Этот человек, наверное, враг, подосланный к нам.

Такое смелое предположение заставило ребят насторожиться. Дело становилось серьезным и опасным.

— Если так, — заговорил Коста, — надо бежать прямо в милицию!

— В милицию? — сощурив глаза, спросил Пешо. — Нет, я не согласен!

— Это почему? — удивился Коста. — Мы, как все сознательные пионеры, как... Ну, как это говорится?.. Ну, это наш долг!

— Да не лезь ты со своим долгом! — прикрикнул на него Пешо. — А если все это наша выдумка?

— Что же, по-твоему, надо делать? Сидеть и ждать?

— А ты не зарывайся! — рассердился Пешо. —
...все над нами смеялись? Из мухи,
...Чепуха, скажут!
...чился Коста.
...ко подумают:
...ртир у че-
...а лето
...меня
...опро-
...воду
...рали,
...ча от
...кли.
...но. —
...дить
...вто-
...лег-
...ливо
...да хо-
...о, — ка-
...тся. Мы
...ам! Мы
...тылок
...мили-
...е Нам
...ил. Пе-
...уем
...но

шее — отдать ключ этому дядьке... Если не отдадим, он всякое может подумать про нас, а тогда и следить за ним будет труднее...

— Правильно! — поддержал его Пешо.

— У меня идея! — воскликнул Веселин. — У меня гениальная идея!

— Хвастун несчастный! — буркнул Пешо.

Но Веселин не смутился.

— Вы хотите отдать ему ключ? Ладно! — торжественно сказал он. — А если ключ понадобится нам самим? Давайте пойдем в мастерскую и закажем еще один или два таких же!

...Внизу хлопнула дверца лифта.

Даже Пешо вынужден был признать, что мысль и вправду дельная. Решили, не теряя времени, заказать ключ. Ведь Тороманов может в любую минуту потребовать свой.

— Я знаю одного слесаря, — вспомнил Коста. — Ему я много раз заказывал ключи для жильцов... Он может за минуту сделать новый.

Ответить ему не успели: за окном раздался страшный грохот. Покатились откуда-то пустые железные бочки, загремели, падая, ящики, донесся чей-то отчаянный визг.

Сорвавшись с места, мимо лестницы, через черный ход выскочили ребята во двор.

...Прямо под окном комнатушки лифтера среди груды пустых ящиков и баков для мусора лежала Юлия. Ее нарядное платье было изодрано, коленки расцарапаны в кровь. Она боялась расплакаться, боялась шевельнуться и только смотрела на ребят широко раскрытыми, перепуганными глазами.

Мальчишки сразу поняли, в чем тут дело: Юлия подслушивала. Чтобы добраться до разбитого стекла в окне, она натаскала кучу пустых ящиков и баков для мусора, взобралась повыше и свалилась оттуда.

— Что ты тут делала? — грозно спросил Пешо.

Юлия молчала.

— Я кого спрашиваю! — повторил Пешо. — Что ты тут делала?

— Ничего,— чуть слышно ответила девочка.

— Подслушивала?

Юлия молчала.

— Тебя спрашивают: подслушивала? — прикрикнул Пешо.

Юлия испуганно заморгала.

— Подслушивала.

— Все слышала?

— Все.

В эту минуту Пешо очень хотел задать Юльке такую взбучку, чтоб она на всю жизнь отучилась совать нос в чужие дела. И как только посмела она так подло погубить их планы! Но беспомощный вид лежавшей на земле девочки, ее широко раскрытые, испуганные глаза и, может быть, правдивые ответы в самый последний момент удержали Пешо от расправы. Ни слова не говоря, он подошел к Юлии помочь ей подняться. Взяв девочку за руки, он почувствовал, что она дрожит, как осиновый лист.

— Да ты не бойся, мы не кусаемся! — смущенно сказал Пешо.

Виновато опустив глаза, Юлия сокрушенно разглядывала свои исцарапанные колени, изодранное платье.

— Что, разукрасилась? — раздался за ее спиной злорадный голос Косты. — Так тебе и надо!

— Отстань от нее, — сказал Пешо и, обернувшись к Юлии, скомандовал: — Идем с нами!

Чуть ли не втолкнув Юлию в комнатушку лифтера, ребята задержались перед дверью.

— Что теперь делать? — с отчаянием спросил приятелей Пешо. — Если знает Юлька, считай, что знает весь город.

— Уж это так, — проворчал Веселин. — Припугнуть ее надо и пусть даст честное пионерское...

— Правильно! — отозвался Коста. — Вот чертова обезьяна!

— Сами мы виноваты, — нехотя признался Пешо. — Разболтались, как бабы, даже охрану не поставили. Теперь все пропало!

— Ничего не пропало! — перебил его Веселин.—

Мы ей сразу скажем: сболтнешь, отрежем язык — и все тут!

— Сегодня перепугается, а завтра забудет обо всем и начнет трещать, как сорока! — вздохнул Пешо.

— Эх, не повезло! — пробормотал Коста.

— Пусть даст честное пионерское! — настаивал Веселин.

Подумав, ребята решили: честное пионерское слово — закон и для девчонок! Они переступили порог и, нос с носом столкнувшись с Юлькой, стоявшей возле двери, поняли, что она снова подслушивала.

— Вот ведь какая вредная девчонка! — не стерпел Коста.

— Слышала, о чем мы говорили? — накинулся на нее Пешо.

Юлия капризно передернула плечами:

— Очень мне нужно подслушивать!

— Кто-кто, а мы-то тебя знаем! — скривил губы Веселин.

Юлия, надувшись, села на стул.

— Что ты узнала, когда подслушивала под окном? Ну, говори! — прикрикнул Пешо.

— Что узнала, то узнала...

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

— А вы меня примете в свою компанию? — спросила Юлия.

— Куда «примете»? — оторопел Пешо.

— Я хочу вместе с вами искать ключ.

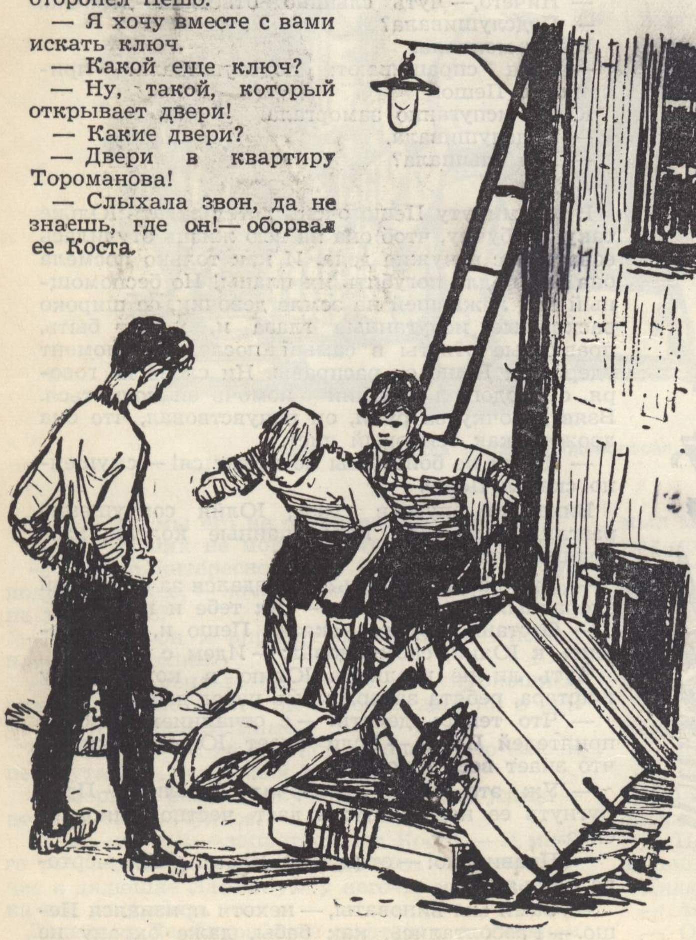
— Какой еще ключ?

— Ну, такой, который открывает двери!

— Какие двери?

— Двери в квартиру Тороманова!

— Слыхала звон, да не знаешь, где он! — оборвал ее Коста.

Среди груды пустых ящиков и баков для мусора лежала Юлия.

— В свою компанию примете?

— Сказали тебе: нет у нас никакой компании! — отмахнулся от нее Веселин. — Мы пионеры и действовать будем по-пионерски!

— И я пионерка.

— Тоже мне пионерка! — скривил губы Пешо. — Если б ты была настоящей пионеркой, держала бы язык за зубами. А дело, которое мы задумали, не мальчишеское даже, и уж, конечно, не девчонкам такими делами заниматься!

— Не хотите, не надо! А я пойду сейчас в милицию и обо всем расскажу! — перешла в наступление Юлия.

Мальчишки сжали кулаки.

— Интересно знать, что же ты скажешь там? — спросил Пешо.

— Скажу, что вы не хотите рассказать милиции про Тороманова!

Глядя на упрямое лицо Юлии, на ее крепко сжатые губы, ребята поняли: все пропало, девчонка может и в милицию пойти. У них опустились руки.

Пешо, не глядя на нее, сказал:

— Подожди нас тут. Мы сейчас вернемся.

Совещание во дворе затянулось минут на пятнадцать. Когда мальчики вернулись, судьба Юлии была решена, хотя решение приняли со многими оговорками.

— Ладно, — сухо начал Пешо, — примем тебя в свою компанию, но ты должна дать честное пионерское!

— Даю честное пионерское! — с готовностью начала Юлия. — Пусть лопнут мои глаза, если...

— Не так! — в один голос запротестовали ребята. — Надо, как полагается!

Через несколько минут Юлия была торжественно принята в группу.

Юлия получает задание

Как и обещал Коста, старик-слесарь сделал запасной ключ за полчаса.

Выйдя на улицу, ребята тут же сличили оба ключа: они были братьями-близнецами, только один был бронзовый, а другой железный. Теперь секретная квартира, вход в которую открывался тороманoвским ключом, была в их руках. Вот только узнать бы, где она находится!

Вечером Пешо сам отнес ключ человеку в белом костюме. Он поднялся наверх, а Коста с Веселином ждали на улице.

Снова Пешо стоял перед коричневой дверью с медной табличкой, на которой была выгравирована фамилия Тороманова. Нажав кнопку звонка, Пешо почувствовал, как противный холодок пополз по спине. Но в квартиру он должен войти совсем спокойным, так, чтобы у человека в белом костюме не возникло никаких подозрений.

За дверью раздался резкий звонок, и снова все стихло. Пешо прислушался. Прошла минута, другая — в квартире гробовая тишина. Пешо поднял было руку, чтобы позвонить снова, и вдруг почувствовал: сквозь глазок в двери кто-то его разглядывает. Через секунду

дверь бесшумно распахнулась, и он увидел на пороге высокую, худую Тороманову в длинном, до пола, красном бархатном халате. Она неприветливо взглянула на Пешо, и еще неприветливее прозвучал ее хрипловатый голос:

— Что тебе, мальчик?

— Можно видеть господина Тороманова? — вежливо спросил Пешо.

— А зачем он тебе? — удивилась женщина.

— Ключ у меня, — пояснил он.

Упоминание о ключе смутило Тороманову.

— Какой ключ? — спросила она изменившимся голосом.

— Господин Тороманов потерял ключ.

— Глупости ты говоришь, никакого ключа он не терял, — возразила она раздраженно.

— Я по ошибке отдал ему свой ключ.

— Подожди здесь, — облегченно вздохнув, сказала женщина и торопливо ушла в комнаты.

Вскоре появился улыбающийся Тороманов.

— А, это ты, малыш? — ласково спросил он. — Так что же, говоришь, случилось?

— Помните, вчера я отдал вам ключ, который вы потеряли?

— Помню, мой мальчик, как не помнить!

— Ошибка получилась... Я, оказывается, вам отдал свой ключ, а у меня ваш остался.

— Да ну! — насторожился Тороманов.— Вот так история! А где же мой ключ?

Сунув руку в карман, Пешо достал ключ и вежливо протянул его человеку в белом костюме.

— Ну, спасибо тебе! — от души поблагодарил тот.

— А вы отдадите мне мой ключ?

— Что за вопрос! — засуетился Тороманов. — Подожди-ка одну минуточку...

С удивительным для толстяка проворством он юркнул в комнаты и почти тут же появился с ключом в одной руке и небольшим кулечком в другой.

— Это конфеты, — добродушно пояснил он. — Хорошие, сознательные дети заслуживают награды... Возьми! —И он сунул в руки Пешо свой кулечек.

Мальчик взял конфеты и невнятно поблагодарил за подарок.

— А откуда ты узнал, где я живу? — улыбнувшись, полюбопытствовал Тороманов.

— Я видел, как вы входили в этот дом...

— Сам того не желая, я чуть не подвел тебя... Зашел, понимаешь, вчера в соседний дом к приятелю одному, а дочурка его хвать ключ — и в окно... А имя-то мое как же ты узнал?

— Спросил у людей, они и сказали.

— Так, так... Ну, умница! Сообразительный парень! — Ласково потрепав мальчика по плечу, Тороманов подмигнул ему и быстро захлопнул дверь.

Пешо, задумавшись, медленно спускался по лестнице. Человек в белом держался так естественно, его вопросы и ответы были настолько разумными и убедительными, что у Пешо зародилось сомнение: а что, если ребята начудили со своими подозрениями?

На улице его поджидали приятели. Завидев их горящие от нетерпения глаза, Пешо совсем растерялся. Но делать было нечего — пришлось сказать им всю правду. Пешо не упустил ни одной мелочи, передавая свои впечатления о встрече с Торомановым.

— Я говорил вам, нельзя идти в милицию! Нас сразу бы на смех подняли, — закончил он свой рассказ.

— Да ну! — насторожился Тороманов.

Коста с Веселином виновато промолчали. Первым нарушил тягостное молчание Веселин.

— Так-то оно так, — протянул он, — а все-таки ключ-то у него от чужой квартиры...

— Ну и что из этого?

— Как что из этого? По-твоему, это пустяк, да? А по-моему, не пустяк. Вместо того, чтобы сказать тебе правду, он и сегодня соврал. Человек врет на каждом шагу, а ты уши развесил!

Пешо и Коста пожали плечами.

— Ладно, — поддержал друга Коста. — Давайте еще раз вспомним все, что он наговорил нам. Сказал, будто он был в нашем доме и будто какая-то девочка выбросила ключ... В моем доме живут три девчонки: Павлина, Зоринка и Верка. Вот мы и расспросим их, приходил к ним Тороманов или нет и правда ли, что одна из них выбросила в окошко его ключ.

Предложение ребятам понравилось, и они сразу ухватились за него. У Пешо, однако, зародилось сомнение:

— Тоже мне свидетели! Каждый из твоих свидетелей пешком под стол ходит! Начнешь их допрашивать, а они глаза выпучат — и в слезы... Ничего из твоей затеи не получится.

— Получится! — возразил Веселин. — Мы пошлем к ним Юльку. Девчонке с девчонками легче разговаривать. Она у них выудит все, что нужно.

Пешо и Коста недоверчиво покачали головами.

— Лучше не впутывать ее в наши дела, — неуверенно сопротивлялся Коста.— Какой толк от девчонки!

— Дала честное пионерское, пускай теперь помогает, — настаивал Веселин.

— Это какая же Верка? Не сестренка ли нашего Бебо? — спросил Пешо.

— Она самая, — подтвердил Коста.

— Так давайте у самого Бебо спросим.

— Нельзя. Ведь он вместе с нами был, когда мы ключ нашли. Лучше его сестренку допросить... А такое задание Юлия сумеет почище нас выполнить.

Договорившись обо всем, приятели побежали к дому Юлии. Окно ее комнаты было распахнуто настежь, но девочки не было видно. Потоптавшись несколько минут, ребята тихо свистнули раз, другой. Лишь после третьего сигнала в окне появилась кудрявая голова Юлии. При виде ребят лицо девочки засветилось от удовольствия, и она радостно перевесилась через подоконник.

— Слезь-ка к нам! — таинственно сказал Веселин.

— Сейчас?

— Ясно, сейчас!

— Папа дома, — опасливо оглянувшись, предупредила она.

— Подумаешь, папа дома!.. Ты на минутку только выйди.

— Попадет мне потом...

Коста презрительно передернул плечами.

— Ну, что я вам говорил? Нечего связываться с девчонками! — громко сказал он.

Этих слов было достаточно. Минуту спустя Юлия уже стояла рядом с мальчишками, гордая и счастливая. Наконец-то они не только приняли ее в свою компанию, но и нуждаются в ее помощи!

— Слушай, — строго начал Пешо. — Мы хотим дать тебе важное задание. Возьмешься?

— Возьмусь! — не раздумывая, выпалила она.

И три приятеля, перебивая друг друга, принялись объяснять ей, чтó она должна сделать.

Юлия нападает на след

Каждый день в одно и то же время — около десяти часов утра — к дому, в котором жил Коста, опираясь на палочку, подходила старушка-немка. Не подымаясь по лестнице, она снизу звонила в некоторые квартиры, и почти тут же к ней сбегалась целая стайка малышей. За небольшую плату она ежедневно водила ребятишек в большой городской парк, гуляла с ними и учила немецкому языку. Ее воспитанниками были малыши-дошкольники, но в то утро к ним присоединилась и Юлия.

Юлия старалась добросовестно выполнить поручение, хотя, правду говоря, сегодня оно выглядело совсем не таким интересным и привлекательным, каким показалось вчера.

С веселым шумом и гамом малыши цепочкой потянулись в парк.

«Только бы не повстречались девочки из школы! Еще подумают, что я собралась с малышами в жмурки играть!..» — хмуро думала Юлия, замыкавшая цепочку. Одно утешало ее: девочки, ради которых она отправилась на прогулку, шли рядом: и черноглазая Павлина, вертлявая болтунья в коротеньком платьице, и Верочка, тоненькая молчаливая девочка в очках, и румяная толстушка Зорочка.

С веселым шумом и гамом малыши потянулись в парк.

Едва группа дошла до детской площадки парка, питомцы бабушки Клары сразу разбежались во все стороны. Одни принялись строить из песка туннели и плотины, другие с ведерками в руках побежали к пруду, третьи рассматривали поливавшую аллеи парка машину и веселую радугу, которую солнце зажгло в струйках воды.

Юлия отвела трех девочек в сторонку; прежде всего надо было войти к ним в доверие, поиграть с ними. Легко сказать: поиграть... А во что? К счастью, девочки сами предложили:

— Давайте поиграем в царя!

— Ладно, давайте в царя, — тут же согласилась Юлия.

— А кто будет царем?

— Я!.. Я!.. И я!..

Громче всех кричала маленькая Павлинка.

— Нет, сперва царем будет Вера, а потом ты.

— Нет, вперед я, потом она.

— Видишь, какая ты капризная! — сказала укоризненно Юлия.

— Вовсе и не капризная.

— И капризная, и шалунья! Зачем позавчера чужой ключ в окошко выбросила? Не спорь, пожалуйста, я все знаю!

— Я не выбрасывала, — обиделась Павлина. — Ты сама выдумала про ключ!

— Очень мне нужно выдумывать! Мне все сказали: пришел к вам в гости один дядя, а ты схватила его ключ и выбросила в окошко.

— Враки!

Чем настойчивее допытывалась Юлия, тем упорнее возражала Павлина.

— Если, Павлиночка, скажешь мне всю правду, я дам... я тебе дам...

— Да не трогала я ключ! — совсем рассердилась Павлина.

— А ты не бойся, скажи: «Ну, выбросила». А я тебе за это куклу свою подарю.

— Тряпичную, небось?

— Не тряпичную, а всамделишную!

Как было устоять против такого соблазна?

— Ну, выбросила дядин ключ,— как попугай, повторила Павлинка слова Юлии.

— А как зовут его?

— Кого? Дядю?

— Конечно, дядю, того самого, у которого ты ключ взяла.

— Не знаю.

— А как он одет был?

— Кто, ключ?

— Да не ключ, а дядя!

— Как одет? — удивилась Павлина. — Как будто сама не знаешь, как все дяди одеваются!

— В пиджаке он был?

— В пиджаке.

— В каком?

— В каком, в каком! — рассердилась Павлина. — В обыкновенном, в тряпочном, вот в каком!.. А глаза у куклы стеклянные или нарисованные?

— Стеклянные... Значит, дядя был в белом пиджаке? — не унималась Юлия.

— В белом, — старалась поскорее отвязаться от расспросов Павлина.

— Он вот такой толстый, да?

— Толстый-претолстый!

— А ключ ты куда бросила?

— В ящик!

— В какой ящик? — растерялась Юлия.

— В мусорный.

— Я так и знала, что ты обманщица! Ведь ты в окошко его выбросила, а говоришь, в мусорный ящик... Э, нет, меня так просто не проведешь! Скажи сразу: выбросила во двор, в окошко, да?

— В окошко, — уныло повторила Павлина. — А куклу ты сейчас отдашь?

— Да врет она все! — не утерпев, вмешалась в разговор Верочка. — Это она из-за куклы старается!

— Вот еще! — надула губы Павлина.

— Как же ты могла выбросить ключ во двор, если у вас все окошки на улицу?

Павлина растерянно замигала.

— Я на улицу и выбросила,— нашлась она.

Юлия с безмолвным укором смотрела на маленькую обманщицу.

— Слушай, Павлиночка, если ты мне скажешь всю правду, я, так и быть, все равно отдам тебе куклу. Я большая, мне она не нужна,— скрепя сердце проговорила Юлия. — Я и без куклы обойдусь... Если ты выбросила ключ, отдам, и если не выбрасывала, все равно отдам. Ты только правду скажи!

— Это не я, — призналась девочка, — ничего я не выбрасывала.

— И дядю не видела?

— И дядю не видела...

Юлия даже руками всплеснула.

— Это к нам такой дядя приходил... Толстый, в белом костюме, — тихо сказала Верочка.

— Правда? — встрепенулась Юлия. — Когда приходил?

— Он был... он был... — припоминала Верочка,— наверное, пять дней назад... а может, и шесть...

— А позавчера опять приходил?

— Позавчера не приходил, а давно приходил. Пришел, посидел, поговорил с папой и ушел.

— А ключ ты выбрасывала?

— Очень мне нужно ключи выбрасывать! — обиделась Вера. — Я и не подходила к дяде...

Юлия подумала, что Верочке можно поверить. Такая не станет сочинять небылицы. Обрадованная, что ей все-таки удалось напасть на след, Юлия замучила Верочку расспросами. Наконец она убедилась, что именно к ним приходил толстяк, про которого рассказывали ей Пешо с Веселином. И костюм на нем был белый, и приходил он вечером. Вот только день почему-то не совпадал, и ключа Верочка не выбрасывала. Это так и осталось невыясненным. И все же Юлия страшно гордилась, что ей удалось решить такую трудную задачу. Сейчас она мечтала об одном: поскорее побежать к ребятам и рассказать им про то, как хитро выведала она тайну. С трудом дождалась она конца прогулки. Как только бабушка Клара повела ребятишек домой, Юлия, вырвавшись вперед, мигом долетела до кустарника, из-за которого ее приятели наблюдали за домом Торомаиова. Завидев Юлию, они выскочили из засады и обступили ее.

— Ну как? — нетерпеливо спросил Пешо.— Узнала?

— Все узнала,— важно проговорила Юлия.

Впервые в жизни она чувствовала себя в центре внимания: те самые мальчишки, которые всегда только дразнили ее, сейчас с покорным видом ждали, что́ она им скажет. Юлия неторопливо опустилась на траву.

— Да начинай же! — торопил ее Веселин.

Стараясь растянуть удовольствие, она не спеша, чуть ли не слово в слово передала свой разговор с девочками. Юлия видела, как жадно ловят каждое ее слово; девочке даже показалось,

— Ты не бойся, скажи. Я тебе за это куклу подарю.

что вся компания восхищена тем, с какой ловкостью раздобыла она все эти важные сведения.

— Молодчина, — сдержанно заметил Пешо. — Хорошо справилась с заданием.

— Я еще и не такое могу! — гордо закинув голову, небрежно бросила она.— Вы только задания давайте.

Но ее хвастовство не понравилось ребятам, и Юлия прикусила язык.

— Что дальше делать будем? — нерешительно спросила она.

— Посмотрим, — уклончиво ответил Пешо. — Подумать надо.

— Тут и думать-то нечего, я давно сказал, что Тороманов все врет! — решительно высказался Веселин. — Такой уж человек: слова правды не скажет.

— Эх, узнать бы, зачем он к Веркиному отцу приходил! — вслух мечтал Пешо. — Уж... не заодно ли они?

— И чего ты болтаешь! — оборвал его Коста.— Товарищ Апостолов — самый старый коммунист в нашем районе! Он же председатель комитета Отечественного фронта!

Пешо и сам устыдился своих подозрений.

— Это я так... сгоряча, — смущенно пробормотал он.

— Давайте у Бебо спросим,— предложил Веселин. — Вдруг он лучше Верки знает, зачем Тороманов приходил к ним!

Предложение дельное, конечно, но Бебо не Верочка, на приманку вроде куклы его не возьмешь. Этот сразу спросит: зачем ребятам так понадобился Тороманов?

— Тогда давайте примем его к нам в группу,— предложил Коста.— Если примем, он обязан будет все рассказать нам.

— Я согласен,— поддержал Веселин.

— И я, — поддакнула Юлия.

Пешо взглянул на нее исподлобья, словно хотел сказать: «А ты тут при чем, тебя-то кто спрашивает?».

Юлия, покраснев, опустила голову.

— Я против, — решительно возразил Пешо. — Нас и так набралось много. Начнем принимать каждого попавшегося — весь город узнает тайну... А с этим делом шутить нельзя!

Спор ни к чему не привел, так и не решили, как быть с Бебо.

Оставался один-единственный путь к разгадке тайны: не упускать из виду человека в белом костюме. Вся четверка была убеждена: если смотреть за ним в оба, он чем-нибудь да выдаст себя, какой-нибудь оставит след, пусть самый неприметный. А тогда уж они и без Бебо сумеют все распутать!

Юлия исчезла!..

В первые же два дня Пешо убедился: их группа так малочисленна, что они ни за что не справятся с таким серьезным делом. Да и само наблюдение оказалось куда более трудным, чем они предполагали, и... не настолько увлекательным, как им показалось сначала.

На следующее утро человек в белом вообще не вышел из дому. На посту в скверике дежурили Пешо с Веселином.

После обеда их сменили Коста с Юлией. Только часа в четыре Тороманов наконец появился и направился в центр города. Коста и Юлия тут же двинулись за ним, стараясь идти на таком расстоянии, чтобы Тороманов не мог их заподозрить. Но, наверное, по неопытности юные разведчики сразу же оскандалились: потеряли из виду Тороманова. Свернув на Алабинскую улицу, он ускорил шаг и исчез в толпе. Напрасно Коста и Юлия заглядывали во все магазины и кафе, напрасно обследовали парикмахерские и кондитерские: человек в белом костюме словно сквозь землю провалился.

Не глядя друг на друга, сконфуженные, молча вернулись они восвояси. Вечером на кратком совещании Пешо долго с презрением смотрел на них, а его темные брови хмурились и сдвигались все ближе и ближе, пока не сомкнулись на переносице.

На следующий день Тороманов тоже вышел из дома лишь после обеда. В руках у него была уже знакомая ребятам базарная сумка. Теперь он направился по улице графа Игнатьева. Коста и Юлия, наученные горьким опытом, изменили тактику: теперь Юлия шла за Торомановым по пятам — девочка не могла вызвать у него подозрений,— а Коста, старавшийся ни на секунду не выпускать из виду пестрое платье Юлии,— метрах в пятидесяти позади нее.

Слежка продолжалась недолго: Тороманов вскоре вошел в какой-то магазин. Юлия, подождав Косту, глазами показала ему, в какую дверь вошел человек в белом. Это был букинистический магазин. Коста с независимым видом шмыгнул туда же.

Склонившись над прилавком, Тороманов внимательно разглядывал корешки лежавших перед ним книг.

Мальчик подошел, встал рядом и тоже принялся рассматривать книги, а одним глазом следил за каждым движением толстяка.

Ничего подозрительного заметить ему не удалось.

Человек в белом отобрал целую кипу зачитанных книг, подошел к кассе, уплатил и, небрежно сунув покупку в свою вместительную

базарную сумку, направился домой. В этот день он больше никуда не выходил.

Вечером Коста кратко доложил друзьям о своих наблюдениях. Ребята, внимательно выслушав его, всерьез задумались.

— А ты не заметил, какие он книги купил? — минуту спустя спросил Пешо.

— Самые обыкновенные... штук семь — восемь... романы, по-моему...

— Названия запомнил?

Коста смущенно почесал затылок.

— Не мог же я всего разглядеть! Ну, купил он какой-то роман, «Зеленый стрелок», что ли...

— Еще?

— Взял еще одну какую-то книжку с такой пестрой обложкой... Детская, наверное.

— Вот так номер! — фыркнул Веселин. — С виду старый, а детские книжки читает!..

— Нравятся ему, значит, такие, — усмехнулся Коста.

Косту засыпали вопросами: были ли другие люди в магазине, разговаривал ли Тороманов с продавцом, знают ли его в магазине...

— И еще как знают! — подтвердил Коста, радуясь, что может щегольнуть своей наблюдательностью. — Продавец при мне вытащил из-под прилавка какую-то книжку и сказал: «Вот, сберег специально для вас, товарищ Тороманов».

Но ребят такая подробность почему-то не удивила.

Мало-помалу речь снова зашла о том, что давно было на уме у Веселина: маловата группа! Вчетвером не уследить за каждым шагом человека в белом костюме. И тут-то, ко всеобщему удивлению, Пешо первым предложил:

— Надо еще кого-нибудь принять. Если Тороманов часто будет встречать нас, он сразу догадается, что за ним подглядывают, и тогда все пропало. Надо, чтобы разные люди ходили по его следам, тогда собьем его с толку.

— Ну да! — обрадовался Веселин.— Я давно говорил!

— Значит, примем Бебо?— спросила Юлия.

Пешо снова метнул на нее сердитый взгляд, но не сказал ни слова.

— Он не из болтливых,— поддержал Юлию Веселин.— Мы заставим его дать честное пионерское!

— Ладно, давайте примем Бебо,— согласился Пешо,— только, по-моему, одного нам не хватит.

После долгих споров и пререканий решили сразу принять в свою группу еще троих ребят. Разумеется, все трое должны быть пионерами. И еще было решено: каждый вступающий в группу обязан дать самую торжественную клятву — не на жизнь, а на смерть: хранить в строжайшей тайне все, что станет ему известно о действиях группы. Было, кроме того, решено: каждому участнику группы сдать экзамен на храбрость. Эта идея принадлежала Пешо. Она понравилась всем, хотя ребята долго не могли договориться, как же все-таки проверять храбрость. Спорили, ссорились и наконец постановили: все члены тайной группы должны на деле доказать, что они готовы к любым опасностям. Первое испытание было сравнительно легким: босиком перепрыгнуть через довольно высокую ограду из колючей проволоки в сквере. Второе требовало уже настоящей выдержки: надо было перейти канал, но не по мосту, а по его деревянным перилам.

— Опасно... Как бы нам, ребята, шею на этом деле не свернуть, — заколебался рассудительный Коста. — Потеряет парень равновесие, свалится в воду и еще ноги-руки переломает...

— Ничего страшного нету, — возразил Пешо. — Видишь, что равновесие теряешь, прыгай на мост — и все тут!

— А если вместо моста сиганет в канал?

— Ну, это уж его дело! — сердито огрызнулся Пешо.

Человек в белом отобрал целую кипу книг...

— А ты перейдешь? — испуганно спросила его Юлия.

— Я-то перейду, а вот как ты перейдешь? — вопросом на вопрос ответил Пешо.

Решили, однако, от второго испытания Юлию освободить. Но от первого Пешо освободить ее ни за что не соглашался.

— Каждого на деле проверять надо, а не на словах! — настаивал он. — Бабы нам ни к чему. Храбрый парень и не такой канал перейдет, а трусам нос свой совать в наше дело нечего!

Подобрать компанию оказалось не так уж трудно. В тот же вечер с наступлением сумерек все участники будущей группы, собравшись в скверике, дали торжественную клятву. Новички, правда, еще не знали, что их ожидает, но это-то как раз и прельщало всех. Теперь, когда они дали клятву, им предстояло еще выдержать завтра утром экзамен на храбрость — и только тогда они узнают тайну. Завтра решающий день! Пешо, войдя в роль, серьезным тоном взрослого человека намекнул, что всем им, дескать, предстоит оказать родине очень важную услугу...

В эту ночь ребята долго не могли заснуть. Не удивительно, что утром они прибежали на сборный пункт задолго до назначенного часа. Косту и Юлию оставили на посту, остальные отправились испытывать свою храбрость.

Прыжки через колючую проволоку закончились благополучно, хотя кое у кого долго потом дрожали коленки. Отсюда, из сквера, гурьбой пошли к мосту. Тут только ребята сообразили, что перила несколько... узковаты. Некоторые стали почесывать затылки.

— Бултыхнуться-то не страшно, а вот как бы не утонуть, — неуверенно проговорил Веселин.

— Это в луже-то утонуть? — высокомерно спросил Пешо. — Умеючи надо падать!

Он первым взобрался на перила и, не глядя себе под ноги, легко и быстро перебежал на противоположную сторону. Ребята, наблюдавшие за ним, заулыбались.

— Сейчас я слезу под мост! — крикнул он. — Если кто нырнет, выручу!

Вторым влез на перила Веселин. Сделав несколько шагов, он вдруг потерял равновесие, но успел спрыгнуть на тротуар. Друзья тут же помогли ему снова влезть на перила. Вторая попытка окончилась благополучно.

Настала очередь Бебо. Как только он взобрался на перила, его и без того бледное лицо совсем побелело.

— Да ты не бойся! — приободрял его Веселин. — Тут ничего страшного нет!

Бебо, нахмурившись, покраснел от обиды и, чтобы доказать свою храбрость, смело зашагал вперед. Дойдя до середины моста, он, теряя равновесие, смешно замахал руками. Ребята замерли. Кто-то крикнул ему: «Прыгай!».

Но Бебо сумел восстановить равновесие и опять двинулся вперед, хотя и не так уверенно, как вначале.

Он все-таки благополучно добрался до конца перил и спрыгнул на землю. Только Веселин заметил пот, градом катившийся с его лба.

— Молодец! — тихо сказал он. — Я так и знал, что ты не подкачаешь.

К перилам подошел Чарли — щуплый, юркий паренек, весельчак, душа всей компании. На его живом, умном лице не было и следа тревоги, а глаза поблескивали от удовольствия. Чарли вспрыгнул на перила, сделал изящный реверанс и неожиданно нахмурился.

— Что за безобразие! — гневно воскликнул он. — Не вижу тут ни одного кинооператора!

Еще раз поклонившись, он спокойно зашагал, помахивая руками, словно дирижировал оркестром. И все же ему не суждено было перейти мост: словно из-под земли выросла перед ним фигура милиционера. Заметив его, Чарли, подражая автомобилю, засигналил и поднял руку, как это делают шоферы, когда просят у милиционера разрешения продолжать путь. Милиционер улыбнулся было, но тут же строго приказал:

— А ну, слезай!

Чарли покорно спрыгнул.

— Что вы тут делаете? — спросил милиционер.

— Играем! — хором ответили ребята.

— Ишь, какие игры выдумали! Вот бы матери увидели, они бы вам показали, как плетка играет!..

— Плеткой нельзя воспитывать, плетки теперь не в моде, — совершенно серьезно ответил Чарли, хотя в глазах его вспыхивали озорные огоньки.

Милиционер с интересом посмотрел на своего маленького собеседника.

— Больно ты много разговариваешь!.. Кру-гом! Ша-гом марш!.. Покажите-ка мне свои спины, пока дело не дошло до беды!

Ребята нехотя поплелись восвояси, но минут через пятнадцать они уже снова появились на мосту. Милиционера не было видно. Экзамен можно продолжать. Чарли опять встал на перила и, перейдя мост, торжественно заявил:

— Рубикон перейден, победа!

Осталось выдержать испытание щуплому, близорукому, очкастому мальчику, лучшему ученику и признанному стихотворцу. Из-за его кандидатуры спорили больше всего, и Веселину стоило немалого труда уговорить Пешо принять его в группу. Все ребята любили этого мальчика, никогда не давали его в обиду. И хотя считался он поэтом, прозвище у него было совсем не поэтическое — Фис, сокращенное от Фисташка, — так называли его за зеленоватый цвет лица.

Когда Фис вскарабкался на перила, вся компания с тревогой уставилась на его тщедушную фигурку. Вид его не предвещал ничего хорошего: губы побелели, глаза беспокойно бегали...

— Не торопись, никто тебя не гонит, — подбадривал Фиса Веселин. — И помни: ничего страшного нету.

Даже вечный насмешник Чарли, и тот примолк.

Фис, не отрывая глаз от перил, осторожно передвигал ноги.

— Не гляди вниз, голова закружится! — предупредил снизу Пешо.

— Может, хватит с него? — забеспокоился Веселин.

— Ничего, пускай идет!

Колени Фиса совсем подгибались, хотя он добрался уже до середины моста, ни разу не потеряв равновесия. И вдруг, даже не вскрикнув, полетел вниз, будто нарочно прыгнул в канал.

Мальчишки обмерли.

Раздался сильный всплеск и тут же другой... Пешо, не теряя ни секунды, бросился в воду, подхватил ошеломленного Фиса и помог ему выбраться на берег. Ребята, перевесившись через перила, кричали сверху, подавали какие-то советы. А Фис, сконфуженно улыбаясь, молча смотрел на приятелей. Видно было, что вынужденное купание не причинило ему никаких неприятностей. Вот только лицо его показалось всем каким-то странным, незнакомым, чужим.

— С легким паром! — крикнул ему Чарли.— Попарился на славу, да и баня к тому же гроша ломаного не стоила!

Все расхохотались — не то чтобы шутка Чарли показалась им уж очень смешной,— просто обрадовались, что все кончилось благополучно.

— А где же мои очки?

Только теперь ребята сообразили, почему так изменилось лицо Фиса: они никогда не видели его без очков. Пешо снова нырнул в речку и без труда отыскал очки. К великому удовольствию ребят, стекла были целехоньки. Фис водрузил очки на нос. Лицо его сразу преобразилось, стало таким же знакомым, как прежде.

— А все-таки это был героический прыжок! — весело сказал Чарли, когда компания собралась вместе.— Ни разу в жизни не видел, чтобы человек мог так ловко сигануть с моста в речку!

Все расхохотались и весело зашагали домой.

У входа в скверик Пешо заметил, что ни Косты, ни Юлии на посту нет. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: наверное, Тороманов ушел из дому и они отправились следом за ним. Ребята расселись в тени густого дерева, нетерпеливо поглядывая во все стороны. Вскоре появился Коста. Его сухощавое загорелое лицо казалось встревоженным.

— Можешь говорить при всех,— сказал Пешо: он думал, что Коста смущен присутствием посторонних.— Все они приняты в нашу группу...

Коста бросил на приятеля тревожный взгляд и глухо проговорил:

— Беда... Юлька исчезла!..

Ребята вздрогнули.

— То есть как исчезла? — нахмурившись, спросил Пешо.— Ты что мелешь?

— Исчезла! — повторил Коста.— Шла в двух-трех шагах позади Тороманова, а я шагах в двадцати — тридцати... Вдруг и Тороманов и Юлия будто сквозь землю провалились...

— Чепуха! — рассердился Пешо.— Не они исчезли, а просто ты их потерял!

Коста отрицательно покачал головой.

— Вовсе и не потерял, просто они исчезли,— обиженно возразил он.— На площади Славейкова. Мы шли за ним по улице графа Игнатьева. Перешли улицу Раковского и дошли до площади. Тут впереди меня появилась какая-то толстая тетка. Я стал обгонять ее. Прошло, может, секунды три... Сколько шагов можно сделать за три секунды? Ну, пять, ну, шесть... Вот пойдемте на площадь, покажу, где это было! От того места до самого близкого дома шагов двадцать или тридцать, не меньше... Тетку я обогнал, оглянулся, а их и след простыл, будто в яму какую провалились.

— Не может этого быть! — обозлился Пешо.— Бабушкины сказки!

— Они, наверное, в толпе затерялись,— предположил Веселин.

— Некуда им было теряться,— покачал головой Коста.— Народу на площади не было... Честное пионерское! И войти им было некуда и потеряться негде... Исчезли — и все тут!

Ребята встревоженно переглянулись.

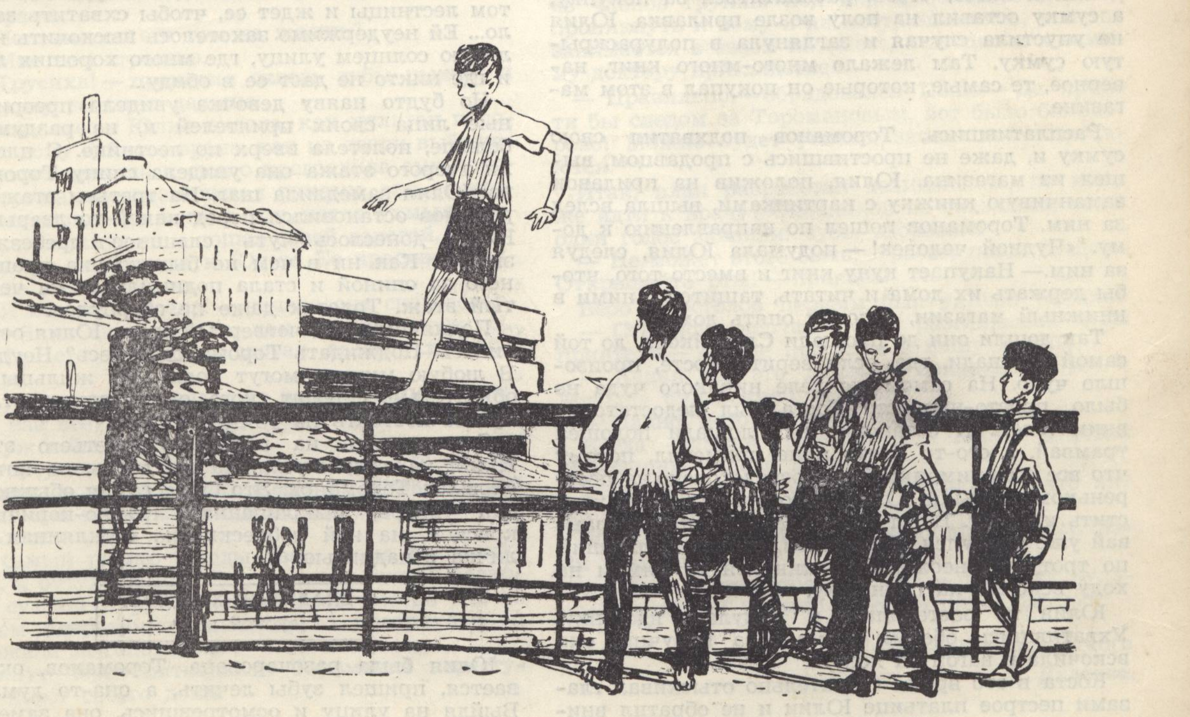
— Сам-то ты понимаешь, что не могли они так просто исчезнуть? — уже спокойнее спросил Косту Пешо.— И народу было мало, и входов никаких поблизости!.. В чем же дело?

— На небо вознеслись,— съязвил Чарли,— как святые!

Но ребятам было не до шуток. Они сердито посмотрели на Чарли, и тот прикусил язык.

— А до этого Тороманов заходил куда-нибудь? — поинтересовался Веселин.

— Опять в тот же магазин,— ответил Коста.

Бебо сумел восстановить равновесие и опять двинулся вперед.

Таинственный зубной врач

Тороманов вышел из дому ровно в половине одиннадцатого утра. Он, как всегда, был в белом костюме и с базарной сумкой в руках. Но только на этот раз сумка казалась набитой до отказа.

Как договорились заранее, Юлия пошла следом за ним.

Тороманов несколько раз оборачивался. За одно мгновение он, казалось, успевал пристально оглядеть всю улицу. Но ему, наверное, и в голову не приходило обратить внимание на хорошенькую девчонку, которая, балансируя худенькими руками, шла по самому краю тротуара. Дети для него были вне подозрений.

Юлия удивилась, когда человек в белом костюме зашел в тот же самый букинистический магазин, в котором всего несколько дней назад его видел Коста. Она нерешительно остановилась возле двери.

— Зайди в магазин. Меня он приметил, наверное! — шепнул ей прошедший мимо Коста.

Юлия вошла внутрь. В магазине было много покупателей: одни перелистывали книги, другие рассматривали корешки переплетов. Тороманов стоял возле пожилого продавца и терпеливо ожидал чего-то. Юлия взяла в руки детскую книжку и, делая вид, что рассматривает яркие картинки, старалась не упускать из виду человека в белом костюме.

Пожилой продавец, отпустив покупателя, повернулся к Тороманову и дружески улыбнулся ему.

— Для вас тоже кое-что приготовлено,— сказал он и, нагнувшись, стал рыться под прилавком.

— Интересная?

Продавец подал книгу. Тороманов взял ее, подошел к кассе, чтобы расплатиться за покупку, а сумку оставил на полу возле прилавка. Юлия не упустила случая и заглянула в полураскрытую сумку. Там лежало много-много книг, наверное, те самые, которые он покупал в этом магазине.

Расплатившись, Тороманов подхватил свою сумку и, даже не простившись с продавцом, вышел из магазина. Юлия, положив на прилавок заманчивую книжку с картинками, вышла вслед за ним. Тороманов пошел по направлению к дому. «Чудной человек! — подумала Юлия, следуя за ним.— Накупает кучу книг и вместо того, чтобы держать их дома и читать, тащится с ними в книжный магазин, а потом опять домой».

Так дошли они до площади Славейкова, до той самой площади, где, если верить Косте, произошло чудо. На самом же деле никакого чуда не было, просто-напросто Коста был недостаточно внимателен. К остановке на площади подошел трамвай, а его-то Коста и не приметил, потому что все его внимание было сосредоточено на пестреньком платьице Юлии, которую он боялся упустить из виду. В тот самый момент, когда трамвай уже тронулся, Тороманов, спокойно шедший по тротуару, неожиданно кинулся за ним и на ходу вскочил на подножку.

Юлия не растерялась и кинулась вдогонку. Ухватившись обеими руками за поручни, она вскочила в вагон на ходу.

Коста в это время старательно отыскивал глазами пестрое платьице Юлии и не обратил внимания на трамвай, который увез ее и Тороманова.

В вагоне Юлия сразу заметила человека в белом костюме, проталкивавшегося к выходу. И вдруг, пробираясь за ним, она увидела кондуктора. Вот так-так! Что же ей теперь делать, ведь у нее нет с собой ни копейки! Замирая от страха, девочка попятилась назад, стараясь спрятаться за чужими спинами.

На ее беду кондуктор быстро раздал билеты и тоже вышел на заднюю площадку. Юлии показалось даже, что он строго взглянул на нее.

— У кого нет билета?

— У меня,— упавшим голосом сказала Юлия.

Кондуктор потянулся к катушке, чтобы оторвать билет.

— Не отрывайте, не отрывайте, пожалуйста, дяденька! — остановила его Юлия, совсем красная от стыда.— Я потеряла деньги. Видите, какой у меня карман маленький?

— На следующей остановке сойдешь,— равнодушно сказал кондуктор, подавая билет другому пассажиру.

Едва сдерживая слезы, Юлия стала пробираться к выходу. Делать было нечего: человек в белом костюме избавлялся от своего преследователя.

Трамвай стал сбавлять ход. Юлия взглянула вперед и даже рот раскрыла от удивления: Тороманов тоже собирался выходить здесь... Вот ведь какой человек, катается на трамваях, вместо того чтобы пешком пройти одну остановку! Как только трамвай остановился, Тороманов вышел из вагона и, не оглядываясь, быстро зашагал по улице. Юлия вприпрыжку побежала за ним.

Тороманов свернул на тихую улицу и вскоре вошел в один из подъездов. Перед дверью Юлия нерешительно остановилась. А вдруг человек в белом костюме заметил, что она следит за ним? Может быть, он притаился где-нибудь за поворотом лестницы и ждет ее, чтобы схватить за горло... Ей неудержимо захотелось выскочить на залитую солнцем улицу, где много хороших людей и где никто не даст ее в обиду...

Но будто наяву девочка увидела презрительные лица своих приятелей и, не раздумывая больше, полетела вверх по лестнице. С площадки второго этажа она увидела спину Тороманова. Юлия замедлила шаг. На третьем этаже Тороманов остановился перед какой-то дверью. До Юлии донеслось чуть слышное дребезжание звонка. Как ни в чем не бывало она прошла у него за спиной и стала подниматься на четвертый этаж. Толстяк даже не обернулся.

Поднявшись на четвертый этаж, Юлия остановилась. Поджидать Тороманова здесь? Неудобно. В любую минуту могут появиться жильцы, они обязательно спросят, кого она здесь ждет. Да, лучше постоять на улице.

Спустившись на площадку третьего этажа, Юлия на ходу взглянула на дверь, за которой скрылся Тороманов. Это была самая обыкновенная дверь, выкрашенная грязно-коричневой краской, на ней поблескивала стеклянная табличка с надписью:

ВЛАДИМИР ХРИСТОВ,
зубной врач

Юлия была разочарована. Тороманов, оказывается, пришел зубы лечить, а она-то думала... Выйдя на улицу и осмотревшись, она заметила парадный подъезд на противоположной стороне улицы и решила, что оттуда удобнее всего будет

наблюдать за домом, в котором скрылся Тороманов.

Время тянулось мучительно медленно. Хуже всего было то, что она даже не знала, который теперь час. Терпение Юлии истощалось, она уже всерьез стала подумывать, что караулит здесь зря. Неожиданно за ее спиной появился рыжеволосый конопатый парнишка в коротких штанах. Поровнявшись с Юлией, он окинул ее с головы до пят враждебным взглядом, сплюнул и грубо спросил:

— Ты чего тут торчишь?

— А тебе какое дело? — огрызнулась Юлия.— Я, кажется, тебя не задеваю!

Мальчишка подошел к ней еще ближе и снова смерил ее презрительным взглядом.

— Отвечать надо, когда тебя спрашивают! — прикрикнул он.

Вздернув нос, Юлия круто повернулась спиной к нахалу.

Дерзость девчонки ошеломила рыжеволосого. С минуту он молча разглядывал ее затылок и вдруг, размахнувшись, сильно ударил девочку в спину. Юлия грохнулась наземь. С трудом поднявшись, она молча посмотрела на хулигана. А тот, засунув руки в карманы, стоял в двух шагах и ждал, что она будет делать дальше.

— Как тебе не стыдно! — еле сдерживая слезы, возмутилась Юлия.

— А почему ты молчишь, когда спрашивают?

— А что мне с тобой разговаривать? Что, эта улица твоя, что ли?

— Поговори, поговори у меня! Мало еще получила? Проваливай-ка отсюда!

— А вот и не уйду, я папу жду...— соврала Юлия.

Рыжий, настороживишсь, быстро оглянулся.

— Где же он?

— К доктору пошел,— показала она рукой на дом врача.

— Чего же ты его там не ждешь?

— Мне там страшно.

— Трусиха! — процедил сквозь зубы рыжий и вразвалку зашагал дальше.

Сквозь слезы Юлия видела, как хулиган подошел к дому зубного врача, как из двери выбежала рослая девочка и смело преградила ему дорогу. Угрожающе размахивая руками, она за что-то отчитывала рыжего, а тот, нагло ухмыльнувшись, оттолкнул ее и пошел своей дорогой.

Девочка подбежала к Юлии. Ее красивое подвижное лицо пылало.

— Я все, все видела! — начала она скороговоркой.— Я из окна видела, как он тебя стукнул!..

— Ты его знаешь? — глотая слезы, спросила Юлия.

— Кто же его не знает на нашей улице! От него у нас все плачут. Если бы я была мальчишкой, уж я бы ему показала!

Минуту спустя Юлия уже знала, что ее защитница — пионерка, что зовут ее Живкой и что живет она в том самом доме, куда скрылся Тороманов.

В самый разгар беседы дверь дома распахнулась, и оттуда вышел Тороманов с пустой базарной сумкой в руке. Юлия, пробормотав что-то совсем невразумительное, круто повернулась и побежала за толстяком.

Минут через пятнадцать Тороманов переступил порог своего дома.

Ребята, обрадованные возвращением Юлии, со всех ног кинулись к ней.

— Где ты пропадала? — нетерпеливо спросил Веселин.— Знаешь, мы все так перепугались, когда ты исчезла!

Юлия небрежно отмахнулась, как будто ее сегодняшние приключения были таким пустяком, таким привычным для нее делом, о котором и говорить-то не стоило. Однако свои похождения она пересказала друзьям со всеми подробностями, а если о чем и умолчала, так только о пережитых ею страхах. Чем ближе к концу подходил рассказ, тем с бо́льшим удивлением, а потом и с восхищением слушали ее мальчишки.

Началось обсуждение последних событий.

— По-моему, она напала на верный след,— высказал свое предположение Веселин.

— Посмотрим,— пожал плечами Пешо.

— Тут и смотреть нечего! — настаивал Веселин.— Ну, сам подумай, разве не чудно́: Тороманов целыми охапками покупает романы, сам их не читает, а перетаскивает какому-то доктору! Зачем это? Неужели доктор сам не может книги купить? Гм!.. А где в мире вы видели таких чудаков докторов, которые хотели бы, чтобы больные платили им не деньгами, а романами?

Ребята расхохотались.

— Может, и водятся такие. Клык хочешь вырвать — один роман, коренной зуб — два романа тащи,— сострил Чарли.

— Ключ! — перебил его Пешо.— Чтобы ходить к зубному врачу, никакого ключа не нужно. Спорить буду: вся загвоздка в ключе!

— Эх, узнать бы, зачем Тороманов к врачу ходил, тогда наверняка и историю с ключом нетрудно было бы разгадать! — сказал Веселин.— Главное сейчас — не потерять след.

Поспорив, решили проверить, что за птица этот самый зубной врач. Придумали такой план: один из членов группы под видом больного должен проникнуть к нему и на месте выяснить, чем тот занимается в своем кабинете, а заодно и к самому доктору приглядеться.

— Правильно,— обрадовался Пешо.— Да прийти бы следом за Тpromановым, вот было бы здорово! Можно будет узнать, зачем они встречаются.

Итак, план разработан великолепно, но кому же идти к врачу? Охотников не оказалось, все в один голос заявили: зубы здоровые!

— Не может этого быть! — рассердился Пешо.— Открывайте рты! — приказал он.

Бебо Апостолов первым был уличен во лжи.

— Стыдно! — ворчал Пешо, разглядывая зубы приятеля.— А еще просился в нашу группу!

— Какая же это дырка! — покраснел Бебо.— Меньше булавочной головки!

— Ладно, потом будешь оправдываться!

Когда решили расходиться, Коста заметил ободранное колено Юлии.

— А это откуда у тебя? Расшиблась, что ли? Из трамвая прыгала? — удивился он.

Юлия рассказала про рыжего. Мальчишки были возмущены.

— Ну и достанется же ему! — погрозил кулаком Пешо.— Я из него слоеный пирог сделаю!

Перевод с болгарского

Б. Диденко.

(Продолжение в следующем номере.)

1857 1957

Евгения Андреевна Глинка — мать композитора, Михаил Иванович Глинка и его сестра Пелагея (1817 год).

Михаил Иванович Глинка

(Из воспоминаний современников)

Вы все, ребята, слыхали — кто в театре, кто по радио — замечательную музыку опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». Эту музыку написал великий русский композитор Михаил Иванович Глинка.

15 февраля исполнилось столетие со дня его смерти, и этот день отмечали не только в нашей стране, на родине М. И. Глинки, но и в других странах — все, кто любит музыку, все, кто чтит гениального русского композитора.

Здесь вы прочитаете отрывки из воспоминаний людей, которые жили в одно время с Глинкой, дружили с ним, слушали его удивительное пение, игру на фортепиано, знали его и любили.

Глинка сильно работал. Мне очень хотелось бы описать его, каким он был в то время, так, чтоб никогда не видавшие его могли бы составить себе о нем ясное понятие. Он был очень небольшого роста, худощавый; бледное овальное лицо окаймлялось круглыми черными бакенбардами; черные прямые волоса обрамляли прекрасный лоб без малейших морщинок; только между бровей шла небольшая морщинка — черта мысли. На правой стороне лба торчал несокрушимый вихор; карие глаза из-под нависших век смотрели приветливо и выразительно; выражали они постоянно доброту, иногда они сверкали веселостью и загорались вдохновением. Голову он держал немного назад, грудь выставлял вперед; ходил, приподымаясь слегка на носки; одевался просто, но опрятно; сюртук и фрак застегивал на все пуговицы.

При встрече с незнакомым или неприятным ему человеком был холоден, щурил глаза и говорил неохотно. С людьми по сердцу любил поговорить и посмеяться, когда был в духе; тут являлась незлобная насмешка, которой сам от души смеялся; какое-нибудь передразнивание, шуточные фразы, которые он очень любил; так, например, ему понравилась где-то слышанная им фраза, которую он нередко повторял при случае: «богомерзкая и человекопротивная физиономия». Это он выговаривал, ударяя на о́, окая. Он любил похвастать крепостью своих мускулов и часто, напрягая плечевой, говорил: «Ударь... покрепче... каково? Это просто железо!» Правда, что мускулы его были крепки, но силы у него не было; и когда случалось ему похвастаться в шутку каким-нибудь физическим удальством, то говорил, что он это сделал «не силою, а ухищрением злобы», припоминая своего профессора Колмакова.

П. А. Степанов

На одном вечере у Л., спев несколько романсов, Глинка сказал:

— Теперь я вам спою «т о с к у».

— Какую «тоску»? Чью «тоску»? — спросили мы хором с жадным нетерпением.

— Из моего «Руслана», романс Гориславы.

— Кто же эта Горислава? В поэме Пушкина нет этого имени.

— На афише будет стоять: Г о р и с л а в а, п л е н н и ц а Р а т м и р а. Вот слушайте, вышло, кажется, недурно.

И он пел, и мы таяли от наслаждения!

После, то есть в том же году, на театре, и через много лет, в разных концертах, в том числе однажды в исполнении Полиною Виардо, довелось слышать эту арию, и с оркестром и в пении, более или менее близком к совсем хорошему, но — повторю это тысячи раз! — «в общем» впечатление было в о в с е н е т о, как в исполнении этой грациозно-меланхолической и чисто славянской кантилены самим гениальным ее творцом!

А. Н. Серов

Глинку очень занимала декорация Черноморова сада. «Боюсь,— говорил он мне,— что мне нарисуют балкончиков с розанчиками; мне бы хотелось н е б ы в а л ы х деревьев, цветов...» В это время я занимался микрографией,— передо мною лежала книга знаменитого Эренберга с рисунками микроскопических растений и животных. «Что это такое?» — спросил Глинка. «Твой Черноморов сад»,— ответил я шутя. Перебравши рисунки, мы отобрали многие из них, и первая декорация Черноморова сада (сгоревшая) была вся составлена по книге знаменитого энтомолога из микроскопических растений, разумеется, увеличенных до чудовищного размера и небывалых никогда на сцене. Это предание, на беду, потерялось у декораторов или вовсе осталось для них неизвестным.

В. Ф. Одоевский

После обычных представлений Глинка сел за рояль и пропел романс Антониды «Не о том скорблю, подруженьки» и этим с первого раза совсем меня покорил. Голос у него был небольшой, довольно приятный, много было чувства и уменья; владел он голосом чудесно, и я тут же подумала: каким бы он мог быть бесподобным учителем. После романса он попросил Степанову просмотреть с ним начало первой арии: оно мне показалось очень ново, оригинально и совсем в русском духе. После арии Глинка обратился ко мне с следующими словами: «М-lle Воробьева... Я ото всех слышу, что у вас настоящий контральто и что у вас бездна чувства. Ввиду этого песенку из моей оперы, которую я принес, я попрошу вас петь б е з в с я к о г о ч у в с т в а».

Это меня несколько изумило, и я сказала ему: «Михаил Иванович, я бы очень хотела исполнить ваше желание, но я на сцене привыкла давать себе ясный отчет, почему я пою какую-нибудь вещь так, а не иначе; и потому прошу объяснить мне, чем вызывается в Ване такая безучастность в этой песенке?»

Он мне на это сказал: «Я это объясню вам, Анна Яковлевна, тем, что Ваня — сиротка, живущий у Сусанина, сидит в избе один, за какою-нибудь легкою работой, и напевает про себя песенку, не придавая никакого значения словам, а обращая более внимания на свою работу».

Этого было для меня довольно. Я пропела песню, и Глинка сказал: «Пойдет прекрасно»; но я не была довольна и дала ему слово, что хотя мне это и трудно, но к будущему свиданию я добьюсь того, чего он хочет (и добилась!). После Глинка спросил меня: каким диапазоном я владею на сцене совершенно свободно? Я говорю: «Двумя октавами от sol до sol».

«А можете взять и выше и ниже?»

«Да, вверх la, а вниз fa, но только как ноты проходящие».

Видно было, что молодой композитор как бы ощупывал мои средства. После этого разговора мы расстались. Я потому описала так подробно мой первый разговор с Глинкой, что если когда-нибудь какой-нибудь будущий Ваня прочтет эти строки, то будет знать, чего хотел Глинка от этой песенки; главное — он хотел натуры и простоты, но отнюдь не итальянской мелодрамы.

А. Я. Петрова-Воробьева

М. И. Глинка в молодости. Портрет неизвестного художника.

При постановке «Руслана» партия Гориславы была отдана молоденькой и прехорошенькой пансионерке школы Э. И. Шифердекер, носившей на афишах имя Лилеевой... Глинка был в отчаяньи особенно от холодности, с которой Лилеева произносила восклицание «О!» перед словами «мой Ратмир». Он требовал для него хоть жизни, если не огня, а Лилеева никак не могла перенять его урока. На одной из последних репетиций Глинка, как сам мне тогда рассказывал, подкрался сзади к Лилеевой и, дождавшись несчастного такта, неожиданно ущипнул ее за руку, так что она вскрикнула, и неудававшееся ей и пропадавшее «О!» раздалось, полное неподдельной жизни. Глинка сказал певице: «Вот видите, что можно дать этому восклицанию выражение; старайтесь произносить его и впредь хоть так, как сейчас».

К. А. Булгаков

Раз как-то, вечером, я зашел к Алексею Николаевичу. За круглым столом перед диваном сидели пять или шесть флигель-адъютантов и толковали о только что полученных известиях с театра военных действий; у открытого окна ежилась какая-то маленькая итальянская фигурка не то с болезненным, не то с капризным лицом. После обычных приветствий и стакана чая Алексей Николаевич сказал мне:

— Спой что-нибудь, сделай одолжение, надоели они мне ужасно (он указал рукою на своих гостей), толкуют целый день о Бёме да о Гёргее, просто даже тошнит, а кстати вот тебе и аккомпаниатор.

Астафьев кивнул головой на маленького человечка в штатском платье; тот как-то кисло поклонился и уселся за фортепиано.

В то время у меня был молодой, грудной тенор; с 14-летнего возраста я начал учиться петь у довольно известного тогда учителя Андрея Петровича Лоди, так что пел довольно порядочно, и редкий вечер обходился у меня без того, чтоб где-нибудь не просили петь.

— Ну-с, что же мы будем петь? — спросил меня аккомпаниатор.

— Я очень люблю музыку Глинки,— отвечал я,— только аккомпанемент труден, а нот я не захватил с собою.

Маленький человечек, очевидно, едва удержался от смеха, но, впрочем, довольно серьезно сказал:

— Я тоже очень люблю музыку Глинки, что же касается до аккомпанемента, то как-нибудь справимся. Но что же, однако, вы хотите петь?

Я назвал «Жаворонка».

После первых же тактов аккомпанемент положительно поразил меня; так еще мне никто в жизни не аккомпанировал.

— Очень недурно,— сказал маленький человечек, когда я окончил.— А спойте еще что-нибудь Глинки.

Я запел «Не называй ее небесной». Воодушевленный аккомпанементом, я пел бойко и с выражением и в последней фразе романса сделал весьма эффектное изменение, которому научил меня Лоди.

— Очень, очень хорошо,— сказал аккомпаниатор, вставая и протягивая мне обе руки.— Теперь я вам скажу две вещи: во-первых, несомненно, что вы ученик Лоди; а во-вторых, позвольте мне рекомендоваться: я — Михаил Иванович Глинка, автор «Жизни за царя» и «Руслана и Людмилы».

Я стоял совсем ошалелый; дружный хохот раздался за мной.

Оказалось, что веселое общество еще издали видело, как я шел по улице, и подготовило мне эту мистификацию.

— Ну-с, давайте еще петь,— сказал Глинка.

— Нет, Михаил Иванович, теперь уже я петь не стану.

— Вздор вы говорите, мой милый; вот что, послушайте моего совета: избегайте петь в обществе плохих дилетантов, там вас или избалуют излишнею похвалою, что всегда вредно, или наделают замечаний, от которых вас будет коробить; в обществе же настоящих музыкантов пойте смело, потому что от них, кроме полезных наставлений, вы ничего другого не услышите. Ну, не капризничайте же, мой друг, и начинайте опять «Жаворонка».

Я запел, Глинка стал мне вторить; дуэт вышел великолепный. Когда мы окончили последнюю фразу, Михаил Иванович, не изменяя своего положения и в тоне романса, сказал: «Еще раз». Я запел опять, он опять начал вторить; но на этот раз совершенно иначе, и так оригинально, так обаятельно, что я едва мог держать такт; меня все тянуло слушать. Дуэт шел все тише и тише, последняя фраза оканчивалась почти шопотом; при заключительных словах «и вздохнет украдкой» от нервного ли состояния, или просто случайно, я невольно вздохнул; в ту же самую минуту Глинка, который по своему обыкновению вторил, отставая на полтакта, повторил этот вздох, но так хорошо, так мелодично, точно какое-нибудь чуткое, тонкое эхо.

С. Николаев

Не видавший Глинку, слушающего музыку, которая ему нравилась, не может составить себе понятие о впечатлении, какое это слушание производило на посторонних. Каждый звук, каждая нота отражались на его лице, в его глазах, в его движениях, он наслаждался, как никому не дано наслаждаться, и это наслаждение переходило на присутствующих: музыкант сам удивлялся вдохновению, внезапно охватывавшему его под обаятельным влиянием этого чудного слушателя, играл, как никогда ему играть не удавалось, а присутствующие, глядя на Глинку, удивлялись, что произведение, не раз ими слышанное, является перед ними в каком-то новом, совершенно незнакомом для них виде. Та-

ково, по крайней мере, было впечатление, которое чувствовали мы, слушая виртуозов нашего большого оркестра, которых Глинка приглашал иногда к себе.

В июне мы получили приглашение явиться, чтоб начать работу; Глинка принял нас в небольшом кабинете, окна которого были завешены густыми темными шторами. «Здесь я учусь,— сказал он нам,— и вот мои учители». При этом он указал на дверь, ведшую в другую небольшую комнатку. Дверь была затянута сеткой, а комната уставлена цветами и деревьями, по которым порхали маленькие птички — учители Глинки! Комнатка содержалась в необыкновенном порядке и чистоте, за птичками ходили, как за детьми. Глинка знал каждую из них, всех их приучил к себе, но особенно любил одну пеночку.

В. П. Василько-Петров

М. И. Глинка. (Дагерротип, снятый в 1852 году.)

Искусная контрапункция, все музыкальные хитрости, есть дело знания, разумеется, соединенного с талантом; счастливые мотивы — дело счастливой организации, их не перечтешь в опере, и мы знаем, по прежним сочинениям Глинки, они ему ничего не стоят, они родятся у него так легко, что не за что ему сказать и спасибо; — но создать новый, неслыханный дотоле музыкальный характер, возвысить народный напев до трагедии — это дело творческого вдохновения, которое дается редко и немногим. Оттого мы считали себя вправе сказать после первого впечатления, произведенного на нас оперою, и теперь, после пяти представлений, повторить еще раз, что с этою оперою начинается новый период в искусстве, период русской музыки.

В. Ф. Одоевский

Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов! Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украйна звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Все дорожное, дворянство и недворянство, летит под песни ямщиков. У Черного моря безбородый, смуглый, с смолистыми усами казак, заряжая пищаль свою, поет старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей льдине, русский промышленник бьет острогой кита, затягивая песню. У нас ли не из чего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало. Он счастливо умел слить в своем творении две славянские музыки; слышишь, где говорит русский и где поляк: у одного дышит раздольный мотив русской песни, у другого опрометчивый мотив польской мазурки.

Н. В. Гоголь

«Жизнь за царя» г. Глинки отличается чрезвычайно оригинальностью; это первое их художественное произведение, в котором нет ничего подражательного. Ученость облечена в нем в форму такую простую и доступную. Как поэма и музыка это такой правдивый итог всего, что Россия выстрадала и излила в песне; в этой музыке слышится такое полное выражение русской ненависти и любви, горя и радости, полного мрака и сияющей зари. Это сперва такая горькая жалоба, потом гимн искупления такой гордый и торжествующий, что каждый крестьянин, перенесенный из своей избы в театр, был бы тронут до глубины сердца. Это более чем опера, это национальная эпопея, это лирическая драма, возведенная на благородную высоту своего первоначального назначения, когда она была еще не легкомысленной забавой, а обрядом патриотическим и религиозным. Хотя я и иностранец, но я всегда присутствую на этих спектаклях с живыми и сочувственными переживаниями.

Анри Мериме

НОВИЧОК ПРИХОДИТ В ПОЛК

В. Аграновский

Фото С. Карасева.

I

Это случилось осенью прошлого года на боевых учениях. В четыре утра сыграли тревогу, и полк двинулся в наступление. Надо было совершить тридцатикилометровый марш, потом форсировать реку, потом атаковать «противника», потом окопаться. Недавно прошедшие дожди размыли дороги. Солдаты шагали по щиколотку в грязи и к вечеру, когда ноги подкашивались от усталости, вышли к реке. Отдыхать не пришлось: был дан приказ с ходу форсировать реку.

Вечерний туман поднимался над рекой, скрывая далекий противоположный берег. Первая машина-амфибия осторожно въехала в воду и закачалась на свинцовых волнах. Следом тронулись плавающие транспортеры с автоматчиками. На берегу остался командир части. Он посматривал на часы и биноклем ощупывал переправу: через пятнадцать минут все должно быть кончено.

Вдруг один транспортер остановился посредине реки.

— Товарищ старший лейтенант, винт заело,— упавшим голосом сказал водитель.

Старший лейтенант бросил взгляд на часы, потом на воду. Даже на расстоянии ощущался холод, идущий от реки. Он проникал за шинели, заставлял солдат ежиться. Впереди два дня наступления, два дня без отдыха и просушки. Кого послать в воду? Старший лейтенант высунул голову из кабины:

— Добровольцы будут?

Молчание длилось ровно секунду, не больше.

— Я!

Офицер даже не взглянул на говорившего. «Сержант Китаев,— понял он.— Всегда первый». И коротко бросил:

— Выполняйте!

Большое тело тяжело плюхнулось в воду.

— Глубоко? — спросил водитель.

— Дна... нет,— лязгая зубами, ответил доброволец.

Прошла минута, вторая...

— Ну, что там?

Отделение старшего лейтенанта Черненкова. Второй в строю — пулеметчик Петр Яковлев.

— Трос... на винт... сейчас...

Впереди в тумане скрылась последняя машина полка. Теперь придется догонять. Где-то сзади зафыркал мотор: это приближался командир части... Старший лейтенант нервничал:

— Китаев, скоро там?

— Не могу знать! — неожиданно сверху, из кузова, ответил бодрый голос сержанта.

— Готово! — ответили снизу, из воды.

Китаев в машине?! А кто же там? Старший лейтенант удивленно посмотрел вниз. Из воды торчала стриженая голова рядового Яковлева.

— Яковлев?!.

II

Ничего героического за свою жизнь Петр Яковлев совершить не успел. К концу войны ему было всего девять лет. Как и большинство мальчишек, он страстно мечтал о подвиге, лежа на печке и глядя в потолок. Вот окопы, вот дзот противника, вот и амбразура. Петька кидается вперед, закрывает щель своим телом, все кричат «ура», а потом пишут в газетах...

— Петро,— нарушала вдруг мать стройную картину подвига,— посмотри курей!

А на дворе темно, свистит ветер, и что-то шуршит за оградой... Нет, мать не в силах понять, что мечты — одно, а выйти в такую страшную ночь — другое...

В армию Петр пришел высоким парнем, не очень сильным, не очень слабым, слегка сутулым и обидчивым. Первое замечание своего командира — старшего лейтенанта Черненкова — он встретил в штыки:

— Рядовой Яковлев, не сутулиться!

— А у меня фигура такая!

— Не пререкаться! Почему пуговица не чищена? Наряд вне очереди!

Пуговица не чищена... Интересно спросить: какие пуговицы были у Александра Матросова? Чтобы подвиг совершить, обязательно надо сапоги чистить? И маршировать по нескольку часов в день? И бриться по утрам, воротнички подшивать, скатку катать?

О многом думал в тот вечер Петр Яковлев, ожесточенно моя пол в казарме. Всю голову забил вопросами. Не скоро понял Петр, зачем солдату надо чистить пуговицы...

III

Однажды он сидел за столом и писал письмо своему другу Рае. От нее долго не было вестей, и Петр, мучительно подбирая слова, старался сделать письмо пообиднее. Вдруг он почувствовал на плече тяжелую

Казалось бы, мелочь—шинель скатать. Но в походе мелочей не бывает. Это понимает каждый на пятнадцатом—двадцатом километре.

руку. Оглянулся — старший лейтенант Черненков.

— Сиди, сиди, не вставай... Пишешь?

— Пишу.

— Давай, Петро, поговорим. Ты солдат молодой, жизнь нашу знаешь плохо. Слушай, Петро, о пуговицах и о подвиге будет речь...

В армии так считают: если у солдата из сапога торчит портянка, и пояс съехал набок, и воротничок расстегнулся, и пуговицы не чищены,— то это не солдат, а, прости за выражение, лапша. Был такой случай. Разбудили взвод по ночной тревоге, повели на учения, и тут один солдат на марше чуть штаны не потерял. И все потому, что копуша, неряха, не сумел одеться как следует. А если бы в это время в атаку идти? Каким бы храбрым ни был солдат, в первые ряды атакующих не поспел бы. Так что это проверено: неряха подвиг совершить не может. Расхлябанный человек и думает как-то расхлябанно и решения быстро не примет.

Это одна сторона вопроса. Есть еще и другая. Тут речь пойдет о порядке. Порядок — всегда порядок, даже в мелочах. Знает, к примеру, солдат: каждый день он должен чистить пуговицы. Если сегодня нарушит этот порядок, то завтра оружие нечищенным оставит, а послезавтра в бою ору-

жие осечку даст в самый что ни на есть ответственный момент. Где он, подвиг, если осечка вышла?

И, наконец, самое главное: приказ командира. Это закон, нарушить который нельзя ни под каким видом. Если угодно, то секрет подвига заключается именно в точном выполнении приказа командира.

«Рядовой Яковлев, приказываю удерживать высоту в течение суток!» Выполнил приказ — совершил самый настоящий подвиг. А если тебе командир сегодня приказал пуговицы начистить, а ты не подчинился, то завтра высоту бросишь. Это точно, как дважды два — четыре. Некоторые думают: пусть я сегодня и такой, и сякой, и недисциплинированный, и трус, и даже темноты боюсь, пусть я сегодня неряха... Зато когда время придет, я буду смелым и храбрым, совершу подвиг! Болтовня это. Подвиг случайно не совершают. Запомни это, Петро... А письмо-то кому? Рае? Говоришь, не пишет долго? Вот какая оказия!.. Тут подумать надо, с бухты-барахты не решай. Поругаться всегда успеешь, мириться труднее...

IV

Разговор разговором, а дело делом. Одними словами солдата не убедишь. Его жизнь убеждает.

Эх, жизнь солдатская!.. В шесть утра побудка. Хочешь спать, не хочешь — вставай. Мороз на улице или жара, дождь или снег — все одно: выходи строиться на зарядку. И комплекс ГТО изволь знать назубок. Если забрался на перекладину и, кроме «лягушки», ничего сделать не можешь, какой ты солдат — тряпка! Надо дрова напилить — пили! Пол в казарме вымыть — мой! Пятьдесят метров на животе проползти с полной боевой выкладкой, да еще по лужам — ползи! А пять километров пробежать с винтовкой и противогазом? Через забор перемахнуть в одну секунду? Потом учеба в классах. Потом во дворе казармы. Каждый день одно и то же:

— К но-о-о-ге! На пле-е-ечо!

А тут еще марш, тридцать километров. И, конечно, с песней. Голова набок валится, ноги еле тянешь, язык повернуть не можешь, а тебе:

— Не отставай! Запевала, вперед!

На боевых учениях по трое — четверо суток без отдыха. Только думаешь у костра прикорнуть да обсушиться — приказ: вперед! Занял высоту — приказ: окопаться! Вырыл себе удобный окопчик, обложил дерном, бруствер подправил, ходы-выходы прорыл, только устроился — приказ: опять вперед! А тут мороз ударяет. Привозят ужин, и, пока ложку ко рту поднесешь, замерзает еда...

Но вот удивительно: придешь ты в армию хилым и костлявым. Первый месяц сквозняков боишься, гриппом обязательно болеешь. А потом захочешь заболеть — не сможешь! В болоте сутки — двое пролежишь, на снегу выспишься — хоть бы что!

Эх, жизнь солдатская! Трудностей — хоть отбавляй. А к чему они? Старший лейтенант так объяснил:

— Ты, Петро, о подвиге мечтаешь? Мечтаешь. А чтобы подвиг совершить, обязательно сила нужна. Взять героев, что своим телом закрывали амбразуру... До нее еще доползти надо, до амбразуры, с винтовкой в ру-

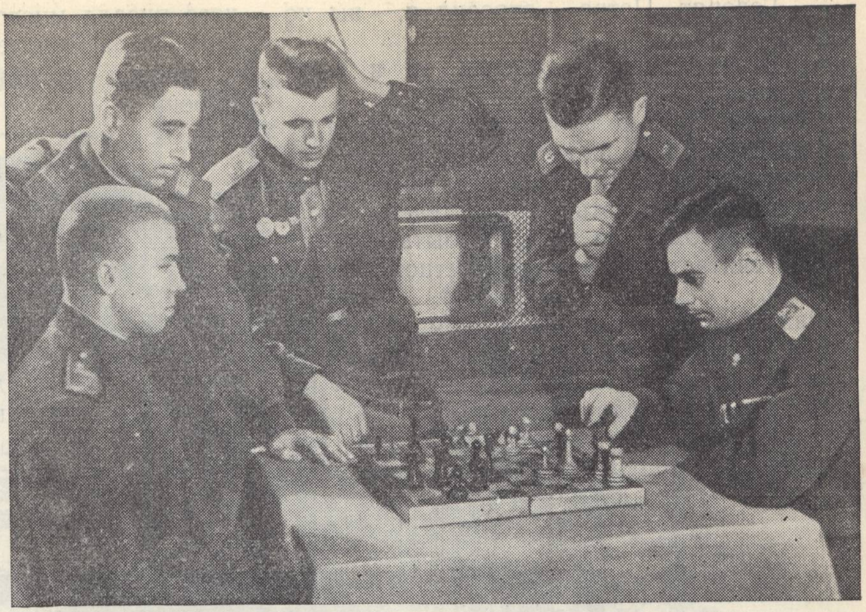

Сегодня повезло: сухо. Но как вы думаете, если бы был дождь или метель, офицер отменил бы стрельбы?

ках, с гранатами, да еще под огнем противника,— попробуй! Слабым будешь — не доползешь, и подвига твоего не будет...

И еще запомни, Петро: тяжело в ученье — легко в бою!

После разговора с командиром задумался рядовой Яковлев. И, бывало, сидит, чистит пуговицы, а думает об оружии: пулемет тоже чистить нужно. А когда в лыжный кросс ходили и ноги вдруг отказали на десятом километре, Петр так и решил: выполняю особое задание командира, вот доберусь до того бугра, а там хоть помру! Добрался, а на бугре — финиш...

В безвыходном положении старший лейтенант Черненков оказывается очень редко, да и то лишь за шахматной доской.

И как-то расширился мир для Петра, когда он за мелочами, за пуговицей подвиг смог разглядеть.

V

Шло время. Наступила осень. А тут как раз и учения подоспели. Ту ночь, когда Петр добровольно «выкупался» в реке, он не забудет никогда. В части об этом мало говорили,— какой это героизм! Ну, нырнул человек, ну, сделал что надо, и только... Но Петр знал: в жизни его наступил переломный момент. Знал это и старший лейтенант Черненков.

А в чем этот перелом заключался?

До этих учений Петр Яковлев мечтал о подвиге, как о чем-то неожиданном. Неожиданном даже для себя. Вдруг, мечтал, представится случай, вдруг появятся силы, вдруг совершу героический поступок. Мечтал приблизительно так, как порой мечтают без всякой подготовки поднять штангу, которую до сих пор никто не мог поднять. А ведь так не бывает. Спросите у штангистов; они упорно готовятся к рекорду, прибавляя в месяц по нескольку сот граммов. Да так прямо и объявляют, подготовившись: иду на побитие рекорда!

Так и Петр. Ко времени учений он уже знал, что готов к совершению подвига. Он уже держал этот подвиг в себе. И когда заглох мотор транспортера, Петр твердо знал, что именно он должен лезть в холодную воду, именно он должен сказать: «Я!» Не сказал бы этого Петр, сказал бы сержант Китаев или другой солдат. А если бы промолчали все, командир приказал бы, и тогда все равно подвиг был бы совершен: точное выполнение приказа — героизм, не зря так говорят.

Но представим себе, что мотор не заглох. Что тогда? Тогда случилось бы что-нибудь другое. Ко всему был готов Петр Яковлев. Подвиг зрел в нем самом.

А если бы вообще ничего не случилось, то скажите: разве форсировать реку после тридцатикилометрового марша, а потом идти в атаку, а потом окопаться, а потом снова не спать еще несколько суток подряд и начинать все сначала — разве это не подвиг?

Да, если б была на пути амбразура, которую надо закрыть своим телом, Петр и это сделал бы: он был готов и к этому.

Вот какой перелом наступил в его характере.

VI

Когда меня познакомили с рядовым Петром Яковлевым, я увидел стройного, подтянутого солдата с пуговицами на гимнастерке, сверкавшими, как маленькие солнца.

— Говорят, Петро,— спросил я,— вы когда-то были сутулым?

— Языки чешут,— ответил он и хитро улыбнулся.

Сегодня Петр не просто автоматчик, а пулеметчик. Их трое на весь взвод. И хоть Петру приходится таскать бо́льшую тяжесть, чем всем остальным, хоть чистить пулемет труднее, чем автомат, он доволен: быть пулеметчиком считается в армии почетной обязанностью.

Рядом с гвардейским и комсомольским значками на груди Петра Яковлева значок «Отличный стрелок». Взгляните на доску почета. Кто это гордо поднял голову? Отличник боевой и политической подготовки Петр Яковлев. Кто получил отпуск на родину? Про кого писала многотиражка воинской части? Про Петра Яковлева.

Пришел когда-то в полк нескладный парень:

— А у меня фигура такая!

Сегодня смотришь на него — орел! И твердо знаешь: перед тобой человек, способный в любой момент совершить подвиг.

— Кто пойдет в тыл врага выполнить ответственное задание? — спрашивает командир в военное время.

— Мы! — отвечают такие солдаты.

— Кто поедет добровольцем на стройки Севера? — спрашивают в мирные дни.

— Мы! — отвечают такие, как Петр Яковлев.

На груди солдата Яковлева гвардейский значок. Об этом значке, о боевом пути гвардейской части, в которую принят Яковлев, говорит с ним сейчас офицер Черненков.

Из записок путешественников

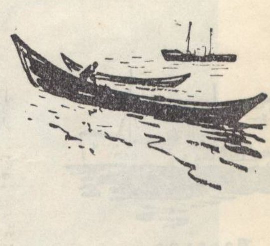

НА БАЙКАЛ!

В. Константинов.

Рисунки автора

О поездке на Байкал я мечтал давно, с тех пор, как мой друг Сережа уехал туда после окончания института. Его письма из Баргузинского заповедника, где он теперь работал, рассказы о дикой красоте сибирской тайги, лепестки незнакомых цветов, рыбья чешуя и какие-то загадочные беленькие косточки, которые он имел обыкновение вкладывать в конверт,— все это усиливало желание побывать там. О Байкале я слышал много интересного еще в детстве и всегда мечтал увидеть его своими глазами.

Когда я был школьником, я представлял себе, что «баргузин», который «пошевеливает вал»,— это местный житель, смелый человек с веслом, плывущий по мрачным волнам в большой омулевой бочке.

Потом я узнал, что это совсем не человек, а ветер, названный так по имени реки Баргузин, из долины которой он дует, и что на Байкале есть еще ветры «култук», «селенга», «ангара», но давнее детское представление оставалось как красивая сказка, с которой не хотелось расставаться.

Когда Сережа получил назначение на работу в Баргузинский заповедник, наша бабушка с беспокойством сказала: «Тяжело ему там будет одному среди этих баргузинов».

Мы все тогда весело посмеялись над ее словами, часто их повторяли, и мне еще больше захотелось поехать к Сереже.

Когда же в последнем письме он сообщил, что поймал на спиннинг тайменя весом в сорок с лишним килограммов, я решил ехать, не откладывая.

* * *

Сентябрьское утро. Еще не рассвело, дома в Иркутске закрыты ставнями, город спит.

От вокзала, куда меня и моих товарищей, художников, привез московский поезд, машина свернула на большой, широкий мост.

Ветка кедра

Под нами вся в огнях Ангара, речной вокзал, огни пароходов и самоходных барж. Видим отдаленное море дымков, прорисовывается лес башенных кранов, слышны гудки сирен, уханье копров — это Иркутская ГЭС.

Постепенно светает. Шоссе ведет нас вдоль берега реки в поселок Листвянка. Вскоре плотина электростанции перекроет реку и здесь появится новое водохранилище. На его дно уйдут и это шоссе и железная дорога, идущая по другому берегу. Вместо нее уже построена другая [1].

[1] Сейчас первая очередь Иркутской ГЭС уже вступила в строй, и водохранилище заполнено водой (Редакция).

Чем ближе к Байкалу, тем круче и красивее становятся лесистые горы по берегам могучей реки.

Мало где природа так благоприятствует постройке гидростанций, как здесь, на Ангаре. Байкал — самое глубокое озеро в мире, поднятое высоко над уровнем моря. Триста тридцать шесть рек и речушек непрерывно несут свои воды в это озеро-море, и только одна Ангара вытекает из него.

...Небо порозовело, предвещая яркий осенний день, где-то справа, за горами, уже взошло солнце. Несколько поворотов дороги, и шофер сказал нам: «Сейчас будет море!» Мы невольно замолчали от того торжественного чувства, которое охватывает всякого, кто впервые видит Байкал.

* * *

Баргузинский заповедник находится в северо-восточной части Байкала. Нам предстоял трехдневный путь на пароходе. Какой будет этот пароход, что нас ждет, как нас встретит Байкал?

У пристани в Листвянке стояли морские катера и большие черные лодки с высоко поднятым носом и кормой. Тут мы узнали, что пароход ушел только вчера и нам предстоит ждать его несколько дней.

Хозяйка, у которой мы остановились передохнуть после ночной дороги и позавтракать, узнав, что мы собираемся ехать в заповедник, сказала: «Куда же вы в такое время, поздно уж, нахлебаетесь морцовки-то!»

«Нахлебаться морцовки» на ее языке означало испытать шторм, наглотаться морской воды.

День стоял солнечный, ясный, Байкал поражал своей удивительно прозрачной зеленоватой водой. Далеко на горизонте в дымке виднелись голубоватые очертания горных хребтов, и, если бы не высокие крутые горы нашего берега и не сибирские избы, цепочкой лепившиеся по склонам таежных падей, легко можно было бы представить, что мы находимся на Южном берегу Крыма. Не верилось, что Байкал может быть суровым и грозным.

На пароходике «Иван Бабушкин» мы переехали через исток Ангары в порт Байкал. Там нам пришлось прожить несколько дней в ожидании парохода «Комсомолец», на котором мы должны были ехать дальше.

В один из дней ожидания, который мы провели, лазая по горам и рисуя, нам пришлось увидеть море в другом состоянии.

Был вечер. Солнце закатилось за горы; стали зажигаться, отражаясь в темной воде, красные и зеленые огоньки на молу и на причалах порта. Как обычно, вспыхнул огонь маяка на вершине высокой скалы. И тут стало известно, что через час будет шторм. Об этом сообщили по радио на все пристани.

Пароход „Комсомолец"

Усилили сигнальные огни на маяке, все суда покрепче пришвартовались к причалам, находившиеся неподалеку в море катера спешили укрыться в порту. «Иван Бабушкин» не пошел в свой рейс в Листвянку. Люди деловито суетились.

Нам вся эта подготовка казалась похожей на учебную тревогу, потому что небо было чистым, вода спокойно отражала всходившую луну.

Но скоро на верхушку одной из гор легло небольшое серое облачко и, быстро увеличиваясь, стало сползать вниз к воде. Подул порывистый ветер, быстро побежали тучи, и в несколько минут все стало другим. Ветер усиливался. Загудели телеграфные провода, вздрагивали мокрые от повалившего снега деревянные постройки, сразу стало темно. А за молом творилось что-то невероятное.

Невольно думалось о судах, которые шторм застал вдали от стоянок. Шторм продолжался всю ночь, и наутро мы не узнали окрестных гор: глаза слепило от снега, лежавшего на их склонах, и от этого байкальская вода казалась совсем черной.

Когда пришел ожидаемый нами пароход «Комсомолец», мы узнали от команды, что они четверо суток находились в шторме, что укачало не только пассажиров, но и многих матросов. Все это, значит, предстояло и нам.

* * *

Скалы острова Ольхон

Раннее утро. Белый однотрубный пароход, разбрасывая сверкающие на солнце брызги, огибает проплывающий справа по борту мыс Святой Нос. Позади больше суток плавания.

Шторм так и не состоялся. Весь вчерашний день мы провели на носовой палубе, любуясь в бинокль берегами, круто обрывающимися от самого неба прямо в воду; величественными таежными падями с колхозными поселками, казавшимися рядами правильно разложенных маленьких камешков; черно-синей

БАЙКАЛ. ОСЕНЬ. В. Константинов.

ПОСЕЛОК БАРГУЗИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАПОВЕДНИКА. В. Константинов.

БАЙКАЛ. ВЕТРЕНЫЙ ДЕНЬ. В. Константинов.

кедровой и пихтовой тайгой, осенне-рыжими лиственничными лесами. Позади осталась особенно красивая часть пути — Малое море с фантастическими по своим очертаниям берегами острова Ольхон.

Мы приближались к цели своего путешествия. Обогнув мыс Святой Нос, мы уже видели в сильный бинокль бухту Давше, снежные вершины Баргузинского хребта, у подножия которого расположен поселок заповедника.

Пароход подходит все ближе и ближе. В бинокль видно, как от выстроившихся в ряд деревянных домиков к берегу спешат люди, вприпрыжку бегут дети, собаки.

Наконец гудок, грохот якорных цепей — и шлюпка, тарахтя мотором, везет нас к берегу. Мы выходим на прибрежный галечник. Встреча, объятия. И вот мы уже сидим в уютной белой комнатке. В углу стоят ружья, рыболовные принадлежности, на этажерках — фотоаппараты, пробирки, книги. На стенах развешаны: карта заповедника, снабженные этикетками шкурки и крылья глухарей и рябчиков. На грубо сбитой раме из широких досок во всю длину стола лежит распластанный малосольный таймень. Тот самый, о котором нам писал Сережа. Вокруг огромной рыбины разложены ножи, вилки. Шумно садимся за стол.

Крохали

Подходят охотники-наблюдатели, сотрудники заповедника, узнавшие о нашем приезде. В рассказах и расспросах проходит остаток дня.

Выйдя утром из домика, мы пошли по лесной тропинке вдоль берега. Волны лениво перекатывали прибрежные камешки. На гладких мокрых камнях, торчавших из воды, сидели стайками крохали. Наше появление спугнуло их, они отлетели подальше и, хлопая по воде крыльями, сели на воду. Далеко были видны их темные силуэты.

К обеим сторонам бухты вплотную прилегали покрытые кедрово-пихтовой тайгой горы. За ними виднелись мрачные голые вершины — гольцы Баргузинского хребта. На противоположном берегу возвышались величественные скалы с розовыми пятнами снегов и облаками, выползавшими из складок гор. На юге был мыс Святой Нос, мимо которого мы плыли вчера. Кругом было дико и очень красиво.

Хариус

На берегу рыбаки перебирали сети. В сетях была рыба: омуль, хариус, ленок, толстые пурпурно-красные и синие бычки-широколобки с выпученными глазами.

Много хлопот доставляет рыбакам маленький рачок «козява», или «бормаш». Эти рачки с колючками, торчащими во все стороны, так запутываются в сетях, что нужно много времени, чтобы освободиться от них. Рыба, даже таймень, у которого и на языке есть зубы, поспешно выплевывает «козяву», если случайно схватит ее.

Тут же в сетях пресноводные зеленые губки, похожие на мокрые мягкие кораллы. Это колонии одноклеточных животных.

Над бухтой парил громадный орлан белохвост. Высоко к небу тянулись могучие кедры. На земле мы находим ободранные, обгрызанные шишки: белки, бурундуки и мыши с удовольствием поедают маслянистые кедровые орешки.

„Бормаш"
или
„козява"

Вот довольно глубокая яма, вырытая под корнями. Это медведь пытался добраться до норы бурундука. Маленький бурундук — запасливый хозяин, в его кладовых припрятано от восьми до пятнадцати килограммов сухих очищенных орешков.

Далеко слышен резкий крик кедровки, перелетающей с дерева на дерево. Поднимите шишку, обработанную кедровкой. На ней осталось несколько орешков, но среди них вы не найдете ни одного хорошего. Кедровка чутьем, не вынимая орешка, узнает, что он пустой или гнилой.

Под ногами ягоды: черника, брусника, голубика. В тайге так много ягод, что за ними ездят на лошадях и собирают не руками, а особым совком с деревянными зубьями, который снимает ягоды со всего кустика сразу.

* * *

С утра дул резкий ветер, рисовать на берегу было холодно, и я пристроился на поваленном дереве в тайге.

Я сидел тихо и рисовал. Необычайно красочны лиственницы в сентябре: сочетание оранжево-желтой мягкой хвои с черными, словно бархатными, стволами делает лес очень нарядным. Горы на втором плане кажутся совсем синими. Пахнет осенней лесной сыростью, богульником и пихтовой корой.

На конце дерева, на котором я устроился, кто-то пискнул, хрустнул сучок. Я оглянулся, но никого не увидел. Спустя минуту, слегка повернув голову, я заметил бурундука, выглядывавшего из-за сухой ветки. Я замер и, кося глазом, стал наблюдать за зверьком.

Губка

Мои краски, белая бумага, да и я сам — все это страшно заинтересовало любопытную полосатую белочку.

Одно неосторожное движение рукой — и зверек пискнул и исчез. Потом он появился ближе и снова спрятался. Это было похоже на игру в прятки. Я про-

Бурундук

должал сидеть неподвижно. По чуть слышному шуршанию я понял, что бурундук совсем рядом.

Держа рамку с натянутой бумагой на левом колене, я тихонько стал водить кисточкой, почти не шевеля правой рукой. Не поворачивая головы, я опустил глаза и вдруг увидел бурундука на своем правом колене... Глазки его блестели, пушистый хвостик вздрагивал. Я хотел его схватить, но промахнулся, толкнул ящик с красками и только измазал штаны акварелью. Бурундук больше не появлялся.

* * *

Быстро летели дни. Походы, ночевки у костра, ловля хариусов в Большой речке... Байкал становился все суровее, все больше снега было на горах. Пора было уезжать.

Отправляясь в обратный путь, мы увезли с собой не только впечатления и рисунки, но и дневники нашего друга Сережи, молодого биолога, прожившего в заповеднике целый год. У нас было немало приключений и встреч с обитателями тайги. А у Сергея их просто не сосчитать. Но об этом гораздо лучше расскажут нам страницы из его дневника, которые мы здесь помещаем.

У ПОДНОЖИЯ БАРГУЗИНСКОГО ХРЕБТА

С. Кирпичев,
научный сотрудник заповедника.

Зарисовки автора.

Случай в зимовье

Северо-восточное побережье Байкала издавна славится прекрасными черными соболями.

В заповеднике соболь размножился быстро, и теперь не редкость встретить соболиный след где-нибудь на помойке или под окнами дома в поселке. В голодные для соболя годы зверьки совсем перестают обращать внимание на человека, залезают в кладовки, дерутся из-за какого-нибудь лакомого кусочка вроде тухлой головы омуля.

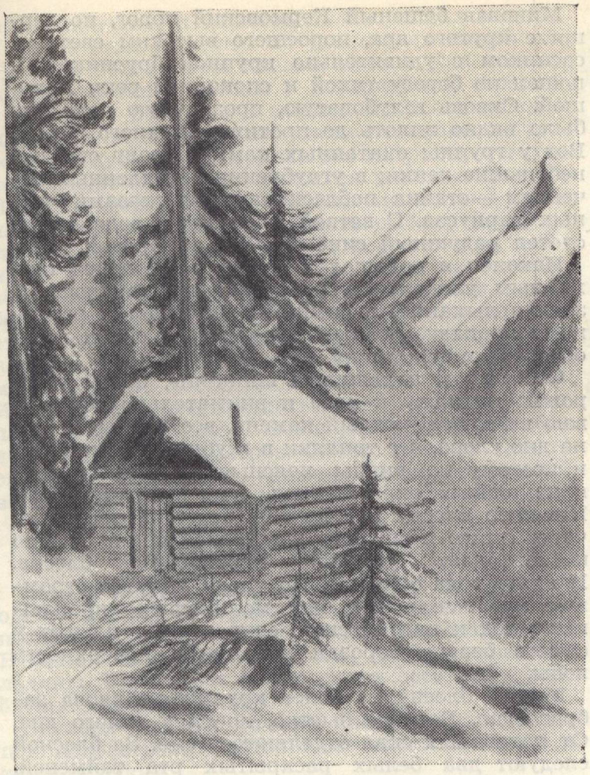
Соболь — некрупный зверек, чуть поменьше домашней кошки, но чрезвычайно сильный и ловкий. В поисках пищи — полевки, кедровой паданки или запасов кедровых орехов, закопанных в мох, мороженой брусники под колодником — соболь ровными двойными прыжками отмечает свой длинный, иногда по нескольку десятков километров, путь по горной тайге. Иногда соболь давит рябчика, слишком поздно вылетевшего из лунки в снегу, или черную шуструю белку. Даже белка летяга — животное, летающее, подобно птице, планирующим полетом на расстояние в полсотни метров,— попадает ему на обед. Как соболь ловит летягу, совершенно не понятно.

В начале февраля послеморестава мы пошли работать в холмистую, сильно пересеченную речками и ключами местность, называемую охотниками-промысловиками «мягкими местами».

Остановились мы в старом, неказистого вида зимовье. Крыша из колотого теса растрескалась и была разбита морозом и солнцем. Мох между бревен почернел от времени. Сухие темные стены с вырезанными на них короткими надписями посетителей зимовья говорят о многом. Вот надпись, вырезанная браконьером в первые годы революции после удачного промысла: «Был Хобеля и нет его», а вот проклятия человека, оступившегося и намокшего в горной речке, через которую он переходил по заснеженной колодине, по поводу того, что в зимовье не оказалось спичек. Последние надписи с фиолетовыми росчерками химического карандаша сделаны туристами.

Баргузинский соболь.

Кермовское зимовье на Большой речке.

В этой избушке у подножия гольцов нам предстояло прожить около месяца.

Сбрасываем тяжелые поняги на нары и сразу, не передохнув, идем пилить сухую и твердую, как кость, лиственничную лесину. Нас окружают тайга, блистающие от лунного света шапки гольцов и мороз.

Полетели короткие зимние дни. Утром обтирание сухим снегом на тридцатиградусном морозе, потом в жаре зимовья завтрак и сладкий-сладкий, крепкий, почти черный чай. После завтрака идем тропить соболя для выяснения мельчайших подробностей поведения этого ценного и довольно скрытного зверька. Возвращаемся с закатом. Топим печь, готовим ужин и дрова на ночь и на утро. Тепло быстро уходит в разбитые стекла и щели, поэтому за ночь два — три раза приходится подкладывать дрова в печку. Чтобы печь горела ровнее, в нее кладут не мел кие дрова, а цельную лиственничную чурку.

Однажды я сидел у печки и, не отрываясь, глядел на языки пламени. Была ночь. В окошко с потускневшими, скрепленными проволокой осколками стекла сверкала белизна покрытых снегом гольцов, лунный луч проникал во мрак зимовья. Под полом и в стене шебаршили полевки. Мне показалось, что в лунном пятне на тесовом полу что-то шевелится. Пригляделся и увидел маленького горностая, стоявшего столбиком. Я не шевелился и наблюдал. Зверек опустился на все лапы и, сделав два прыжка, скрылся в темноте. Вновь завозились и запищали полевки, видно, горностай — «горнок», как его здесь называют,— здорово их гонял.

На следующий день мы настреляли рябчиков и положили их аккуратно для препаровки на доску под нары.

Утром я хотел заняться приготовлением тушек убитых птиц. Но что такое? Нет рябчиков! Выхожу из зимовья: может, Толя вынес их на полку за дверь? Не видно. Вернулся в избу, взглянул еще раз под нары и глазам не поверил: все рябчики были заткнуты в щели, да так, что я с трудом вытащил их оттуда. Ясно, это работа горностая.

Мы не отпугивали нашего жильца, и шустрый, осторожный зверек быстро привык к нам. Уже через несколько дней он бегал по полу даже днем, влезал на стол, если мы сидели тихо. После резкого движения или звука он мгновенно прятался, но тут же высовывал из какой-нибудь щели красивую приплюснутую сверху мордочку с круглыми ушками и черными бусинками глаз, сердито шипел и извивался, совсем как змея.

Мы уходили на другие зимовья и приходили вновь. Горнок жил в зимовье или близ него. Следочки зверька прострачивали пухлый снег и расходились веером в разные стороны от зимовья. Полевок горностай, видимо, уничтожил всех, и мы оставляли ему то рябчика, то кедровку.

Однажды я заметил, что наш горностай стал как будто белее и больше. Исчезла желтизна у него на лапках и у основания хвоста. «Отчего он мог так перемениться?» — недоумевали мы и решили поймать зверька.

С вечера насторожили ящичную ловушку, загасили коптилку и стали слушать. Живолов сработал сразу, и горностая вытряхнули в мешок. Затем руками в варежках поймали злобно верещавшего зверя и внимательно осмотрели. Оказалось, что это другой горностай. А где же наш?

Старожил не замедлил появиться в ту же ночь. Примерно в полночь я проснулся от зверского холода, возле печурки уже сидел Анатолий, а за печкой пищали и метались два горностая.

Утром я задумал сфотографировать наших жильцов. Возле самой широкой щели привязал рябчика, а сам затаился с фотоаппаратом на нарах. Горностаи не заставили себя долго ждать. Не обращая внимания на нас, они подняли

Горностаи, растаскивающие рябчика.

Каменный глухарь.

страшный гвалт и шум. Большой горностай хотя и не кусал маленького, но прогнал его.

Мне так понравились горностаи, что я решил отловить большого и взять его с собой на основную усадьбу заповедника.

Перед окончанием работ горностай был пойман той же ловушкой и посажен в круглый алюминиевый котелок, набитый сеном.

Горностай долго жил у меня. Из трухи и перьев он сделал гнездо в дуплянке и почти весь день спал там. По зорям выскакивал, бегал по всем комнатам и, как белка, лазил по электрическим проводам. Особенно забавно он осматривался: сядет на задние лапки и вытянется вертикально, столбиком, шевелит усами и вертит головой в разные стороны.

В потолке между трубой и досками горностай отыскал отверстие, через которое он стал выходить из комнаты, но никогда не убегал надолго. Свою зимнюю квартиру зверек покинул только тогда, когда я уехал на южное побережье Баргузинского залива и в комнатах стало холодно.

Как я поймал тайменя

Рыбной ловлей и охотой приходится заниматься обычно во время работы для того, чтобы вместо тяжелых продуктов брать с собой лишь запас блесен, легкое удилище и ружье.

Однажды я собирался идти вместе с научными сотрудниками Восточно-Сибирского филиала Академии наук в район самой высокой части Баргузинского хребта. Необходимо было добыть рыбу, и я пошел со спиннингом и карабином к известному только мне одному тайменному улову (уловом здесь называют углубление в дне реки на поворотах, где течение бьет в дно).

Миновав бешеный Кермовский порог, по вершине крутого яра, поросшего высоким светлым сосняком с удивительно крупной брусникой, я пошел по берегу тихой и спокойной реки Большой. Сквозь голубоватую, прозрачную воду дно было видно вплоть до противоположного берега. Вот у группы окатанных камней стоят светлые небольшие ленки; в углублении с медленным течением — стайка поблескивающих глазами черных хариусов. С ветвей лежащей в воде пихты слетел радужный сине-голубой зимородок.

Наконец я подошел к изгибу реки перед тайменным уловом. Сердце учащенно забилось, и, затаив дыхание, я бесшумно подошел к огромному провалу, где река, ударяясь о склон горы, образовала стремнину.

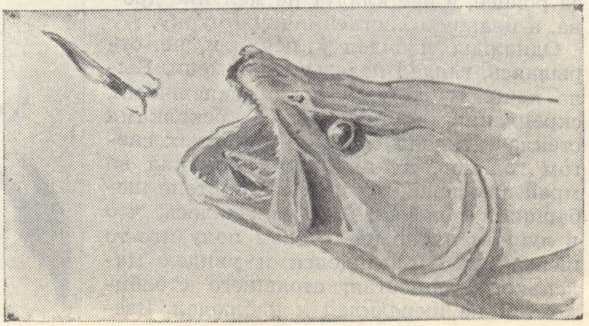
Собираю и налаживаю спиннинг, потом осторожно подхожу к воде и внимательно обшариваю взглядом каждый камень, все темные места на дне улова, все топляки в глубине. Солнца нет, и поэтому не видны неясные очертания рыб, изменяющих окраску под цвет окружающего. Швыряю блесну под другой берег, провожу ее через струю и опускаю в глубокое место. Тускло поблескивает длинная вертящаяся блесна. И вдруг вода оживает. По улову мечутся огромные красные рыбы. Они молниеносно проплывают под и над блесной, одна из них плывет у самого берега, бороздя плавником поверхность воды.

Меняю блесну на более крупную и снова забрасываю. Веду ее быстро, почти у самого дна. От подводных скал отделяются тени. За блесной следуют два белых раскрытых рта тайменей. Леска слабо натягивается и ослабевает. Я делаю осторожную подсечку; клееное бамбуковое удилище гнется, вытягивается по леске. Незаторможенный барабан катушки вырывается и больно бьет ручками по пальцам. В глубине ходит таймень.

Таймень долго ходил под водой, прежде чем выплыл на поверхность реки у другого берега. Столб воды и брызги свидетельствовали о том, что на блесну попалась очень крупная рыба. По виду это было огромное черное бревно. При всем моем старании я никак не мог подвести его к берегу. Таймень даже не всплывал.

Я так волновался, что захлестнул сбежавший миллиметровый нейлон на кисти руки. Хорош был бы я, пойди таймень от меня,— не миновать бы мне тогда ледяной ванны!

Наконец таймень всплыл! Тщетно старался я подвести его к берегу. На мелком месте таймень выбрасывался из воды, и мне, чтобы не поломать удилища и не оборвать лесы, приходилось отпу-

Таймень.

скать катушку, и таймень снова уходил вглубь. Тогда я стал стрелять по рыбине из карабина; ружье я положил на ивовый куст и, как только таймень останавливался у поверхности, стрелял в него. Эхо рокотало в скалах. Но после каждого выстрела невредимый таймень снова погружался вглубь. Я расстрелял все патроны, и только последний выстрел оказался удачнее прочих. И вот огромная голова тайменя на мелких камнях у берега. Я не мог поднять рыбину на яр — такая она была тяжелая. Но всю тяжесть тайменя я ощутил только тогда, когда тащил его вброд через перекат, по тайге с буреломом, через болота и холмы. Таймень был почти моего роста, к спине его я привязал ремни — получилось подобие поняги. На каждом шагу и при каждом моем прыжке хвост рыбы бил меня по пяткам. И так я шел шестнадцать часов, в конце пути почти бессознательно. Всего было пройдено более двадцати километров. Сейчас мне это кажется невероятным: ведь таймень без внутренностей весил сорок три килограмма!

Ночная встреча

Стояли жаркие дни, за всю весну не было ни одного дождя. В первых числах июня я шел по пескам восточного берега Баргузинского залива. В заливе был полный штиль, по нему плавали льдины. Весь берег был завален остатками разбитых морских плотов.

Белизна льдов и яркость снега на цепи гольцов полуострова Святой Нос ослепляли даже в темных очках.

Шел я в заповедник. Предстояло пройти около ста пятидесяти километров. Я старался идти как можно быстрее, но очень много времени отнимали переправы через горные речки, на которых в это время был паводок.

Когда я подошел к основанию Чивыркуйских гор, солнце уже садилось. Тропа была неплохая, хотя почти все время приходилось идти по мелкой гальке и песку, ступая чуть ли не по воде (в сухом песке нога вязла).

Я сбил пролетавшего над головой крохаля, и он упал невдалеке от берега. Вода была ледяная, и я с трудом заставил себя достать утку, зайдя по пояс в воду. Пока я одевался, стало темнеть, а до барака рыбаков оставалось около пятнадцати километров.

Я шел все медленнее, по мере того, как сгущалась тьма. Берег стал совсем низким, болотистым. Ноги промокли. По выбитой глубокой тропе, залитой водой, невозможно было идти, а по берегу тем более. Вдобавок впереди зажурчала речка Безымянка. Я вышел на ее берег, крутой и обрывистый; речка походила на глубокий ров. «Пойду посмотрю устье»,— решил я, но устье оказалось топким.

У самого берега на светлой и спокойной воде зашевелилось что-то большое и темное. Вглядываюсь — журавли спят на воде; отражение птиц в воде в точности копирует их силуэт. Я стоял в нескольких шагах от спящих птиц. Тихонько свистнул, потом громче, еще громче — хотел проверить, насколько чутки спящие журавли.

Но все же надо было найти место для ночлега, и я решил поискать брод у устья речки. Когда я полез в воду, журавли с громким криком поднялись и стали перекликаться в воздухе. Увы! Дно было топкое, и моя нога сразу же, у берега, глубоко погрузилась в ил. Мне очень не хотелось идти вверх по речке, но делать было нечего, я зашлепал по проторенной тропинке.

Кедровка.

Непроглядная темнота охватила меня, когда я вошел в кедровник. В кедровнике не было валежин, и я с трудом перебрался через речку по наклонной березке. Мышцы мои были напряжены до предела, не хватало дыхания.

Я сел на колоду и только тут почувствовал, как я устал. Была полночь, мертвая тишина и мрак кругом. Я жевал крошки сухаря и думал: «Что же делать? Неужели придется ночевать здесь?»

Вдруг совсем близко рявкнул медведь — так близко, что меня охватил ужас. Эхо с рокотом отскочило от склонов гор. Медведь был так близко, что, будь хоть немного посветлее, я наверняка увидел бы его. Я бессознательно вскинул ружье и выстрелил; медведь взревел и, ломая кусты, побежал. Еще не затих шум удалявшегося медведя, как от устья речки донеслось рявканье еще одного медведя, где-то на склоне горы ему отозвался (и это не было эхо) такой же голос. Кругом ревели медведи! Их было не менее шести. Никогда мне не было так страшно в лесу. Всадив две пули и винтовочный патрон в стволы ружья, я, озираясь, стал осторожно продвигаться.

И вдруг удача! На фоне светлой воды речки я увидел очертания зимовьюшки. В зимовье были сухие дрова и береста. Скоро свет огня разогнал мрачную тьму вокруг меня.

«Почему собралось здесь столько медведей?» — думал я, поджаривая на плоской палочке — «рожне» — кусочки жирного мяса крохаля. Рыба! Медведи ловили ленка, хариуса и окуня, которые зашли на икромет в речку! И тропы все медвежьи. Вот и попал к медведям вместо рыбы! И хотя я знал, что медведи, пока они не ранены, не нападают на человека, а здесь они не трогают даже скот, мне опять стало как-то не по себе.

Ночь прошла, и утром мне было даже интересно посмотреть на то место, где я встретился с медведем. Действительно, медведь стоял в двадцати — двадцати пяти шагах от меня.

В губе плавали две пары лебедей-крикунов, они совсем не боялись человека. Голубой залив был спокоен.

Я уходил все дальше и дальше. Самый трудный участок — отвесные скалы Черемшана, россыпи, спускающиеся прямо в Байкал,— был впереди.

ПЛЕННИЦА СЕВЕРНОГО ОЗЕРА

Глеб Голубев

Рисунки Б. Винокурова.

За годы путешествий по родной стране у меня дома образовался как бы маленький музей. Из каждой поездки привозил я на память какой-нибудь причудливый камешек, цветок редкого растения или чучело красивой птицы. Постепенно экспонатов в моем музее становилось все больше. И каждый из них имеет свою интересную историю.

Одну из таких историй мне и хочется сегодня рассказать. Она связана с чучелом маленькой пятнистой рыбки, которое стоит у меня на этажерке. Глядя на рыбку, я вспоминаю далекий северный край, островок в Баренцевом море и удивительное озеро на этом островке, пожалуй, единственное на всем белом свете...

Несколько лет назад путешествовал я с группой туристов по Кольскому полуострову. Это были студенты разных институтов, хорошие спортсмены и большие любители природы. Группа у нас была дружная. Вот только в одном мы расходились: некоторые из нас увлекались охотой, а другие признавали только рыбную ловлю. Поэтому при выборе маршрута всегда возникали споры: одних тянуло к воде, других туда, где много разной птицы или зверей.

Желая примирить рыболовов и охотников, кто-то из нас предложил:

— Давайте двинемся по берегу моря...

Так и решили.

Из Мурманска мы отправились по берегу моря, намечая обогнуть весь Кольский полуостров. Для рыболовов у нас была легкая разборная лодка. Но пригодилась она и охотникам. Лето в тундре вроде нашей подмосковной весны: быстро тает снег, всюду журчат ручьи, сверкают озерца вешней воды,— шагу нельзя ступить без резиновых сапог. Поэтому большую часть пути нам приходилось плыть в лодке.

Чудесная пора — начало лета в тундре! Весело шумит вода, съедая последний снег. На пригорках распускаются первые цветы. Огромные стаи уток тянутся над озерами. А в холодных ручьях плещется рыба. Тут всем раздолье — и охотникам и рыболовам.

Одно только было плохо — мошкара. Тучи крошечных надоедливых мошек вились над нами с утра до вечера. Они пролезали в любую щелку, буквально не давали нам рта открыть. Мы садились пить чай, и в нем непременно плавали эти проклятые мошки. От них было только одно спасение: держаться ближе к морю, где постоянно дул сырой ветерок. Поэтому свой лагерь мы всегда разбивали на самом берегу, а еще лучше — на каком-нибудь островке, неподалеку от берега.

Так однажды вечером мы и попали на довольно большой остров К... (название его я вам пока не скажу), отделенный от материка нешироким проливом. На нем есть даже несколько речушек и маленькое озеро в чуть всхолмленных берегах.

Правда, летом в тундре утро и вечер, день

и ночь — понятия очень условные. Целые сутки солнце бродит по небу, ни на час не покидая его.

Мы сильно устали и поспешили разбить палатку неподалеку от озера и развести костер. Обязанности у нас были строго распределены. Пока трое ставили палатку, остальные собирали топливо для костра, чистили рыбу, потрошили уток. Это была «кухонная команда», возглавлял ее в тот вечер дежурный повар Женя Зайцев — веселый и живой паренек, студент Горного института. Схватив два больших ведра, он помчался к озеру за водой...

Скоро наш костер весело разгорелся, огненные языки лизали три больших чугунных котелка. Обед у нас всегда состоял из трех блюд: на первое уха, на второе какая-нибудь каша с дичью или мясом, а в третьем котелке — неизменный чай.

В предвкушении обеда мы устроились поудобнее у костра и поторапливали повара. Женя весело отшучивался, пританцовывая вокруг котелков с огромной разливательной ложкой. Наконец он торжественно объявил:

— Обед готов! Отпускается в порядке живой очереди. Становись!

Он быстро и ловко разлил уху в протянутые со всех сторон алюминиевые миски и тарелки из пластмассы, выдал каждому по толстому ломтю хлеба. От ухи шел аппетитный запах, золотистые кружки жира плавали в наших мисках, и просто невозможно было ждать, пока она хоть немного остынет... Мы все дружно схватились за ложки, сделали первый глоток и... поперхнулись: уха была соленой до горечи.

Наступила тягостная тишина. Все мы смотрели на Женю, и под нашими взглядами злосчастный повар стал медленно отступать к костру.

— Женя, — подчеркнуто ласково сказал Павлик Горохов. — Ты решил оставить нас без соли? Ты, наверно, высыпал в эту уху весь запас нашей соли? Как же мы будем дальше путешествовать?

Жене Зайцеву уже некуда было отступать. Пламя костра жгло его спину. Он замахал на нас руками и взмолился:

— Братцы, я ее не солил, честное слово, не солил! Посмотрите, вся соль цела...

— Вот и я говорю: ты вовсе не виноват, — насмешливо сказал кто-то из наших рыболовов. — Наверно, это мы наловили соленой рыбы. А может быть, и дичь тебе попалась соленая?

Женя поспешно сорвал крышку с другого котла, где варилась пшенная каша с утятиной (бывают такие странные блюда в туристических походах). Он зачерпнул полную ложку и, обжигаясь, с опаской попробовал варево. Лицо его расплылось в счастливой улыбке.

— Братцы! Все в порядке! — весело крик-

Мы все дружно схватились за ложки, сделали первый глоток и... поперхнулись...

нул он. — Забудем про эту проклятую уху. Зато жаркое получилось такое, что пальчики оближете!

— Забудем? — мрачно переспросил Павлик.— Нет, мы этого не забудем. И за пересоленную уху утопим тебя в этом прелестном озере. Но не сейчас, не пугайся — сначала мы съедим хотя бы второе и попьем чайку...

Аппетит у нас был волчий, и жаркое из пшена и утятины действительно показалось всем превосходным. Слышался лишь скрежет ложек по стенкам мисок. Все сосредоточенно жевали. Только Женя вдруг поднял голову и нерешительно спросил:

— Почему же уха все-таки соленая? — И, не получив ответа, снова принялся за еду.

— Ну, а теперь чайку пожалуйте! — бодро пригласил он всех, когда миски опустели.

— Все равно утопим,— подставляя кружку, пообещал Павлик, но уже не так свирепо, как раньше.

Налив себе чаю, я бросил в него три больших куска сахару, с наслаждением хлебнул, и... чуть не отшвырнул кружку — это был не чай, а какое-то невыразимо противное горько-солено-сладкое пойло.

Прежде чем мы опомнились, Женя стремглав бросился бежать от костра. И уже издалека донесся его жалобный вопль:

— Не виноват, честное слово, не виноват! Это озеро такое... соленое...

— Ничего не понимаю,— пожал плечами Павлик Горохов и подозрительно посмотрел на нас.— Ведь не стал бы он чай солить... Может быть, кто-нибудь из вас решил пошутить?

Мы все поклялись, что никто не подсыпал соли ни в уху, ни в чай.

— Может быть, в самом деле вода в озере соленая? — сказал я.— Давайте проверим.

Я зачерпнул воду из ведра и с опаской попробовал. Это была совсем пресная вода, чистая и вкусная...

Следующий день принес новые загадки. С утра мы разбрелись по острову. Рыболовы с удочками отправились к озеру, а мы, охотники, двинулись в глубь острова, так грозно выставив перед собой ружья, словно надеялись встретить там по крайней мере живого мамонта. Обескураженный Женя изменил своей рыболовной страсти и пошел на этот раз с нами.

Конечно, мамонта мы не встретили. Подстрелили несколько уток, чуть-чуть не попали в лисицу, мелькнувшую на бугре. И вдруг услышали на озере какие-то крики. Переглянувшись, мы бросились туда.

Наши рыболовы, столпившиеся вокруг Павлика Горохова, громко спорили. А на ладони Павлика лежал предмет их спора — небольшая рыбка с пятнами на чешуе.

— А я говорю, это треска! — размахивая удочкой, шумел Павлик.— Самая настоящая треска! Уж я-то знаю...

— Да откуда здесь треска?! — возражали ему.— Ведь озеро пресное, а треска — рыба морская. Как она могла сюда попасть? Да она и не может жить в пресной воде.

Павлик бросил удочку и снова стал внимательно рассматривать свою добычу.

— Как хотите, а это все-таки треска,— наконец твердо сказал он.— Вот и пятна, и усик на нижней губе...

— Да не может треска жить в пресной воде...

— Ну, значит, я открыл новый вид трески,— упрямо настаивал Павлик.— Так ее и назовем: треска пресноводная...

— ...имени Павлика Горохова, — ехидно добавил я.

— Стойте! — вдруг неистово закричал Женя.—Ты глубоко закидывал удочку?

Павлик задумчиво посмотрел на него и ответил:

— Метров на десять. Даже поплавок специально передвинул. Надоело мне ершей ловить, дай, думаю, поглубже заброшу...

— Значит, вода в озере и пресная и соленая, понимаете?—обрадованно сказал Женя.— И я не виноват, что чай соленый был. Я теперь вспомнил: вчера я первое ведро поглубже затопил. На глубине, думаю, вода чище будет. А со вторым ведром поторопился да сверху зачерпнул. Вот и вышло: в одном ведре была соленая вода из глубины, а в другом пресная. Сейчас проверим...

Он побежал в лагерь и через минуту вернулся с ведрами. Мы стали забрасывать их в воду. Женя был прав: стоило только утопить ведро поглубже, как оно наполнялось горько-соленой морской водой, хотя сверху в озере вода была совершенно пресной.

— Значит, так и есть,— сказал Павлик.— В озере два слоя воды: снизу более тяжелая, морская, там и живет треска, а сверху легкая, пресная вода. Такие случаи бывают. Но как же морская вода попала в озеро?

Мы обошли по берегу все озеро. Оно было совершенно замкнутым. От моря его отделяла полоса каменистой земли метров в шестьдесят шириной.

— Может быть, там есть подземный ка-

нал? — предположил Женя, и глаза его загорелись: — Вот бы исследовать!

Мы пробыли на острове еще день. Наловили из глубины загадочного озера много трески, но, конечно, никаких следов подземного канала не обнаружили.

Разгадку этой тайны маленького озера мы узнали в Мурманске, когда в большой банке принесли пойманных нами рыбешек в Полярный океанографический институт. Седой профессор-ихтиолог выслушал наш рассказ и улыбнулся.

— Вы видели, друзья мои,— сказал он,— действительно необычное озеро. Ученые давно им интересуются. В этом озере не два слоя разной воды, а даже пять. Самый верхний — пресный. И живут в нем такие же рыбы, как в обычных озерах. Затем идет слой солоноватой воды, еще ниже — морской, горько-соленой, откуда вы и выловили эту треску. А под ними лежит слой воды, окрашенной особыми бактериями в вишневый цвет. Еще глубже, у самого дна, находится вода, насыщенная сероводородом, где уже нет никакой жизни...

Профессор рассказал нам, что это озеро относится к интереснейшим реликтовым озерам. Раньше здесь было море. Потом дно его поднялось, и образовался остров, а глубокая ложбина, заполненная соленой морской водой, превратилась в озеро. Морская рыба треска стала пленницей этого озера. Постепенно талые снеговые воды опреснили верхний слой воды. Тогда треска ушла в глубину. В этих необычных условиях пленница озера изменила свой образ жизни и даже форму тела. Она стала меньше своих морских родителей. Уже сотни лет живет треска в глубине озера: подняться ей мешает пресная вода...

— Что касается подземного канала,— добавил профессор,— то вы почти угадали. Озеро сообщается с морем. Перемычка, которая его отделяет от моря, состоит из песка и гальки. Во время прилива через нее просачивается морская вода. Так что соленая вода в глубинах озера постоянно обновляется, иначе все обитатели соленого слоя уже давно бы погибли. Но уйти вместе с водой они не могут: их не пропустит галечно-песчаный фильтр...

Мы поблагодарили профессора. А на память я попросил у него чучело пятнистой трески — пленницы северного озера.

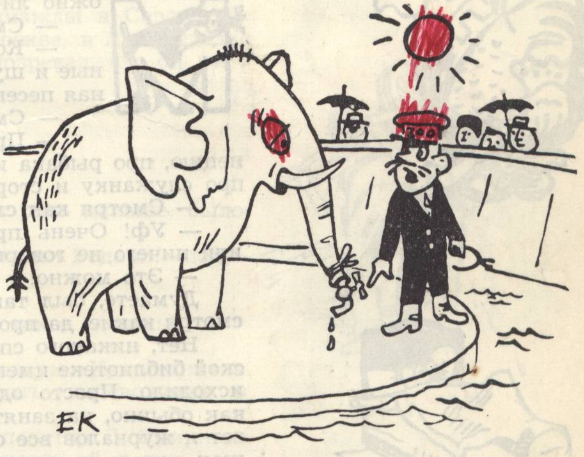
Знаете ли вы, друзья, как называется это удивительное озеро и где оно находится? Это — озеро Могильное на острове Кильдин.

ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ

Из польского детского журнала «Пломык» («Огонек»)

— Тебе непременно надо подражать людям?! Вынь лапы из кармана!

— Ну, уж теперь, мой дорогой, ты не будешь обливать публику водой!

— Опять ваша дочка играла со львом?!

„Писатель Италии Джанни Родари детям стихи и любовь свою дарит…“

1

Можно ли два часа подряд слушать стихи?

— Смотря какие.

— Коротенькие и длинные, грустные и веселые, серьезные и шутливые, легкие, как считалочка, и простые, как уличная песенка. Ну как: можно?

— Смотря про что они...

— Про лежебоку и зонтик, про шесть тысяч поездов и Венецию, про рыбака и почтальона, про мальчика Чиччо и слово «плакать», про служанку и сторожа — обо всех и обо всем. Ну как, можно?

— Смотря как слушать.

— Уф! Очень просто: слу-шать. Понравится, скажешь: «Здорово!» — или ничего не говори: удивись, посмейся, взгрустни, помечтай!..

— Это можно!

Думаете, был такой спор, можно ли два часа подряд слушать стихи, смотря какие, да про что, да как, да где?..

Нет, никакого спора в литературном кружке «Друзей книги» при детской библиотеке имени Ломоносова, что в Москве, на улице Чехова, не происходило. Просто однажды — было это года три назад — учитель, придя, как обычно, на занятия литературного кружка, стал читать из наших газет и журналов все стихи Джанни Родари, которые тогда перевел С. Маршак, читать и перечитывать, если кому-нибудь уж очень нравился стишок.

Вот с того дня и познакомились «друзья книги» с Джанни Родари. Он им издалека, через много-много стран, сказал:

— Здравствуйте, дети!

И они ему крикнули, как другу:

— Здравствуй, Джанни Родари!

Для начала люди иногда рассказывают друг другу о себе, свою биографию, как говорится. Рассказал советскому читателю о себе и о своих стихах и Родари в небольшом письме, напечатанном в 1953 году в «Пионерской правде» и открывающем с тех пор сборники его стихотворений.

Настоящий поэт всегда видит глаза своих читателей, и эти глаза скажут ему, чего они хотят, чего ждут от своего поэта. В них он прочтет все-все, недаром глаза называют зеркалом души человека. Так, верно, Родари прочитал судьбу мальчика Чиччо, хотя его никогда не видел:

Чиччо в подвале живет, у помойки...

Так он всем открыл желания маленькой девочки Сусанны, о которой попросила написать ее мать:

Стихотворенье про нашу Сусанну:
Больше всего она любит сметану.

Как-то раз «друзья книги» читали повесть Родари «Маленькие бродяги». Когда дошли до того места, где говорится о мечте отца Франческо и Доменико, маленьких героев повести, укрыть всех в мире, страдающих от холода, одним одеялом, кружковцы почему-то вспомнили и некоторые стихи поэта: «День без голода», «Стишок про летнюю жару и городскую детвору», «Спальный вагон».

«Почему-то»? Нет, очень ясно, почему. Послушайте самого Родари, и вы поймете:

Если бы стал я владельцем дороги
И посетил этот поезд убогий,
Поезд, где в хмурые ночи осенние,
Кроме дыхания, нет отопления,
Поезд, в котором десятки ребят
На чемоданах, свернувшись, лежат,
Поезд, где мать укрывает ребенка —
Старою шалью, дырявой и тонкой,—

Я бы на каждый ночной перегон
Детям давал бы спальный вагон.
Каждому — койку с простынкою чистой,
По одеялу из шерсти пушистой.

И приказал бы, чтоб детям в постели
Песню колеса бегущие пели[1].

Слово обладает чудесным свойством: если оно от души, ты легко поймешь человека, сказавшего это слово, хотя его самого никогда не видел. И как было не понять нашей детворе Джанни Родари, когда он с такой нежностью думает обо всех ребятах на свете!

Вот так из рассказа его о себе, из его стихов и историй «друзья книги» угадали, что за человек этот Джанни Родари. Они знали уже нечто большее, чем его биографию, потому что в стихах — душа поэта.

Ну, а наша биография, «биография» Советской страны, была, конечно, известна Джанни Родари. Да он уже и приезжал однажды в Советский Союз в составе итальянской делегации. Побывал в Москве, в Ленинграде, в Средней Азии. Тогда, в 1951 году, еще никто не подозревал, что он детский поэт. Только уезжая, он подарил свои книжки.

2

О друге хочется узнать больше. То, о чем пойдет речь дальше, было спустя два года после первого «знакомства».

— А что, если у нас будет вечер, посвященный Джанни Родари!—подумал вслух кто-то из кружковцев.

— Вечер?

— Ну да! Большой-большой, для всех... О! Можно такое сделать!

Что значило это «О!», сейчас расскажу.

Прочитали в журнале «Пионер» стихотворение Родари «Художник» в переводе П. Грушко — понравилось, захотели позвать переводчика в кружок.

Прочитали в газете «Вечерняя Москва», что композитор Г. Смирнова сочинила цикл хоров на стихи Родари,— решили написать ей.

Прочитали, что «Приключения Чиполлино» перевела З. Потапова,— захотели и ее разыскать.

Прочитали несколько стихотворений Джанни Родари в переводе Я. Акима — решили и поэта Я. Акима пригласить в кружок.

Прочитали в ленинградском журнале «Звезда» стихи Родари в переводе К. Чемены и подумали, что его никак в московский кружок не пригласишь... Но ведь на то и почта, чтобы разговаривать на расстоянии!

И, конечно, написали С. Маршаку, который первый перевел много стихотворений итальянского поэта.

Вот сколько сразу оказалось друзей у кружковцев!

Может, они что-нибудь расскажут о Джанни Родари? Ведь всякий, кто переводил его стихи и сказки или перекладывал его стихи на музыку, наверное уж, немало думал о поэзии Родари, о нем самом. И—что скрывать — ребята ждали от друзей новых переводов, участия в своем вечере. И не напрасно: поэты-переводчики приходили к ребятам, присылали свои новые переводы.

— Чем мне дорог Родари? — как бы спрашивая себя, разговаривал с кружковцами поэт Я. Аким и отвечал: — Я рад, что на свете живет такой поэт. Я всегда думаю о том, что хорошо бы и нам писать стихи так же весело, озорно и нужно, как пишет Родари.

«Для меня Родари очень близкий, бесконечно волнующий поэт, поэт «музыкальный»,— писала кружковцам композитор Г. Смирнова.

«Я не писатель, а инженер, и мне часто приходится выезжать в командировки,— писал из Ленинграда переводчик К. Чемена.— Меня очень долго

[1] Перевод С. Маршака.

не было в Ленинграде, почти два месяца. А когда я приехал, то узнал, что вы собираетесь устроить вечер и читать на нем стихи Джанни Родари».

Вот интересно! Не писатель, а инженер по профессии, несмотря на занятость, увлекается переводами Родари, композитор вдохновляется его стихами, называет его «музыкальным», поэт хочет писать так же весело и нужно, как Родари...

От этих признаний Джанни Родари становился для «друзей книги» еще ближе.

— А что он сейчас пишет? — спрашивали кружковцы у переводчиков.

И тогда на столе, за которым сидели ребята, появлялась газета «Унита». В ней каждый четверг в детском уголке Родари отвечает на вопросы детей.

«Почему, если чуть-чуть вывинтишь лампочку, она тут же гаснет?» — спрашивает, например, Ирма Салиду из Кальяри.

«Потому,— отвечает он,— что теряется контакт, через который она получает электрическую энергию.

Перегорела
В лампочке нить—
Вывернул лампочку,—
Новую вставил.
Ах, как хотелось бы мне,
Против правил,
Глупые головы
Так же сменить!»

«Почему на Луне есть пятна?» — спросила у Родари Тамара Брини.

«Я уже объяснял однажды,— ответил Родари,— что на Луне есть горы и долины, кратеры и пустыни, как на Земле. Если бы Луна была гладкая, то не видно было бы пятен.

— Но если ты уже объяснял это, почему ты все объясняешь сначала? — спросите вы меня. Да потому, что и через сто лет родятся дети, которые тоже будут спрашивать, почему на Луне пятна. И должен ведь кто-нибудь объяснить им снова. Нельзя же сказать: читайте «Унита» за 1956 год — там написано:

Лунные пятна
Похожи слегка
На кончик
Тамариного воротника.
У девочки
Кляксы всегда на руке
И пальцев следы—
На воротнике».

Все от души смеялись остроумным и простым ответам Джанни Родари и, кто знает, может, жалели, что нет такого веселого всезнайки и у нас.

— Что бы ответил Родари, если бы узнал, что мой кот Мурлыка одновременно мурлыкает и виляет хвостом? — лукаво спросил Сережа Стрижевский у переводчицы З. Потаповой.

— Я не знаю, что ответил бы Родари,— улыбнулась переводчица,— но вижу, что твой кот не только мурлыкает и машет хвостом, но и царапается.

При этих словах Сережа скорей спрятал руки под стол...

Если в кружок приходили люди, знающие итальянский язык, «друзья книги» обязательно просили их почитать вслух стихи Родари на родном языке поэта.

Однажды в гостях у ребят был товарищ Боффа, корреспондент газеты «Унита».

— Прочитайте, пожалуйста, какой-нибудь стишок по-итальянски,— попросили его.

— Хорошо,— сказал Боффа и прочитал.

Ребята вслушивались в музыку слов чужого языка. А потом тот же стишок читал поэт-переводчик.

— А по-итальянски лучше! — вырвалось у Наташи Хватовой.

Но не только с подлинником сравнивали кружковцы перевод. Им нравилось читать разные переводы на русский язык одного и того же стихотворения Родари. Когда К. Чемена прислал свой перевод стихотворения «Точильщик»:

Пройдет переулком, свернет в уголок,
Поставит на землю точильный станок,
Покрутит, покрутит и скажет соседу:
«Вот жму на педали, а с места не еду...»,—

ребята вспомнили, конечно, «Точильщика» в переводе С. Маршака:

На педаль нажимая ногою,
Он вращал колесо ремешком.
Колесо он носил за спиною,
А ходил по дорогам пешком.

— Вот как можно выдумывать: ни одно слово не похоже! — изумлялся вначале по поводу разных переводов Володя Фрадкин.

Тогда учитель объяснил, что не может быть художественного перевода слово в слово и что, если перевести стихи буквально, они просто перестанут быть стихами, потеряют всю свою поэтическую прелесть. Скоро ребята научились сравнивать разные переводы и находить в каждом свои достоинства.

Вечер приближался. Театральный кружок 635-й школы репетировал пьесу по сказке «Приключения Чиполлино». Несколько девочек и мальчиков из разных школ разучивали итальянские народные песни, так любимые Родари. Литкружковцы затеяли настоящий конкурс, как полагается, в два тура, с премиями на лучшего чтеца Родари и пригласили участвовать в нем всех желающих.

Сережа Стрижевский, например, готовил на конкурс стихи в переводе К. Чемены «Июнь» и «Стихотворение без смысла и толка».

ИЮНЬ

Стихотворенье про месяц июнь:
Уже одуванчик стал белым, как
лунь,
На поле выходит крестьянин
с серпом
И слышит далекий раскатистый
гром.
А в классе за партами ученики
Сидят, прикусивши свои языки,—
Учитель без галстука и без
жилетки
Им в табеле выставляет отметки...
«Синьор педагог, пропустите
страницу,
Не ставьте, пожалуйста, единицу,
И двойку не ставьте, вы знаете
деда,—
Ведь он мне не купит велосипеда!
А если вы мне не дадите
«остаться»,
То я вам тогда разрешу
покататься!»

СТИХОТВОРЕНИЕ БЕЗ СМЫСЛА И ТОЛКА

Стихотворение без смысла
и толка,
Волчок говорит, что он родственник
волка,
Коньки — это будто бы дети коня,
А гвоздь и гвоздика — как будто
родня.
А чай говорит: «Ты меня помешай,
И я тогда буду помешанный чай!»
На самом же деле помешанный
тот,
Кто хочет войны и опять ее ждет!

Новые переводы из Родари сделал к вечеру поэт Я. Аким. Вот одно из этих стихотворений:

О НАЧАЛЬНИКАХ СТАНЦИЙ

Начальника станции
Все уважают:
Он в красной фуражке,
Осанист на вид.
А мне его жалко:
Ведь все уезжают,
А он на платформе стоит.

С площадки
Начальник
Друзьям не помашет,
Сынишку не спросит:
— А что привезти?
— Прощай, не волнуйся! —
Не крикнет мамаше,
Не выспится за день в пути.

Он самый оседлый
В стремительном мире,
Где круглые сутки
Туда и сюда
В двенадцать с минутами,
В семь и в четыре
По рельсам летят поезда.

...Мечтаю однажды я
С домом расстаться,
И поезд,
Дымя паровозной трубой,
Возьмет по пути
Всех начальников станций —
Я их приглашаю
В дорогу с собой.

У тех кружковцев, что пишут стихи, была, как у всяких поэтов, «слабость»: говорить обо всем в стихах. Саша Александровский, Володя Лапин, Лена Минкина, Наташа Осипчик посвящали Родари свои стихи. Стишок Володи Лапина начинался так:

Писатель Италии Джанни Родари
Детям стихи и любовь свою дарит,
Занимательную книгу, длинную,
«Приключения Чиполлино».

Еще задолго до этой «предвечерней» суеты одна девочка из кружка спросила:

— А в Италию можно письмо послать?

Учитель сразу понял, о чем она. Письмо в Рим, к Джанни Родари! Думали сначала послать общее письмо, но каждый написал свое, и так не похоже, что их никак нельзя было объединить.

Саша Клюев писал Родари:

«Мама и папа у меня очень добрые и вас очень обожают...»

Саша рассказывал, что делает кружок, что «друзья книги» недавно ходили на юбилейный вечер Льва Кассиля.

Володя Лапин послал Родари свой стишок «Барабан»:

Пойду я с ним в дорогу,
Пробью на нем тревогу,
Походный марш пробью на нем
В любое время: ночью и днем.

Володя Лапин, как и Леня Котляр, приглашал Родари в Москву.

Тамара Гришина рассказывала, что сделали в кружке к вечеру, и писала:

«Мы хотим знать о вас больше. И везде ищем о вас что-нибудь новое...»

Да разве передашь все, что каждый из ребят написал Родари! И вот пошло по адресу: «Италия. Рим. Редактору молодежной газеты «Авангардия» Джанни Родари» — девять писем. Но написали еще и одно общее, под которым подписались все двадцать ребят.

3

Ждать ответа стали чуть ли не на следующий день, хотя всем было ясно, что из Москвы в Рим и обратно письмо будет идти уж никак не меньше недели.

— Нет письма? — спрашивали «друзья книги» при встрече с учителем.

— Нет.

У слова «нет» много оттенков: «нет еще», «нет пока», «вот-вот будет, а нет», «нет совсем», «нет и не будет»...

И вот перед самым вечером, когда, как любят говорить, уже и не ждали, пришел в литературный кружок толстый конверт с веселенькой красно-зеленой каемкой. Все мальчишки покушались отклеить единственную марку на письме Джанни Родари!

Вот что он писал:

Дорогие друзья, некоторое время тому назад я получил ваши письма, а также письмо учителя, который руководит вашим кружком «Друзья книги».

Времени прошло уже столько, что многие из вас, верно, подумали, ну что же, в конце концов, делает этот Джанни Родари, что он мнит о себе, что не отвечает нам? Или он не знает, что придумали почту и что на всех улицах имеются ящики, куда можно опустить ответы, и что уже придуманы поезда и самолеты для того, чтобы их перевозить? Или же он не умеет читать и писать?

Или он поехал в Африку охотиться за львами?

Между тем все это время я был в Италии, в Риме, где я живу, и в других городах, куда я ездил по делам. Я носил ваши письма в кармане пальто. И каждую минуту они меня ругали и упрекали: «Отвечай, черт подери!» А я им в ответ: «Терпение, и еще минута терпения. Москва не строилась в один день...» И тогда письма возмущенно повышали голос: «Эх, ты, самонадеянный, ты хочешь сравнить себя с Москвой, а где же у тебя Кремль: на шляпе? И университет где: за ухом?.. Садись за пишущую машинку и пиши».

Да, дорогие друзья, это была долгая дуэль, продолжавшаяся почти две недели между мною и всякого рода делами и работами.

Ну, вы, конечно, скажете: «Вот еще один человек, который все сваливает на дела...» Но, в конце концов, вы меня извините за опоз-

дание или же нет?! Дело в том, что я очень боюсь пишущих машинок, самопишущих ручек и карандашей.

Прежде чем написать, я должен думать столько, что иногда все время уходит, и я ничего не пишу.

Ваши письма доставили мне такое большое удовольствие, что даже смутили: такое большое удовольствие я вам не смогу вернуть, я останусь навсегда перед вами в долгу. Поэтому сделаю самое простое и поблагодарю вас за вашу дружбу. Мне бы очень хотелось познакомиться с вами, с каждым в отдельности:

Володя Лапин, барабанщик и поэт, что скажут москвичи, если услышат, что ты ходишь по ночам со своим барабаном и они не могут уснуть из-за этого?

— Бум-бум-бум! Бум-бум-бум! Бум-бум-бум!

— Что это? Что случилось?

— Смотрите, смотрите, это Володя Лапин со своим барабаном!

— Но почему он бьет в барабан: сегодня же не 7 ноября!

— Да, но коммунизм строится каждый день...

Поэтому играй, Володя, играй свой победный марш: его услышат во всем мире.

Затем я хотел бы познакомиться с Сашей Клюевым, с его мамой и папой. Я тоже, знаешь, познакомился с Львом Кассилем: в Риме мы с ним ходили кушать рыбный суп, потом он пришел ко мне с Сергеем Михалковым, который очень высок и почти не проходил в дверь. «Извините, Сергей,— хотел я ему сказать,— подождите минуту, я сейчас позову каменщика, и мы прорубим более высокую дверь».

А где же Тамара Гришина? А, вот она! Она хочет узнать что-нибудь обо мне. В таком случае я ей скажу (но когда я приеду в Москву, не сейчас!), что однажды я работал учителем и преподавал в маленькой деревенской школе, где зимою дети носили с собой в школу вместе с книгами также... небольшие поленья дров для того, чтоб отапливать школу. В этой школе я начал рассказывать истории. Последняя четверть часа утренних занятий была посвящена моему рассказу. Ученик шел к доске и писал какое-нибудь слово, например, слово «растение»; за ним шел к доске другой и писал первое слово, что приходило ему в голову, например, «домашние тапки». Я же, бедняга, должен был придумать историю о том, как росли домашние тапки. Все эти истории я позабыл. Если бы они опять всплыли у меня в памяти, я бы мог написать большую книгу сказок.

Я хочу передать свой привет Юре Чашкину. Его письмо мне нравится, потому что в нем много перечеркнуто и снова написано. Вообще, это хороший признак: не всегда первое слово, которое пишется, именно правильное слово. Когда рубишь дрова, первый удар топора может пойти мимо. Желаю нашему дорогому Чашкину, чтобы у него никогда не пропало желание поступить лучше, говорить лучше и мыслить лучше.

Валя Голышева, Леня Котляр, Рая Смирнова, Алина Турич (какие же у вас красивые имена, какие музыкальные!), благодарю также и вас за все, что вы мне сказали.

Я жму руку каждому в отдельности: Минкиной, Сафрай, Ахмадулину, Дедюкину, Стрижевскому, Хватовой, Скрипниченко, Жук, Домогацкой, Рогачевскому, Мельниковой, Ивченкову. Желаю всем вам, чтобы ваши имена были известны во всех областях знаний. Если я приеду в скором времени в Москву, я, конечно, вас всех навещу. В противном случае я уверен, что прочту о вас в газетах.

— О ком вы говорите? О Скрипниченко? А, я знаю: это первый человек, высадившийся на Луну...

— Мельникова? Вы имеете в виду известного профессора Мельникову? Подождите, у меня есть ее автограф, подписанный, еще когда она была маленькой...

— Внимание, внимание! У микрофона известная полярная исследовательница Сафрай...

Я тогда буду старичком, ростом с табуретку, и буду потирать руки от радости, потому что в голове профессора Ахмадулина, в сердце Леонида Котляра, инженера, известного нс востоке, на севере, на юге, на западе, в каком-нибудь забытом уголке, кто знает, может быть, осталось еще слово из моих стихов, может быть, только запятая или же белое пространство, которое оставляется между одной строфой и другой.

Дорогие ребята, вы не должны писать мне только красивые слова,— вы должны сказать мне, если у вас есть на это время, также о том, что вам не нравится, наводит скуку, о том, что вам кажется неправильным. Вы не только читатели, но и судьи. Судите строго, пожалуйста!

Я вас приветствую от всего сердца, и для тех, кто меня об этом просил, прилагаю короткое стихотворение.

Джанни Родари.

Стихотворение было еще неизвестно ребятам. Его по нашей просьбе перевел Я. Аким.

ЛЕТНЯЯ ЗАДАЧА

— Синьор учитель, здесь что-то
не так,
Много в задаче какого-то вздора,
Мы в ней разобраться не можем
никак:

«Определите площадь простора,
Количество смеха,
Веселья объем...»
Нам с этим не справиться
Даже втроем.

И верно, попробуй узнай-ка:
«Сколько весит игра на лужайке?»

...Учитель, заметив смущенье
такое,
С улыбкой питомцев своих
успокоил:

— Не вешайте нос,
Погодите с ответом:
Такие задачи
Решаются летом.
Дождитесь каникул, ребята,
И скоро
Легко вы узнаете
Площадь простора,
Количество смеха,
Веселья объем,
Когда на лужок прибежите втроем.

В пригласительных билетах написали, что на вечер могут прийти все, кто любит поэзию Джанни Родари, его сказки. Только все, конечно, не поместились бы в скромном зале школы. Ведь если в одной Москве собрать всех любящих произведения Джанни Родари, то, наверное, и старенького стадиона «Динамо» не хватило бы.

Когда читали на вечере письмо, невольно думалось, что это сам Родари здесь сидит и разговаривает с ребятами.

И все-таки очень-очень хотят Саша Александровский, Володя Лапин, Лена Минкина — все-все «друзья книги», чтобы Родари, приехав в Советский Союз, пришел к ним в литературный кружок, и они б ему сказали:

— Здравствуй, Джанни Родари!

А вы хотите?

Вл. Глоцер

ВЕСНА НА АНГАРЕ. А. Тимофеев.

НОВОСЕЛЫ. И. Галицкая.

ПЕРЯ-БОГАТЫРЬ

КОМИ-ПЕРМЯЦКАЯ СКАЗКА

Рисунки Л. Тараканова.

Возле Лупьянского лиственника, рядом с Пермской стороной, жили-были в старину три брата: Антипа, Мизя и Перя.

Антипа ушел в Комму[1] — воином стал, Мизя принялся землю пахать, а младший, Перя, молодой, неженатый, сделался охотником.

Наденет, бывало, лыжи длиной в три сажени, возьмет острое копье, лук да стрелы и уйдет на лов...

[1] Комма — город, который, по преданиям, стоял в старину на реке Каме, где живут коми-пермяки.

Догонит он лося или оленя, поразит копьем и на острие принесет добычу домой.

Просторны были лесные угодья Пери, на сотни верст кругом он расставлял силки, но бегал так быстро, что все ловушки успевал осмотреть до обеда.

Бродит, бродит, бывало, день-деньской по дремучему лесу, а ночью наломает пихтовых веток, костер разведет и спит у огня.

Вот каков он, Перя-богатырь!

Раз в деревне Лупье стал мужик избу ставить. Устроил он помочи, позвал соседей бревна возить. Вместе со всеми поехал в лес и Перя-богатырь.

Мужики повалили деревья, очистили от сучьев и коры, принялись бревна возить. Перя отобрал себе самые крупные. А лошаденка-то у него была никудышная. Тужится, тужится, никак с места воз не сдвинет. Начали соседи перешептываться:

— Вот так Перя! Сам богатырь, а лошадь — кляча.

Обиделся Перя. Выпряг лошадь, ухватился за оглобли и вытащил на дорогу воз.

Удивились соседи богатырской силе молодого Пери.

А хозяйка как услыхала, что он на себе бревна приволок, испугалась: чем теперь кормить Перю? Пожалуй, такой богатырь сразу съест все припасы!

Перя хозяйкины думы угадал и говорит:

— Принеси из леса побольше зеленого мха, свари его да посоли, вот мне и ужин готов!

Сели помочане за стол. Всем хозяйка кашу подала, один Перя из большущего котла ест вареный мох. Ест да похваливает.

Засмеялся один из соседей, по имени Мелю-Мишка.

— У меня,— говорит,— в хлеву свинья, и та к хлебу приучена. Принесешь ей вареный мох — отворачивается.

А богатырь не любил, когда его вышучивали. Сам никого пальцем не трогал, а заденешь его — вспыхнет, как солома от огня.

Наутро вышел хозяин во двор, где вчера помочане бревна свалили, глядь-поглядь, нет ни одного бревна. И догадался он, что это Перя отомстил за обиду, полученную на пиру.

Знал хозяин, что у Мелю-Мишки был неподалеку поставлен сруб для новой избы. Пошел туда. Глянул, а сруб полон бревен. Стоят мужики — и хозяин и Мелю-Мишка,— затылки чешут, не знают, как вытащить бревна из сруба. Подумали, подумали и отправились к Пере. А богатырь у себя дома за столом сидит, вареный мох ест да похваливает. Поклонились мужики ему в пояс, попросили прощения.

Расхохотался Перя так, что снег с крыши посыпался. Но не стал ломаться, пошел к срубу, вытащил бревна, приволок их во двор и положил на прежнее место. Вот каков был Перя-богатырь!

Однажды случилась беда. На лесную Пермскую сторону пошла войной орда степного хана. Не правдой, а хитростью побеждала орда. У степного хана было большое-пребольшое железное колесо. В колесе сидел человек, вертелся, как белка, и гнал колесо. Оно катилось, давило людей, и никто не мог его остановить. А сверху ордынцы огнем горючим и стрелами осыпали всех, кто осмеливался преградить путь страшному колесу.

Народ в ужасе бежал в леса.

Но вот дружинник Антипа пришел к пермскому князю и сказал:

— Есть у меня брат Перя-богатырь, не позвать ли нам его на подмогу?

Обрадовался пермский князь, закричал:

— Скачи на тройке за братом! Если он сломает железное колесо, я ему подарю половину своих владений.

Антипа с княжеским придворным поскакал на самой быстрой тройке к брату. Целую неделю ехал. Наконец добрался и рассказал Пере, какая беда приключилась. Богатырь в ответ:

— Что ж, надо добрым людям помочь!.. Скачи, братец, на тройке обратно в Комму, а я тебя пеший догоню, за три дня туда на лыжах добегу!

— А если я на войну уйду, как без меня князь тебя узнает? — спрашивает Антипа.

Перя говорит:

— Где я стану жить, люди по лыжам узнают, лыжи возле дома поставлю, они у меня длинные, в стреху упрутся концами. А самого меня узнают по росту. Да еще по рукавицам: не страшен мне мороз, мои рукавицы всегда за пояс заткнуты.

Уехал Антипа, а Перя еще сутки дома прожил, потом побежал на лыжах в Комму.

В самую пору попал туда богатырь. Глядит, уже к самому городу подкатывается железное колесо. Вокруг искры сыплются. На оси колеса богатырского роста ордынец вертится. А колесо катится по полю, людей давит, огонь мечет... Падают убитые, разбегаются живые...

Перя-богатырь навстречу колесу, как стрела, полетел. Лицо звериной шкуркой завязал, чтобы не обжечься. Ухватился он за спицы и прыгнул на ось, напротив ордынца. Первым делом Перя недруга наземь скинул, потом колесо остановил, опрокинул его и разорвал на части.

Увидели ордынцы, что богатырь разломал колесо, испугались и ускакали обратно в свою степную сторону...

А в Комме началось ликование. Князь устроил в честь Пери-богатыря пир на весь мир. Три дня гуляли гости, а на четвертый князь говорит:

— Проси, удалой молодец Перя, у меня, что хочешь: золото бери, куниц бери! Полцарства бери!

А Перя в ответ:

— А на что мне твои меха, я сам куниц ловлю, красным девушкам дарю. И золото мне ни к чему. В лесу без него живут. И полцарства мне не нужно. В лесу я сам царь, меня медведь, и тот боится.

Задумался князь и говорит:

— Ишь, ты какой! Я и не знал, что такие бывают. Откуда ты родом? Брата твоего я видел, а вот кто твоя мать, кто отец, кто сестры?

— Отец мой — лесной костер, моя мать — березовое изголовье, пихтовая постель, а вольная воля — моя сестра, и без них я жить не могу,— молвил Перя-богатырь.

Подивился князь Коммы таким словам и подарил богатырю шелковую сеть, чтобы куниц ловить. А еще подарил грамоту, зырянскими буквами написанную. И было там сказано, что Перя и его потомки могут Лупьянским лиственником владеть.

Попрощался Перя с князем — и домой. Там сразу пошел в лиственник новое владение смотреть и расставить шелковую сеть. Да не знал богатырь, что попал он, как нарочно, туда, где сам Ворса-леший охотился.

Леший тут как тут! Шапка будто большущая еловая шишка, зеленую бороду ветер треплет.

Нахмурил брови Ворса и спросил богатыря, как он посмел в его владениях охотиться.

— Это не твои, а мои угодья. Вот читай княжескую грамоту,— сказал Перя.

Не умел читать Ворса.

— Мне эта грамота не указ,— говорит.— Давай лучше состязаться, на палке тягаться. Кто победит, тот и станет владеть угодьями: то ли наша лесная нечисть, то ли ты, Перя, со своими земляками.

Нашел богатырь палку, привязал ее крепким ремнем к березе. Концы ремня обернул вокруг ствола и завязал.

С одного края уцепился за палку Перя, с другого — Ворса. Ворса рванул палку, да так, что береза затрещала.

— Что это трещит? — спрашивает леший.

— Твой хребет! — отвечал богатырь.

Испугался Ворса, не захотел больше состязаться.

— Ладно, владей лиственником. И давай жить дружно!

Перя поверил лешему. А Ворса решил его погубить.

Свалил богатырь высокую сосну, зажег нодью — негаснущий костер, и улеглись они у костра спать, леший и Перя.

Ворса и спрашивает Перю:

— А какой удар для тебя смертелен: удар меча или удар топора?

Зевнул Перя, отвечает, что не боится он ни меча, ни топора, боится только раскаленного копья с серебряным наконечником.

А копье с серебряным наконечником как раз у лешего было. Он его под голову положил и захрапел.

Перя же потихоньку встал, вырвал из земли березу, притащил к костру, положил на свое место и плащом накрыл. А сам взял лук и стрелы, спрятался под елкой.

Среди ночи встал Ворса, раскалил на костре свое копье с серебряным наконечником, да как ударит в накрытый плащом березовый ствол. Копье насквозь пробило березу.

— Ну и крепок был Перя! — сказал леший и еще раза два стукнул копьем по березе и опять проговорил: — Ну и крепок был Перя!

— Да еще как крепок! — отвечал Перя и пустил в лешего острую стрелу.

Бросился леший бежать, а богатырь — следом, осыпает его стрелами. До самого жилища преследовал лешего богатырь.

С той поры Перя и его земляки и потомки всегда охотились в Лупьянском лиственнике.

Вот каков был Перя-богатырь!

Женился он на сильной, высокой красавице. Жил сто двенадцать лет. Берег грамоту и шелковую сеть. А потомки Пери, Мизи и Антипы до сих пор живут на земле Коми. Все они славятся добрым сердцем и сильными руками.

Перевели и обработали

Надежда Белинович и Федор Плесовский.

Борьба продолжается

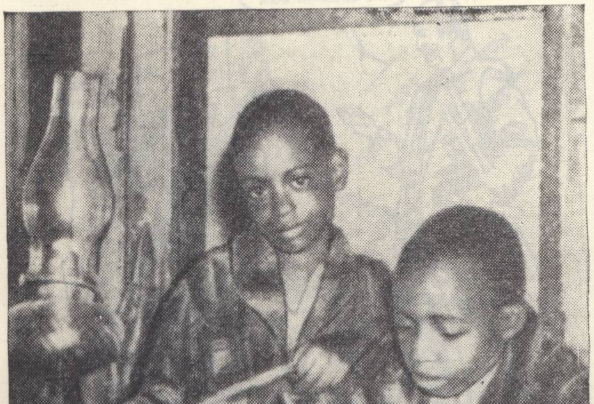
Гарри Айзман

Рисунки и фотографии взяты из американских журналов 1956 года.

...Раздался телефонный звонок. В сонной тишине дома он показался особенно тревожным и резким. В маленьком американском городишке Клинтоне рано ложатся спать, а сейчас была уже полночь! «Что-то стряслось»,— подумал хозяин дома Дональд Девис. Он поднял трубку. В трубке послышался хриплый голос:

— Мистер Девис, черномазые все-таки идут! Этого нельзя допустить! Если вы настоящий американец, выходите с утра на улицу.

Говорил Джон Каспер, главарь местного «Совета белых граждан». А «Совет белых граждан» — фашистская, расистская организация в Соединенных Штатах. Она ведет борьбу против равноправия негров, запугивая их, преследуя и совершая всевозможные преступления.

Посмотрите: в Нью-Йорке, в городе, залитом электрическим светом, в центре культурной и деловой жизни Америки, ребята должны заниматься при керосиновой лампе. Это потому, что они дети негров. Они живут в Гарлеме, негритянском квартале.

Каспер позвонил не только Девису. Многих жителей Клинтона разбудил в эту ночь телефонный звонок. Хриплый угрожающий голос бросал слова: «Нельзя допустить... Настоящий американец... Дадим отпор... Все на улицу...»

Что же ожидалось утром? К какому событию жители Клинтона должны были готовиться, будто к нападению неприятельских войск?

Утром начинался учебный год. Двенадцать негритянских ребят собирались идти в школу.

Ну и что же, скажете вы, раз начинаются занятия, все идут в свои школы. Ничего тут нет особенного.

Да, но не в Америке! Негритянские мальчики и девочки, о которых говорил по телефону фашист Каспер, собирались идти в хорошую, светлую школу для белых детей, хотели учиться вместе с ними.

Раньше в Соединенных Штатах Америки существовал порядок, запрещавший неграм и белым учиться вместе. Негры, видите ли, не равны белым, они не должны сидеть в одних классах с белыми! Этот подлый, несправедливый порядок после настойчивой, длительной борьбы, которую вели все передовые американцы, был наконец отменен Верховным судом. Ведь по всему земному шару люди возмущались этим дикарским порядком, он позорил американцев!

Но Верховный суд вынес свое решение 17 мая 1954 года. Больше двух лет прошло, а негритянские дети по-прежнему учились отдельно. Американские фашисты запугивали негритянских ребят, запугивали их родителей, директоров, которые принимали негров в свои школы.

Но в этом году негры сказали: «Хватит! Право на нашей стороне. Мы будем бороться за него, мы не потерпим больше унижения». И они пошли в «белые» школы записывать своих детей.

И вот в первое утро нынешнего учебного года по всей стране негритянские дети пошли на занятия. Двенадцать негритянских школьников Клинтона тоже.

Какие же они молодцы, эти мальчики и девочки! Смелые, мужественные, стойкие, они шагали по улицам и переулкам своего городка. Это было совсем не просто. Это было бы страшно даже для взрослого, сильного человека.

Еще до начала учебного года фашисты стали грозить кровавой расправой всем, кто пойдет учиться вместе с белыми. Газетные заголовки, плакаты на улицах кричали:

«Негры, не смейте записываться в школы, будет плохо!»

«Негры, знайте свое место!»

«Негры, берегитесь!»

А один расист сказал на митинге, где собрались такие же головорезы, как он:

— Негру, который хочет совместного обучения с белыми, образование не нужно, ему нужны похороны...

Негритянские семьи получали угрожающие письма. Фашисты обещали взорвать их дома, перебить всех, кто пошлет своих детей в школы «для белых». На

Перед началом учебного года фашисты с угрожающими плакатами преграждали дорогу негритянским детям.

тротуарах перед входом в школу проводилась белая черта. Надписи предупреждали негритянских ребят, что каждый из них будет убит, если осмелится ее перешагнуть.

Очень страшно, очень трудно сделать шаг, если он ведет тебя к смерти... Негритянские дети знают, что расисты не только угрожают, они приводят в исполнение свои угрозы.

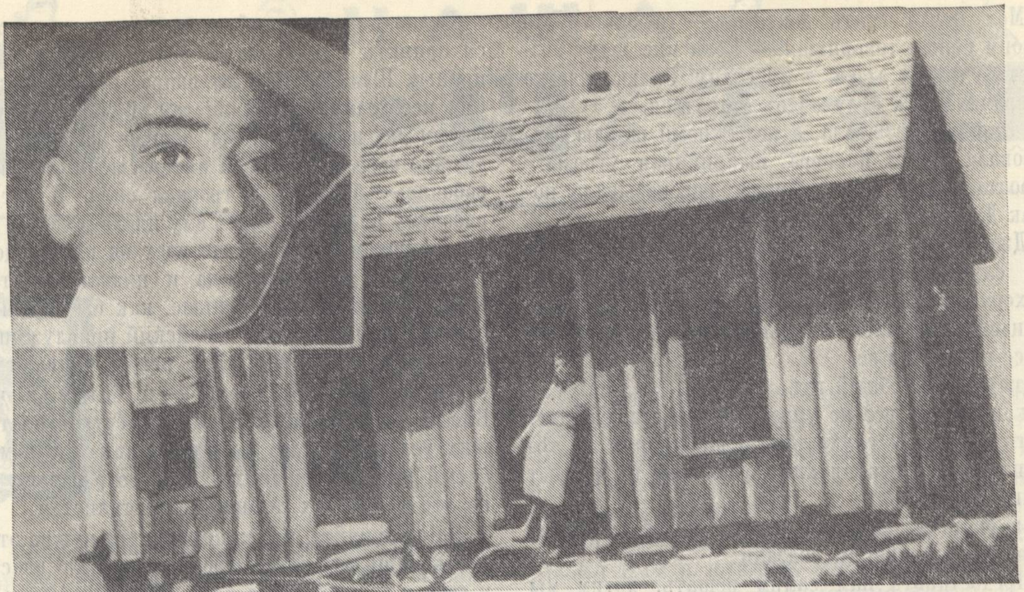
Вот что произошло за год до этих событий. Вот что сделали с Эмметом Тиллом, негритянским мальчиком из города Чикаго. Это был самый обыкновенный мальчик, ваш ровесник. Жилось ему трудно. Отец погиб на фронте. Мать работала, чтобы прокормить себя и сына. Она уходила рано утром, а возвращалась только к ночи. Эммет хорошо учился и помогал матери, делая всю работу по дому: убирал комнаты, ходил за покупками. «Сын был моей настоящей опорой»,— вспоминает о нем миссис Тилл. Летом прошлого года миссис Тилл решила

Эта страшная фигура — образ расиста из «Совета белых граждан». На нем написано: «Невежество». Видите, он подстрекает громить школы, где учатся вместе и черные и белые дети.

А это еще один «друг цветных». Так он себя называет. А на самом деле он требует от негров вот чего: «Не входи в мои школы», «Не входи в мои церкви», «Не пей воду, где я пью», «Не стой на моем пути».

Портрет убитого негритянского мальчика Эммета Тилла. Американский журнал прогрессивной молодежи «Нью челлендж» дает этот портрет на фоне убогой лачуги, типичного жилища негров в южных штатах.

послать Эммета к дяде на отдых. Мальчик, выросший в большом каменном городе, давно мечтал об этой поездке.

И вот он на юге страны, в штате Миссисипи. Два дня он прожил на ферме. На третий день зашел в бакалейный магазин купить жевательную резинку. Войдя в магазин, он что-то насвистывал, как это часто делают все мальчишки. Отпускавшая покупку продавщица сочла это оскорблением и вечером рассказала мужу о «нахальном негре». В ту же ночь

Этот рисунок требует: «Больше учителей», «Стройте больше школ», «Лучше платите учителям». Школ в Америке не хватает, а правительство не отпустило средств на строительство новых школ.

ее муж Майлам и его приятель Брайент ворвались в дом старого фермера. Эммета вытащили из кровати и увезли. Майлам и Брайент бросили его в сарай и стали избивать рукоятками револьверов. Но храбрый и гордый мальчик не попросил у них пощады. Он сказал: «Я не хуже вас, я не боюсь вас». Это были предсмертные слова Эммета Тилла. Майлам застрелил его. Ни убийца, ни его сообщник не были наказаны. Суд оправдал их!..

...Трудно сделать шаг, за которым тебя, быть может, стережет смерть. Но двенадцать мальчиков и девочек в Клинтоне переступили порог своей новой школы.

Одноклассники встретили их хорошо. Они не хотели враждовать с неграми. Когда белый школьник Джозеф Милзенс пришел в школу, у дверей его остановил Каспер.

— Неужели ты согласишься учиться с черномазыми?!

Джо рассмеялся:

— Я хожу в школу, чтобы получить образование, и присутствие негров в классе мне не мешает.

В первые дни школьных занятий проходили выборы старост и их помощников. В одном из старших классов среди новичков была четырнадцатилетняя негритянская девочка с живыми, умными глазами. Когда начались выборы, ребята попросили ее рассказать о себе.

Она встала и, немного смущаясь, начала говорить о своей жизни, о своих мечтах и надеждах. Ее зовут Джо Энн Аллен. Раньше она училась неподалеку от Клинтона, в школе для негритянских детей. Школа помещалась в старом, ветхом доме, не хватало учебных пособий, учиться было трудно.

— Моя мечта стать доктором,— говорила Джо Энн своим новым товарищам.— Если мне дадут возможность учиться здесь, я им стану. Знаю, нелегко стать врачом, но я буду очень стараться.

Джо Энн рассказывала, а под окнами школы бесчинствовала шайка Каспера, выкрикивая угрозы.

Староста класса Кэрол Питерс рассказывала потом, как Джо была избрана ее помощницей:

— Джо Энн — очень милая, умная девочка. Во всяком случае, если она победила,— значит она очень хорошая. Ведь вторым кандидатом баллотировался известный член футбольной команды, и все же класс предпочел ее.

Так начался учебный год.

А Джон Каспер все не унимался. Он стал распространять по городу слухи, будто школьники не хотят учиться с негритянскими ребятами и требуют смещения директора.

Узнав об этом, директор созвал общее собрание. На собрании школьники сказали:

— Предоставьте нам самим решать, хотим мы или не хотим учиться вместе, ведь это касается нас!

Ребята поступили совсем не так, как хотелось бы расистам. Это привело расистов в ярость, и на следующий день вооруженная толпа в три тысячи человек собралась на улицах Клинтона. Началось избиение негров.

Старики, ребята, женщины с грудными детьми бежали в горы, скрываясь от погромщиков. На восстановление порядка выступил вооруженный отряд добровольцев, он состоял из белых. И только тогда, опасаясь, как бы не завязалась перестрелка между белыми, власти прислали в Клинтон вооруженные войска. С помощью слезоточивых бомб солдаты разогнали толпу.

То же, что в Клинтоне, происходило и во многих других городах, особенно на Юге.

В чем же провинились маленькие негритянские школьники? Откуда эта дикая ненависть к людям другой расы, другого цвета кожи?

Видно, она кому-нибудь выгодна, если ее стараются привить с детских лет белым гражданам Соединенных Штатов? На этот вопрос нетрудно ответить. Она необходима капиталистам. Ведь хозяину завода совсем не нужно, чтобы черные и белые рабочие дружно боролись за свои интересы. Объединившиеся рабочие — большая и грозная сила. И вот белому рабочему внушают, будто ему плохо живется от того, что слишком много негров идет на производство. От этого, мол, и безработица и низкая оплата. Ведь негру хозяин платит меньше, как бы хорошо он ни работал. А провокатор, хозяйский прислужник, шепчет белому рабочему: «Это негры сбивают цену».

Им бы бастовать вместе — и белым и черным! Вместе бы требовать лучшей заработной платы, лучших условий труда. Но бывает так, что обманутый белый рабочий ненавидит черного рабочего. А нужно это только их хозяевам-капиталистам.

Но не думайте, что капиталистам нужна эта ненависть лишь для того, чтобы легче было властвовать у себя в стране. Когда они хотят поработить другие страны, превратить их в свои колонии, они посылают туда свои войска. Солдат, которому вдолбили, что он лучше и выше людей с другим цветом кожи, который привык расправляться с неграми у себя дома, будет воевать так, как нужно капиталистам. Будет разорять корейские деревни, будет расстреливать беззащитных женщин и детей. Ведь они «цветные», а он белый, ему все позволено! Так его учат.

Но лучшие люди Америки всегда понимали, как позорна расовая ненависть, расовые преследования. С каждым годом, с каждым днем растет число врагов расизма.

Сто тысяч человек пришли проститься с убитым мальчиком Эмметом Тиллом. Его похороны превратились в грозную демонстрацию.

И сейчас в защиту прав негритянских школьников выступают многие сотни тысяч американцев. Это мощная армия честных, решительных, самоотверженных людей. Борьба продолжается!

В. Берестов

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

УДАРИЛ МОРОЗ

— Бураны, грозы и метели —
Как много с ними канители,
Как много лишней толкотни!
А я
Сильнее, чем они!

Так проворчал Мороз угрюмый,
И реки лед сковал без шума,

И только в проруби волна,
И на деревьях — седина.

СНЕГОПАД

День настал,
И вдруг стемнело.
Свет зажгли. Глядим в окно:
Снег ложится белый-белый!
Отчего же так темно!

НАША ПОЧТА

Филька

Мой брат Миша поехал в лес за грибами. Он привез полную корзину грибов, а мне в подарок маленького пушистого филина. Мы устроили Фильке в углу, за диваном, жилье, положили кусочек мяса, поставили воду. Но наш новый жилец оказался ужасно злым. Он щелкал клювом, на всех шипел и ничего не хотел есть.

Решил котенок поиграть с Филькой, подпрыгнул и тихонечко ударил его лапкой. Филька растопырил крылья, зашипел и клюнул котенка. С тех пор котишка к нему и близко не подходит.

Я попробовал кормить Фильку из рук, вкладывал ему в клювик мясной фарш, кусочки творога, моченного в молоке хлеба. И Филька начал понемножку привыкать ко мне.

Когда мы переехали на дачу, стали выпускать Фильку погулять. Каждое утро я сажал его в кусты, а вечером вносил в дом. И вот как-то я заигрался и забыл про него.

Филька щелкает клювом и шипит, когда видит щетку: он старается ее напугать. Наверно, ему кажется, что это какой-то очень опасный зверь, еще хуже, чем кошка.

А фотоаппарата Филька не боится. Спокойно сидит на руке хозяина и смотрит в объектив.

Вечером кинулся к кустам, а Фильки нет. Мы пошли его искать с фонарем, раздвигали кусты, обшарили весь двор. Я чуть не плакал. Вернулись домой, а Филька, как ни в чем не бывало, сидит на своем месте. С тех пор он стал возвращаться домой сам.

У Фильки уже выросли большие крылья, и он научился хорошо летать. Вдруг он заболел: стал скучным, совсем перестал есть, у него обвисло крыло. Врач прописал Фильке рыбий жир, свежую печенку, и наш любимец быстро поправился.

Больше всего Филька боится щетки, которой метут пол. Как-то взлетел он на подоконник на третий этаж, и мы никак не могли его оттуда достать. Но только показали ему с крыши щетку, он испугался и слетел. Один раз я пришел из школы, а мне говорят, что Филька сел на самую верхушку дерева и никак не хочет оттуда слетать. Я стал его звать: «Филенька, Филя, иди ко мне». Он услыхал мой голос и слетел. Филька хорошо меня знает: как услышит мой голос, так летит и садится мне на плечо. Войду я в комнату, он тянется ко мне, пищит, схватит меня лапкой за палец и не отпускает от себя. Очень он любит, когда я с ним разговариваю.

Саша Веселов,
ученик 3-го класса «А» школы № 468, г. Москва.

А как у вас?

Раньше у нас в отряде была ужасная скука. А теперь все пошло по-другому. Началось это так. Мы пригласили на сбор коммуниста — участника Отечественной войны. Наш гость рассказал о боях с фашистами в Брянских лесах, о бесстрашных подвигах партизан. И мы решили, что летом обязательно отправимся в большой поход по местам этих боев.

Ну, а пока до лета далеко, стали тренироваться на лыжах. Видим, что дело у нас идет неплохо, решили вызвать на соревнование по лыжам 5-й класс «Б». Скоро соревнования!

Объявили у нас в школе о сборе металлолома, наши ребята говорят: «Стыдно будет, если окажемся на последнем месте». Вышли мы всем отрядом и сразу собрали шестьсот восемьдесят килограммов. В «неделю сада» мы тоже все вместе вышли и посадили шестьдесят шесть деревьев.

И что-то изменилось после всего этого у нас в отряде. Дружные у нас стали ребята. И что бы мы ни придумали: и шашечный турнир, и выставку полезных самоделок, и сбор «Книга — наш любимый друг»,— все нам интересно. А как идут дела у вас в отряде, ребята! Напишите нам, пожалуйста.

Совет отряда 5-го класса «А»
Сещинской средней школы.
Брянская область, Дубровский район.

Дождь

Небосклон, накрытый тучей,
И тяжел и невысок.
Все окошки дождь летучий
Исчертил наискосок.
Переливы молний рыжих
Заливают мокрый сад.

Гром катается по крыше,
Даже стекла дребезжат.
А далеко, как оконце,
Голубой кусочек дня.
Скоро солнце, скоро солнце
Заблестит и у меня.

Ночь

Ночь на цыпочки привстала,
Развернула над землей
Голубое одеяло
В целый мир величиной.

*** * ***

В полдень капали капели,
Город солнышком сиял,
Комсомольцы шли и пели
По дороге на вокзал.

Ночь идет вдоль синих окон,
Город инеем оброс,
А за городом далеко
Мчит к Сибири паровоз.

*** * ***

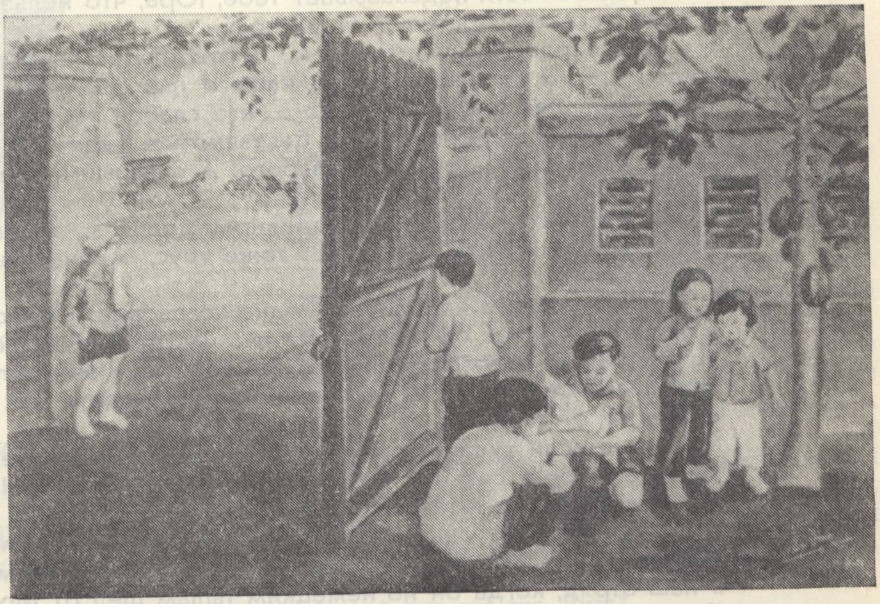
Комсомольцы спят в вагонах,
Спят деревни на пути,
Опустели и перроны...
Спит весь мир. Усни и ты.

Спят учебники, тетради.
Спи и ты. Расти большой
Выше папы, выше дяди
Поднимайся головой.

*** * ***

Ведь земли целинной много:
Позовет тебя страна.
Сильным будь, чтобы дорога
Не была тебе страшна.

А. Заурих, ученик 8-го класса,
школа № 46, г. Москва.

Этот рисунок прислали нам вьетнамские ребята. Он изображает не игру, не забаву. Нет, это дети Вьетнама требуют для своей страны мира и единства под знаменем Демократической Республики. Сейчас они выпустят голубя, привязав к нему красный флажок.

Письмо из Италии

Дорогие друзья московские пионеры!

Вы хотите знать, как я живу и учусь. Постараюсь рассказать об этом, хотя вам, наверное, трудно будет даже представить, в какой нищете живут крестьяне во многих деревнях Южной Италии.

Немного о нашей семье. Мы испольщики в горной зоне. Это значит, что у нас нет своей земли. Мы арендуем землю у помещика и за это должны каждый день работать восемь часов на себя и восемь на помещика. У нас нет машин, и мы все делаем вручную — мотыгой и плугом. У нас никогда не бывает ни отпуска, ни каникул.

Когда мне было пять лет, я пасла ягнят, а потом подросла и стала работать еще больше. Я и мои сестры обрабатываем мотыгой посевы бобов, пшеницы, чечевицы, собираем желуди. Мои братья с пяти лет ходят босиком по снегу зимой и по колючкам летом. Сейчас все они больны ревматизмом и плевритом.

Вы спрашиваете, как мы учимся. Если бы мы все семеро могли окончить хотя бы пять классов начальной школы, то были бы счастливы. А ведь среди моих братьев есть такие, которые совсем никогда не ходили в школу, потому что должны были работать. Две мои сестренки и один брат окончили с большим трудом и страданиями пять классов сельской школы.

Мне сейчас двенадцать лет, но я уже имею опыт в работе и закалку, несмотря на то, что у меня мало сил.

Крепко целую всех вас, мои дорогие друзья.

Верная вам *Лидия Виргаллита,*
провинция Матора, Италия.

Как быть?

В нашем дворе мальчики ловят птиц и отдают их кошкам. Избивают маленьких ребят, а когда им говоришь, они делают еще хуже. Как быть?

Юра Иванов, ученик 3-го класса «А»,
средняя школа № 1, г. Козьмодемьянск, МАССР

Лежачего не бьют!

Чувство чести подсказывает тебе, Юра, что нельзя смотреть равнодушно на такие поступки. И ты прав.

Ты не раз слышал, наверно, поговорку: «Лежачего не бьют». Как виден в этих словах характер нашего народа, сильного и великодушного! Бить лежачего — бить того, кто слабее тебя, того, кто не может сопротивляться, малыша или беззащитное зверье,— это удовольствие труса. Только трус обижает слабого. А сильный не видит чести в такой «победе».

И тот, кто смотрит на «подвиги» драчуна, раздающего тумаки и подзатыльники малышам, — тот тоже трус, молчаливый сообщник чужой жестокости.

Есть у нашего народа еще одна поговорка: «Молодец против овец, а против молодца сам овца!». Очень часто обидчик ведет себя уверенно и обижает слабых только до тех пор, пока он чувствует себя безнаказанным. Действуйте мужественно, и вы увидите, как такой «молодец» струсит и отступит.

Ну, а если хулиган окажется и впрямь парнем неробкого десятка? Да еще старше, сильнее тебя и твоих друзей?

Я думаю, что и такого можно проучить...

Помню, были у нас в партизанском отряде три мальчика, три разведчика: Коля Касаткин, Алеша Цехон и Володя Заремба. Они вступили в наш отряд, когда он по немецким тылам шел от Москвы на Украину. До конца войны мальчики участвовали с нами в боевых действиях.

Это были худенькие, малорослые мальчуганы, а каким уважением пользовались они в партизанском отряде!

И вот я попробовал представить себе, что бы сделали эти ребята, будь они на твоем месте, Юра. Ручаюсь, они не стали бы молча глядеть на безобразия. Пусть они даже были бы слабее хулиганов. Пусть бы ходили избитые, все в синяках, они бы не отступили!

Неужели не найдется у вас во дворе хороших ребят? Держитесь всегда вместе, сообща, и никакой хулиган не будет вам страшен.

Ну, а уж если вам самим справиться будет не под силу, всегда найдется взрослый человек, который поможет вам, найдет на хулиганов управу.

Желаю вам успеха, друзья.

Думаю, что малышей больше не будут обижать в вашем дворе, а все окрестные котята и воробушки заживут спокойно и счастливо.

Виктор Карасев,
Герой Советского Союза, бывший командир
партизанского соединения, почетный пионер

Вот оно, знамя Барселоны... На знамени по-испански написано: «Русским пионерам от каталонских братьев».

Знамя Барселоны

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — ВОСПОМИНАНИЯ

— Алло! Алло! Зина Аверина! Сбор отряда в девятнадцать ноль-ноль. Пароль «Знамя Барселоны». Сообщи следующему.

Та, к кому были обращены эти слова, вешает трубку, поспешно одевается и выходит на улицу. Теперь она связная. Связная заворачивает в Плетешковский переулок, попросту Плетешки. В Плетешках живет Зоя Баталова — следующее звено отрядной «цепочки».

Связная идет по двору, покрытому мягким снегом. У двери она вдруг останавливается и с минуту в задумчивости смотрит назад. Двор такой же, как в детстве, и только следы, которые отпечатались за ней на снегу,— большие следы взрослого человека...

В передней звонкий детский голосок:

— Здравствуйте, тетя! Мама!.. К тебе пришли!

И вот уже связная и девочкина мама крепко целуются, и каждая уверяет другую, что она ничуть не изменилась.

— Значит, сегодня у Мити, в Доме пионеров?.. Отлично. Я сейчас же скажу Лиле Борзовой.

...В семь часов в кабинете директора Дома пионеров Дмитрия Григорьевича Гриля собирается шумное общество. Налицо почти весь отряд: председатель совета отряда Валя Кузнецова и знаменосцы — Лиля и Зоя... Коля и Володя — барабанщики, Валя — врач, Рома — фотограф отряда... Конечно, ко всему этому надо прибавлять слово «бывший».

Теперь у них всех совсем другие профессии. Одна Валя Макарова, как называлась в отряде, так и теперь — врач. Но и она, разумеется, тоже стала взрослым человеком и настоящим врачом... Ведь целых двадцать лет прошло с тех пор, как все они, пионеры отряда № 326, выстраивались по команде своего вожатого Мити Гриля... Двадцать лет! И все же старые друзья время от времени встречаются вот так, как сегодня.

— Почему-то Валерия нет,— говорит Дмитрий Григорьевич, обводя глазами собравшихся.— А так, кажется, все... Кроме тех, кто уехал из Москвы и тех, кто... никогда больше не приедет. В общем, можно начинать.

— А повестка дня, Митя?

— Повестка?.. Просто: встреча и воспоминания друзей. Ну и...

Он не успевает докончить. На пороге появляется белокурый человек и проделывает руками какие-то знаки.

— Молодец, Валерий! Не забыл азбуки семафора,— одобрительно говорит бывший вожатый. И добавляет, расшифровывая знаки: — Знамя Барселоны!

СТРАНИЧКА ПРОШЛОГО

Середина тридцатых годов. Здание гостиницы «Москва» кажется непривычно громадным, а в Бауманском районе и вовсе нет многоэтажных домов. Тем более в Гороховском, где находится школа № 325. Здесь, в переулке, за оградами, прячутся невысокие домики, трамваев почти не слыхать, и прохожему может показаться, что он попал в уголок старой исторической Москвы.

Но это — обманчивое впечатление. Стоит зайти хотя бы в ту же школу № 325, и сразу же почувствуешь свежий, бодрящий ветер времени. Школа

Зоя Баталова, Ася Голгофская, Лиля Борзова — три неразлучные подружки, «хитрята», как их называли в пионерском лагере.

эта по району и по традиции связана с Курской железной дорогой, и на переменах здесь можно услышать споры о том, кому в паровозном депо дадут красное, а кому и рогожное знамя, фамилию же знаменитого машиниста Кривоноса здесь произносят, как имя доброго знакомого.

Что до истории, то здесь можно встретиться и с историей. В школу часто приезжают старые железнодорожники потолковать с молодежью о прошлом. Вот и сегодня ребята обступили седенького человека, он рассказывает им и про то, как в 1905 году они, железнодорожники, остановили поезда, и про похороны большевика Баумана, именем которого назван район...

Шестиклассник Валерка Соколов смотрит на рассказчика, широко раскрыв глаза. Старый рабочий ничуть не похож на артиста Чиркова, но Валерию почему-то вспоминается Максим из кинокартины, которую он видел недавно.

— Трудной была наша борьба, ребятки,— заканчивает рассказчик своим глуховатым голосом.— Но на нас с надеждой смотрели рабочие всего мира. Французские товарищи прислали нам свой привет... Мы понимали, что служим делу мирового пролетариата...

...Ребята выходят на улицу. На перекрестках толпится народ, люди слушают радио, и Валерий со своим другом и однофамильцем Вовкой Соколовым тоже бросаются к рупору.

— Долетели? — кричат они еще на бегу.— Верно, долетели?

Люди, только что прослушавшие последние известия, радостно кивают головами. Советская авиация только что поставила новый рекорд: три летчика перелетели через Ледовитый океан!

Летчик! При звуке этого легкого, блестящего слова глаза у мальчишек загораются мечтательным огоньком. Сравниться с летчиком может только пограничник. Валерий с Вовкой еще не решили, кем они все-таки станут — летчиками или пограничниками. Хорошо бы и тем и другим. Еще хотелось бы стать снайпером. А Лева Давыдов, тот твердо надумал стать танкистом. Это тоже интересно. Все заманчиво и интересно, везде интересно, и только в одном месте однообразие и скука — у них в отряде.

С отрядом им решительно не повезло. «Дикие» — эта кличка прочно пристала к ним, отчасти потому, что в отряде нет вожатого, ну, а больше-то по другим причинам... Говорят, что в отряде № 326 собрались самые озорные, самые расхлябанные ребята. Они и на сбор-то вовремя прийти не могут. А чего спешить, если все равно ничего интересного тебя на сборе не ждет?..

БЕЗ ПЯТИ ПЯТЬ

Однако на этот раз ребят на сборе встретила неожиданность.

— Слыхали, нам дают вожатого? — с порога объявила Валя, председатель совета отряда.— Говорят, из техникума. Он сегодня придет на сбор...

— И очень жаль,— сказал Валерий,— мы с Вовкой как раз надумали в кино пойти... А теперь начнется волынка — пойдет поучать да критику наводить...

Но вожатый повел себя странно. Он только сказал ребятам, что его зовут Митей, и тут же отошел в сторонку. На вид он был не намного старше Валерия или Левы.

Сбор шел своим чередом. Вожатый стоял в стороне и приглядывался.

— Просто он ничего не умеет. И какой он вожатый? Так, мальчишка,— шептались девочки.

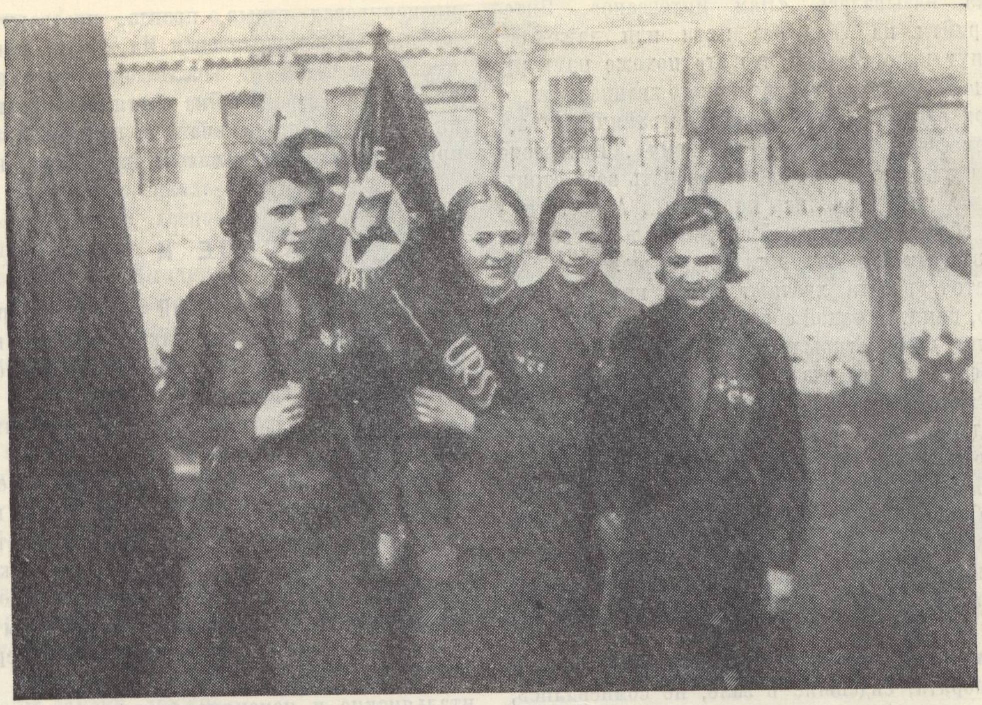
А ребята переглянулись и хором затянули песню. Что это была за песня, теперь уже никто не помнит, но, несомненно, она была не из числа тех, которые рекомендуется петь на сборе. Кажется, в ней что-то говорилось про «глаза зеленые» и «желтые ботиночки»...

— А поете вы плохо! — внезапно сказал вожатый, невозмутимо поглядывая на поющих.— Разве так поют? Это крик, а не пение.

Валерий опешил. Вожатый явно не обратил внимания на «зеленые глаза», его интересовало только исполнение.

— А как же поют? — спросил Валерий.

Митя стал объяснять, как можно петь на два и на три голоса. Потом он достал из портфеля небольшую трубу — «корнет» — и проиграл на ней боевой мотив. Ребята тоже попробовали дуть в трубу, но у них ничего не получилось. Подошли девочки. Все вместе начали петь «Краснофлотскую». Спели раз, другой. . Ничего особенного в тот вечер сказано не было, но почему-то всем не захотелось расходиться, и, хотя время было уже позднее, ребята предлагали еще попеть.

Гордые и счастливые, девочки решили сфотографироваться со знаменем Барселоны.

— Споем на следующем сборе,— сказал Митя.

— А когда сбор?

— В среду. Без пяти пять.

— В пять часов? — переспросила Валя Кузнецова.

— Нет, не в пять и не в пять минут шестого. А без пяти минут пять... Попробуйте-ка прийти без пяти пять. Ни раньше, ни позже.

НАМ ИНТЕРЕСНО

Только много времени спустя Митя признался, с каким волнением шел он на тот, первый сбор. Ведь не так давно он сам был пионером, и вот теперь он вожатый большого отряда, да еще какого отряда — «дикого»!

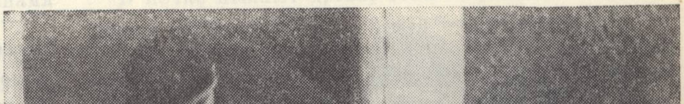
Но «дикие» при ближайшем знакомстве оказались славными ребятами. И Митя подумал, что оживить работу в отряде будет не так уж трудно.

Конечно, все эти пятьдесят человек совершенно разные. Как найти общее дело для Левы Давыдова, положительного человека, твердо наметившего свой жизненный путь, и, скажем, для Валерия, который мечется из стороны в сторону и за все берется с равным азартом и страстью?

Что может одинаково увлечь спокойную и рассудительную Зою Смирнову и хохотушку Зою Баталову, живую, как ртуть, Асю Голгофскую и тихого, молчаливого Лешу Борзова, озорника Женю Меншутина и Нину Егорченко — девочку с неизменными привычками, которая даже дорогу переходит всегда в одном и том же месте?

И все же такое дело можно найти. В конце концов им всем нравятся одни и те же кинокартины, они поют одни и те же песни, и все мечтают о подвигах...

И вот постепенно все в отряде пришло в движение, точно кто-то нажал скрытую пружинку. Эта

Во дворе казармы Нина Егорченко учится стрелять.

пружинка называлась «Нам интересно». Интересно прийти на сбор без пяти или даже без семи минут пять, потому что это похоже на игру. Интересно ждать дома таинственного звонка: «Алло! Алло! Приходи на сбор. Пароль «Пограничник» азбукой семафора. Сообщи следующему». Интересно за пятнадцать минут по цепочке собрать весь отряд, хотя ребята уже разошлись по домам... А всего интересней сборы, где каждый стремится превзойти другого выдумкой и изобретательностью.

Случается, ребята хватают через край... Всем, например, памятен такой сбор...

Внезапно дверь открылась, и человек в военной форме протянул председателю конверт с сургучными печатями.

Председатель разломала печати, прочитала бумагу и закрыла лицо руками.

— Ребята! — сказала она взволнованным голосом.— На нас неожиданно напали враги. Москва под угрозой воздушного нападения. Нам поручена оборона школьных объектов. И надо отвести младших в надежное место...

До сих пор все шло, как задумывал совет отряда. И, несмотря на «волнение» председателя, никто, даже октябрята, сидевшие в зале, не сомневались, что все это «понарошку»...

Завыла сирена. Она кричала так уныло и пронзительно, что многим стало не по себе. Но ребята без промедления приступили к действиям: мальчики, взяв противогазы, пошли во двор, девочки повели октябрят вниз... И вот тут-то случилось непредвиденное: в окне с грохотом взвился столб огня и дыма!

— Не бойтесь! Это же нарочно! — поспешно успокоила маленьких Валя-«врач» и добавила с сердцем:— Это, конечно, Валерка перестарался!

Так оно и было. Валерий со своей пожарной командой вошел в азарт и слишком естественно

Кто идет впереди в соцсоревновании? Это сразу узнаешь, когда посмотришь на график, нарисованный вожатым Митей Грилем и его помощницами.

инсценировал взрыв, правда, предварительно запасшись огнетушителем... На другой день «пожарникам» влетело от вожатого и от учителей. Но участники сбора втайне были довольны: что там ни говори, а они не впали в панику. Значит, если придется, они выдержат и настоящее испытание!

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Всю серьезность событий первым в отряде понял Жора Поль. Он пришел такой взволнованный, что ребята сразу догадались: в мире случилось что-то необычайное и грозное.

— Что они делают, что они, негодяи, делают в Испании! — повторял Жора.

Некоторые уже слышали по радио о событиях в Испании, но и те подбежали к Жоре: он всегда хорошо разъяснял то, что написано в газетах.

И Жора начал рассказывать... Не так давно в Испании победил народный фронт — рабочие, крестьяне,— словом, «красные». Но фашисты хотят задушить испанскую свободу. Их ведет генерал Франко, у них танки и самолеты, ведь им помогают итальянские и немецкие фашисты — Муссолини и Гитлер...

Народ Испании героически защищается, каждый дом превращен в крепость, оружие берут женщины, подростки... Там сейчас идет бой не на жизнь, а на смерть!..

— Черт! — воскликнул Лева Давыдов.

Все поняли его восклицание. Оно означало: «Почему я еще не танкист?!. Я бы немедленно поехал в Испанию и раздавил фашистов своим танком!»

— Неужели мы не поможем испанскому народу?! — сказал Валя Фирсов.

— Конечно, поможем! — подтвердил Жора.— В Испании создаются интернациональные бригады, наши тоже туда поедут...

— Я бы им показала, фашистам! — говорит Ася Голгофская и прищуривает глаз. С тех пор, как она посмотрела в кино «Чапаева», она все время воображает себя Анкой-пулеметчицей.

...С этого дня в отряде только и разговоров, что об испанских событиях. Ребята повесили на видном месте карту Испании и отмечают движение войск красными и черными флажками. Названия Мадрид, Теруэль, Барселона стали для них почти что родными. Когда войска народного фронта терпят неудачи, девочки в отряде ходят с красными глазами.

Ася вырезала из журнала картинку: советский пароход с продуктами подходит к Барселоне, жители приветствуют моряков... Эту картинку повесили рядом с картой и портретом Долорес Ибаррури.

— Мне сегодня снилось, что я в Барселоне,—

рассказывает Ася,— стою с пулеметом на крыше, а надо мной фашистский самолет...

— А знаешь, что они делают?!— перебивает ее Жора.— Они сбрасывают бомбы на школы. Недавно в школьном дворе они убили двенадцать ребят.

Ребята смолкают... Дыхание войны касается их. Дыхание настоящей, грозной войны, в которой гибнут их братья.

В один из этих дней Митя собрал пионеров. Вид у него был значительный.

— У меня интересное сообщение,— сказал он и вынул из кармана «Пионерскую правду».

В газете писали, что пионеры Барселоны прислали в Москву знамя — подарок советским ребятам. Это знамя будет отдано самому дружному, самому дисциплинированному отряду, в котором хорошо ведется оборонная работа.

«Ударка» приехала выбирать место для летнего лагеря. На груди у всех пионеров оборонные значки.

На минуту наступило молчание. Потом с места поднялся Лева Давыдов.

— Вот что, бывшие «дикие»,— сказал он,— я думаю, что знамя непременно должно быть нашим!

ЗНАМЯ БУДЕТ НАШИМ!

Уже давно отошло в область школьных преданий название «дикий» отряд. Говоря об отряде имени Дзержинского, в школе употребляют слово «хороший», а теперь, когда отряд стал бороться за знамя Барселоны,— даже и слово «лучший».

После занятий ребята бегут в соседнюю воинскую часть, там теперь у них друзья. Во дворе казармы Коля Кузнецов, Валерий и другие ребята овладевают снайперским искусством, здесь же Зоя, Нина и Ася собирают и разбирают пулемет. Сюда же приходит Лева Давыдов: по семейным обстоятельствам ему пришлось оставить школу. Но он пошел не на какую-нибудь работу, а стал шофером: это пригодится будущему танкисту.

Ребята выучились стрелять; они маршируют, как заправские бойцы. Не зря они простаивали часами возле Мавзолея, наблюдая смену караула. Но всего этого еще недостаточно. Нужно хорошенько ходить на лыжах, стать крепкими и выносливыми...

...Раннее январское утро. Из поезда на дачную платформу выходит группа мальчиков с лыжами на плечах. Это ударная бригада отряда — «ударка». Она выехала искать помещение для «снежного лагеря», в нем ребята все вместе проведут зимние каникулы.

Средств у них, конечно, в обрез, но деньги потребуются только на продукты. Обслуживать себя ребята будут сами: мыть полы, убирать, пилить дрова, топить печки... Шофер у них свой — Лева Давыдов. Врач тоже свой — Валя. Она сумеет оказать первую помощь при ушибах. А что еще может с ребятами случиться? Они люди здоровые...

Квартира найдена — маленький деревянный домик в Бирюлеве. К вечеру его низенькие комнаты оглашаются болтовней и смехом.

В печке пылают дрова, тени шарахаются по стенам. Ребята пытаются напугать девочек страшными историями. Рассказчиков особенно подхлестывает то, что рядом с домом кладбище... Вдруг в сенях раздаются глухие, тяжелые шаги, и в дверь входит «привидение». Это — самое настоящее привидение: непомерно длинное, белое, к тому же изо рта у призрака вылетает пламя...

Но девочки в отряде не из пугливых.

— Узнали, узнали, Валерка! — кричат они.— Снимай свой балахон!

Простыня падает. Валерий спрыгивает с плеч Володи Соколова и вынимает изо рта горящий уголек.

— Все губы пожег!.. А ведь лихо получилось, а?..

Но Бирюлево — это не только забавы и шутки. Бирюлево — это утренняя зарядка на снегу, бокс, дальние лыжные походы и прыжки с трамплинов. Все это — еще один шаг к знамени Барселоны...

Летом отряд продолжает тренироваться. Все вместе отправляются они в походы, увеличивая да увеличивая расстояния, и вот уже дневной переход в тридцать километров не представляет для них никакой трудности. Они пробираются по болотам и узким тропинкам, ночуют у костра в лесу, они стали похожи на гверильясов — испанских партизан...

Здесь, у костра, они поют «Гимн Риэго» — песню революционной Испании. И в тихом вечернем воздухе Подмосковья звучат мотив и слова, с которыми идет на бой с фашистами испанский народ:

На смерть иль победу
Отечество зовет.
Клянемся народу
Всегда идти вперед!

ОТРЯД МАРШИРУЕТ ПО УЛИЦЕ

Счастливый день наступил. Даже и теперь, спустя двадцать лет, бывшие пионеры отряда не без гордости вспоминают о нем.

Гремят барабаны. По Бульварному кольцу «Б» — его только недавно расширили — маршируют пятьдесят девочек и мальчиков. Все они одеты в «юнгштурмы» — рубашки защитного цвета, на головах у них шапки с кисточками — испанские шапки.

Пионеры идут стройно, по-военному печатая шаг. И у каждого на зеленоватой материи «юнгштурма» ярко выделяются четыре оборонных значка...

Гремят барабаны. Им весело вторят горны. С достоинством держат музыканты свои инструменты. Ведь это же не какая-то там труба или барабан — это горн отряда! Барабан отряда!

Посмотрите на знаменосцев. На лицах у них написано, что нести отрядное знамя — высокая честь.

А впереди всех отрядных знамен плывет одно — небольшое, скромное. Его держит девочка с длинными косами, Лиля Борзова. На красном фоне золотится надпись. «Русским пионерам от каталонских братьев»,— по-испански написано на знамени. Под надписью пылающий пионерский костер.

На смерть иль победу
Отечество зовет.
Клянемся народу
Всегда идти вперед!

гордо поют ребята... Это знамя, знамя революционной Барселоны, сегодня, в день двадцатилетия Советской власти, ЦК ВЛКСМ и редакция «Пионерской правды» вручили отряду имени Дзержинского, их отряду!..

МЕСТО В ЖИЗНИ

На этом, собственно, можно было бы закончить рассказ о том, как пионерский отряд получил знамя Барселоны. Но для ребят отряда повесть только начиналась. Ведь знамя не просто пришло в отряд, оно вошло в жизнь каждого из них.

Это маленькое красное знамя налагало на каждого большие обязательства. Стоя в углу, в пирамидке, оно напоминало, что повсюду в мире у пионеров теперь есть братья. У них — общие враги, и, когда придет час, с врагами надо сражаться «на смерть иль победу».

Когда фашисты в 1941 году двинулись на нашу землю, едва ли не все бывшие пионеры отряда имени Дзержинского взяли в руки оружие. И, кажется, не было рода войск, в котором не воевали бы ребята из этого отряда.

Исполнилась мечта Левы Давыдова — он стал командиром танка. Он был отличным, храбрым командиром, грозой фашистов. И товарищи горько оплакивали его гибель: он пал в бою, до последней минуты прикрывая друзей...

Не вернулся с войны и «политик» Жора Поль. Он был уже в отпуске, когда пришел приказ разминировать один из участков, и Поль — искусный сапер — взялся помочь товарищам, хотя имел право уехать домой. Во время этой операции он погиб. Но всей своей короткой жизнью он оправдал честь держать Барселонское знамя.

Другие ребята отряда воевали с фашистами на земле, в воздухе и на море. Некоторые так и остались в армии, стали кадровыми воинами, и отличными воинами. Евгений Меншутин, бывший пионер Женя, теперь — Герой Советского Союза. И всех удивил Леша Борзов, над мягкостью которого даже подтрунивали в отряде... Алексей Борзов — подполковник авиации, вся грудь увешана орденами...

Отлично сражался под Ленинградом Николай Кузнецов. После тяжелого ранения ему пришлось покинуть армию. Теперь Николай Александрович Кузнецов работает секретарем одного из райкомов партии

Ну, а Валерий, заводила и выдумщик Валерий? Он тоже осуществил свою детскую мечту. Он был снайпером на фронте.

Когда же война закончилась, он был и летчиком и пограничником, но только уже не в жизни, а на сцене: Валерий Соколов — актер театра Советской Армии.

А девочки? Им, правда, не удалось побывать в боях. Не стала пулеметчицей Ася Голгофская, но выдержка, физическая закалка, приобретенные в отряде, очень пригодились ей. Она биолог, ученый, и ей приходится много путешествовать.

Часто вспоминает свой отряд Валя Кузнецова — учительница Валентина Александровна. Она рассказывает о нем своим ученикам и разучивает с ними «Гимн Риэго» и боевую итальянскую песню о красном знамени «Бандьера россо».

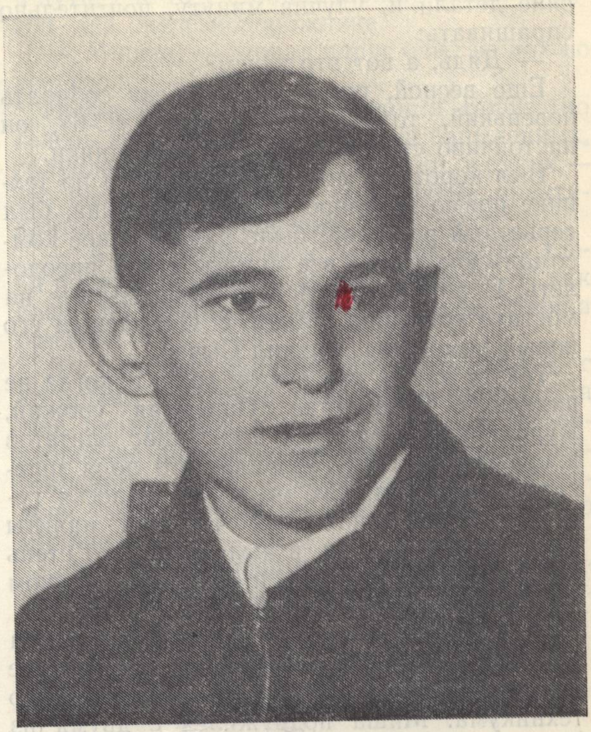
Все бывшие пионеры нашли свое место в жизни. И чем бы они ни занимались, они вносят в свое дело страстность и упорство — жаркие искорки того костра, который был изображен на красном знамени Барселоны.

Ю. Новикова

РАССКАЗЫ О СМЕЛЫХ ЛЮДЯХ

Большое лето

Ирина Стрелкова

Миша Сычев, школьник-комбайнер.

Этот товарный поезд шел так быстро, что даже пассажирские уступали ему дорогу. На его платформах, притянутые тросами, стояли комбайны. Они должны были как можно скорее поспеть на целину, где поля ожидали уборки.

На станции Защита из приемной камеры одного комбайна вылез парнишка в замасленной куртке. Вычесал солому из русого, выгоревшего на солнце чуба и огляделся по сторонам.

«Заяц»,— подозрительно подумал смазчик, пробегавший мимо состава.

Но парнишка вел себя не по-заячьи. Вместо того, чтобы спрятаться, озабоченно потрогал тросы, вытянул из кармана ключ, крутанул на комбайне какую-то гайку и уставился на смазчика сердитыми глазами.

— Долго стоять будем?

Вдали синели горы, и парнишка невольно загляделся на них. Они напомнили ему о доме, о родной Малой Станице. Только там высились цепи Тянь-Шаня, а здесь был Алтай. Да, немалый путь пришлось проделать за эти дни!..

По Бухтарминской ветке состав втягивался в глубь Алтая. Темные, угрюмые горы расступились, и снова блеснула гладь Иртыша. Медленно полз против течения пароход с баржей на буксире. Из-за скалистых берегов вытягивали свои журавлиные шеи портальные краны. Это была стройка Бухтарминской ГЭС, про которую каждый и он тоже, конечно, читал в газетах.

А начиналось лето для него так же, как для всех ребят из школы в колхозе «Луч Востока», Алма-Атинской области. Вместе с другими учениками 8-го «Б» Миша Сычев проходил двухнедельную сельскохозяйственную практику в колхозе.

— Пускай их... попрактикуются,— добродушно сказали в правлении и послали восьмиклассников собирать клубнику.

Ягоды были сочные, сладкие, и пахло от них солнцем. Очень приятная работа! Но Миша Сычев ходил встревоженный. В Алма-Атинской МТС решался вопрос, позволят ему или нет пойти в помощники к комбайнеру Николаю Омелаеву. У Миши не было ни диплома, ни простого свидетельства, в его пользу говорило только огромное желание работать и комсомольский билет, полученный прошлой зимой.

Правда, никто не сомневался в том, что Миша знает комбайн, как свой задачник по алгебре. Миша рос здесь же, в колхозе, у всех на глазах. Был он из тех мальчишек, что готовы часами стоять за спиной у человека, занятого ремонтом машины, подавать гаечные ключи, болты, шайбы, мыть в керо-

сине детали и, улучив минуту, почтительно спрашивать:

— Дядь, а вот это зачем?

Еще весной, помогая Омелаеву собирать новенький, только что с завода «С-6», он настойчиво стал проситься в помощники.

Был короткий, но строгий экзамен по технике прямо во дворе МТС у комбайна, был серьезный разговор, было дано честное комсомольское слово все суметь и все преодолеть. И вот, пожалуйста, познакомьтесь: на мостике комбайна рядом с Омелаевым его новый помощник Михаил Сычев.

Такого хлеба, как в этом году, никогда не видели в Казахстане. Описывая урожай, журналисты исчерпали весь запас эпитетов и сравнений. Они говорили, что поля пшеницы бескрайни, как море; что колосья густы, как дремучий лес; что они налиты золотым зерном. Да, в нынешнее лето степь была и морем, и лесом, и золотым сундуком из старой казахской сказки.

В урочище Жетыген, где убирал хлеба комбайн Омелаева, работали на току вместе с колхозниками студенты железнодорожного техникума. Миша подружился с двумя из них — Иваном и Борисом. Это были крепкие, рослые парни, и все же им приходилось трудно. На соломокопнителе, идущем за комбайном, полова кружится колючей метелью, лезет в нос, в рот, забивается под рубашку. Лицо становится серым от пыли. Порой им даже казалось, что Мише на мостике комбайна куда легче. Но это было не так. Комбайн громыхает, мостик, словно в бурю, бросает из стороны в сторону. И рук нельзя оторвать от штурвала, а штурвал тебе не по росту. Да надо еще непрерывно следить за бегущими навстречу желтыми волнами колосьев, то поднимая, то опуская хедер. Надо поглядывать на цепи, на элеваторы. А тут уже бункер наполнился, к комбайну подходит грузовик, надо аккуратно направить рукав, чтобы прямо в кузов пошло обмолоченное зерно.

Первое время Миша терялся, нервничал, суетился понапрасну. А потом... Знаете ли вы, как замечает человек, что он уже научился работать? На смену беспорядочной суете приходит постепенно четкий ритм, и вдруг оказывается, что все поспеваешь делать, хотя и не спешишь как будто.

Сначала Миша работал вместе с Николаем. А потом их комбайн перешел на круглосуточную уборку. Ночью за штурвалом стоял сам комбайнер. С утра — Миша. Проснувшись, прежде чем умыться, он шел к доске показателей за вчерашний день.

— Сорок три гектара,— с нарочитой небрежностью говорил Миша, поглядывая на доску.— Нормально... Три с половиной нормы.

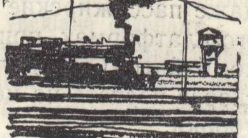
К доске подходили Иван с Борисом и, взглянув на цифры, шагали вместе с Мишей к речке. Здесь не принято было восхищаться успехами. Самого лучшего комбайнера никто не стал бы хвалить в глаза, как хвалят в школе пятерочников.

— Нормально,— скажет бригадир.

И все.

Первые дни жизни в дощатом балагане, где разместились комбайнеры и трактористы, Миша испытывал досаду, что он самый младший.

— Принеси-ка. Сбегай-ка. Ты помоложе,— так говорили именно ему. Но это только в балагане или в столовой. А в поле, за штурвалом, он был равный старшим. Опытный тракторист дядя Митя ждал его сигнала, чтоб завести мотор. Шоферы, франтоватые городские парни, по его команде подводили машины к комбайну. А взрослые парни, студенты Иван и Борис, смотрели на него со своего соломокопнителя снизу вверх.

И главное — хлеб. Он не только ел его, не только зарабатывал. Он добывал его для миллионов других людей.

В августе уборка закончилась. Поля были ровно подстрижены, как макушки первоклассников к началу учебного года. В МТС решено было лучших комбайнеров послать вместе с машинами в северную часть Казахстана для уборки хлеба на целине.

Комбайн уже стоял на железнодорожной платформе, когда Миша забежал домой собрать вещи. По дороге на улице встретились одноклассники. Они только что вернулись из похода в Пржевальск и с важным видом толковали о горных тропах, о красотах озера Иссык-Куль. В другое время Миша, конечно, позавидовал бы, но теперь перед ним лежал куда более увлекательный путь. Он только помахал ребятам рукой, даже не сказав второпях, куда и зачем спешит.

И вот он на целине, на Алтае.

Пока трактор буксировал комбайн со станции в село Поперечéнку, Николай и Ми-

ша, сидя на мостике, с тревогой глядели на раскисшую дорогу.

На склонах желтели поля пшеницы, но почему-то хлебные волны не бежали, подгоняемые ветром, а легли мертвыми, застывшими рядами. Миша подтолкнул локтем Николая.

— Неужели полегла?

— Дожди,— сказал Николай.— Потому и хлеба полегли.

Пшеница здесь не только полегла. На нее накинулись сорняки: связали, запутали, переплели. Комбайн двигался медленно, о ночной работе нечего было и думать. И тут еще Миша стал замечать, что Николаю худо. В прошлом году комбайнеру делали операцию аппендицита, и теперь, как говорил он, болезненно морщась, «снова начинается какая-то ерунда».

Однажды утром Николай не смог встать. Миша один выехал в поле. Председатель колхоза сказал:

— Пропадет хлеб.

Трактористов было двое, и они сменяли друг друга. А Миша бессменно стоял на мостике комбайна. Две недели он работал один. Когда с поля исчезли колхозные ребята, помогавшие старшим в уборке, Миша понял, что в школах уже начались занятия. Значит, и дома, в Малой Станице, ребята сели за парты. Ох, и отстанет он теперь от них! А ведь всегда учился отлично.

С первым снегом, легшим на скошенные поля, возвращались домой комбайнеры. Миша с больным Николаем ехал на этот раз пассажирским. И хорошая встреча случилась в пути. Где-то у станции Локоть вошли в вагон два железнодорожника.

— Мишка! — заорал вдруг один из них во все горло.

Перед Мишей стояли Иван и Борис, но теперь не в очках-консервах на запыленных, облупленных лицах и не с вилами в руках,— это были щеголеватые, подтянутые практиканты службы движения.

— А я-то удивляюсь, чего так много хлеба по дороге везут, — сказал Борис. — И как сразу не догадался, что здесь наш Мишка орудует!

До чего же приятно встретить людей, с которыми сдружила тебя общая работа! Да еще не простая, а миллиардная. В те октябрьские дни люди как раз услышали долгожданную весть: страна засыпала последние тысячи пудов в счет казахстанского миллиарда.

...Вот Миша снова идет знакомыми улицами Малой Станицы. В кармане у него справка. Написана она шершавым, казенным языком, каким пишут даже самые хорошие, даже очень уважающие тебя люди, если составляют официальную бумагу: «Дана Сычеву М. К. в том, что он своевременно не мог явиться на занятия в школу, так как по 22 октября работал в Алма-Атинской МТС в должности помощника комбайнера. Просим Сычева М. К. допустить к занятиям».

Справку эту Миша отдал школьному секретарю и пошел в свой класс, теперь уже 9-й «Б».

Алма-Ата.

Как стать внимательным

Дорогая редакция!

Я часто делаю ошибки из-за рассеянности. Посоветуйте, как избавиться от своей невнимательности.

Катя Остапенко, г. Черновцы.

Давай, Катя, наш разговор о внимании начнем с самого простого примера. Представь себе, что я читаю книгу. Все мое внимание сосредоточено на содержании этой книги. Я отчетливо и ясно сознаю все, о чем в ней рассказывается.

Неподалеку от меня довольно громко разговаривает мама с моей сестренкой, но я, увлекшись чтением, слышу их беседу лишь «краем уха», смутно и отрывочно улавливая, о чем идет речь.

Вдруг кто-то из них произносит мое имя... Интересно, что это они говорят обо мне? Теперь я уже не упускаю ничего из их разговора. При этом я продолжаю читать. Мои глаза по-прежнему пробегают строчку за строчкой, но я почти ничего не воспринимаю из прочитанного.

Что же произошло со мной? Мое внимание переключилось с книги на разговор.

Этот пример показывает очень важную особенность нашего сознания. Оно всегда направлено на что-нибудь одно: или на чтение, или на разговор, или на объяснения учителя.

Ясно и отчетливо воспринимая что-нибудь одно, мы смутно сознаем все остальное, что в это время происходит вокруг нас.

Внимание бывает двух видов. Когда мы читаем приключенческий роман, смотрим интересный кинофильм или слушаем музыку, которая нам нравится, мы можем без всякого усилия сосредоточить свое внимание на этом. Такое внимание называется непроизвольным.

Иное дело, когда нам нужно оторваться от того, что нас увлекает, и заняться делом нужным, но менее интересным, а иногда и просто скучным. Тут уж мы должны приложить усилия, чтобы направить свое внимание на это занятие. Тут уж приходится следить за тем, чтобы не отвлечься. Такое внимание называется произвольным.

Устойчивое произвольное внимание можно воспитать у себя. Для этого надо научиться сосредоточивать свое внимание в любое время на любом нужном занятии, не давая себе никаких поблажек, не отвлекаясь ничем посторонним.

Для воспитания произвольного внимания полезно приучать себя к работе в неблагоприятных условиях. Это не значит, что надо стремиться всегда работать в неподходящей для занятий обстановке. Наоборот, надо стараться, чтобы во время занятий ничто не отвлекало твоего внимания. Однако, когда условия для работы оказываются неблагоприятными, а устранить их мы не можем, нужно вопреки всему, что отвлекает внимание, заставить себя сосредоточиться на работе, выполнить ее так же хорошо и быстро, как если бы этому ничто не мешало. И надо спокойно, без раздражения относиться к тем помехам, устранить которые не в наших силах. Раздражение по поводу того, что мешает работе, отвлекает гораздо сильнее, нежели сами помехи.

Никогда не следует работать невнимательно. От этого внимание делается все более неустойчивым и рассеянным.

Чтобы не привыкать работать невнимательно, не следует браться за работу, когда ты утомлен или не выспался. В таком состоянии человек неизбежно становится невнимательным, не может ни на чем сосредоточиться. Поэтому очень важно соблюдать правильный режим дня, чередуя занятия с отдыхом. При правильном режиме дня школьник привыкает всегда заниматься в одно и то же время, и ему уже не приходится заставлять себя в начале занятий: его внимание по привычке легко переключается на работу и сосредоточивается на ней.

Очень важно, чтобы во время работы все необходимое было у тебя под рукой, чтобы не приходилось отвлекаться на поиски тетрадки или учебника. Привычная, всегда одинаковая обстановка работы тоже помогает быстро и легко сосредоточиться.

Если ты, Катя, будешь соблюдать эти условия, ты постепенно воспитаешь у себя произвольное внимание.

М. Крутик

Кошка-мурлыка

Здравствуйте, дорогая редакция «Пионера»!

Я хочу знать, какие есть у кошки приспособления для мурлыканья и как они действуют, когда она мурлычет.

Александр Цыбулаев.
с. Садовое, Крымская область.

У кошки для мурлыканья то же приспособление, что и для мяуканья. Это ее голосовые связки, которые находятся в гортани, в дыхательном горле. Когда кошка при дыхании втягивает воздух в грудную клетку, эти связки дрожат, как струны, и получается звук. Голосовые связки устроены так, что ими управ-

ляют кошкины нервы, идущие от ее мозга. Поэтому она может по желанию то мяукать, то мурлыкать, то совсем молчать. Точно так же и мы своими голосовыми связками можем издавать различные звуки, когда захотим. Только у нас голосовые связки устроены более усовершенствованно, и звуки, которые мы с их помощью издаем, куда разнообразнее, чем те, которые может издавать кошка.

Вопрос, как и чем мурлычет кошка, интересует многих ребят. Наверное, это потому, что, когда кошка мурлычет и к ней приложить руку, кажется, что мурлыканье идет отовсюду: то из живота, то из груди. На самом деле оно идет из горла, от голосовых связок, но звук передается не только снаружи, через воздух, а и через тело кошки. Наше тело гораздо крупнее, чем у кошки. И все же, скажи протяжно «а-а-а» и приложи в это время руку к ребрам, под рукой ты почувствуешь звук, только не так отчетливо, как чувствуешь кошачье мурлыканье.

Е. Владимирова

Что произошло с термометром

Здравствуй, дорогая редакция «Пионера»!

Мы разбили термометр и стали металлической пластинкой термометра собирать ртуть. И вдруг шкала стала быстро превращаться в хлопья белого цвета.

Просим ответить нам, отчего это произошло и из какого металла делается пластинка термометра.

Анатолий Шамшурин, Михаил Кустов.
г. Москва.

Ртуть обладает способностью растворять металлы, образуя с ними так называемые амальгамы. Очень легко растворяются ртутью золото, серебро, медь, алюминий.

Пластинки со шкалой в термометре обычно делаются из алюминия. Когда вы собирали этой пластинкой ртуть, она очень быстро растворила алюминий.

Многие металлы соединяются с кислородом воздуха, иначе говоря, подвергаются коррозии: железо покрывается ржавчиной, медь зеленеет, а алюминий покрывается окисью алюминия — тончайшей пленкой, и эта пленка защищает его от дальнейшей коррозии. Поэтому алюминиевая посуда и другие изделия из алюминия не блестят, они всегда матовые. Если соскоблить коррозийную пленку, алюминий заблестит, но вскоре снова станет матовым, то есть под действием кислорода воздуха снова покроется коррозийной пленкой. Когда же алюминий соприкасается с ртутью, то ртуть уничтожает эту пленку. Ваша алюминиевая пластинка, образуя с ртутью амальгаму, подверглась быстрой коррозии и превратилась в белые хлопья, так называемый гидрат окиси алюминия.

Имейте в виду, что пары ртути очень ядовиты. Капельки ртути медленно испаряются, отравляя воздух. Поэтому, если вам еще раз случится разбить термометр, ни в коем случае не играйте с красивыми ртутными шариками. Тщательно, изо всех щелей, соберите все, даже самые мелкие, и выбросьте. Если есть пылесос, пустите и его в ход, он соберет даже те капельки, которые незаметны глазу.

К. Кочетков

На Луне

Дорогая редакция!

Недавно я прочитал книгу. В ней говорится о полете на Луну. Оказывается, на Луне все весит в шесть раз меньше, чем на Земле. Но смогу ли я поднять на Луне груз, который на Земле весил девяносто килограммов, если я сам вешу тридцать шесть килограммов? На Земле я, конечно, не смогу поднять его, но на Луне он ведь будет весить не девяносто, а пятнадцать килограммов. С другой стороны, я буду весить там всего шесть килограммов.

Прошу прислать мне ответ.

Дмитрий Ломаев.
г. Люблино, Московская область.

Давай-ка, Митя, совершим в мыслях путешествие на Луну. Вот на склоне лунного кратера лежит здоровенный камень, который на Земле весил бы девяносто килограммов. Здесь, на Луне, его вес в шесть раз меньше, потому что у Луны более слабое притяжение. И твой вес по тем же причинам меньше. Ты весишь уже не тридцать шесть, а всего шесть килограммов. Сможешь ли ты поднять камень?

Это зависит не только от того, сколько весит камень, или, иначе говоря, от силы тяжести на планете, но и от мускульной силы человека. Ведь и на Земле один может поднять девяносто килограммов, а другой не может, в зависимости от силы своих мускулов. Но твоя мускульная сила и на Луне останется без изменения, хотя твой вес изменится. Попав на Луну, ты не только смог бы поднять тяжелый камень, но и делать огромные прыжки в длину и в высоту, потому что вес твоего тела уменьшился бы, а мускульная сила осталась бы прежней. От толчка, который делают мускулы ног, твое тело, ставшее совсем легким, взлетало бы, как мячик.

Е. Рубцова

СПОРТ

На снежных дорогах

А. Дорохов

Писатель А. Дорохов закончил книгу для ребят «На старт». Небольшие отрывки из нее мы уже печатали в разделе «Разные разности». В этом номере мы даем еще несколько главок из этой книги.

ДОЩЕЧКИ-СНЕГОХОДЫ

В вагоне было тесно и шумно. Кто весело перекликался с друзьями, кто со смехом вспоминал приключения последнего похода, кто подшучивал над новичком, тонувшим в валенках непомерной величины. И повсюду на полках и в проходах лежали и стояли лыжи всех сортов и размеров. Потому что было раннее утро выходного дня, а поезд шел в Опалиху—излюбленное место лыжных вылазок москвичей.

Сидевшая у окна старуха-молочница долго молчала, неодобрительно поглядывая на расшумевшуюся молодежь. И лишь сходя на маленькой, затерявшейся среди заснеженных холмов станции, насмешливо заметила, ни к кому не обращаясь:

— Вот уж чего не понимаю, так не понимаю! Нет того, чтобы в праздник полежать, отдохнуть. А они привяжут к ногам доски, да и таскают их до вечера по лесу!

Тот, кто не бывал в хороший зимний день в лесу, и не представляет себе, что это за удовольствие!

Где-то далеко остался город с его низким, задымленным небом. Выскакиваешь из вагона, и сразу хочется дышать всей грудью: таким свежим, вкусным, необыкновенно чистым кажется воздух.

В городе небо было хмурым, а здесь в его голубом просторе ни облачка. Солнце светит ослепительно ярко, снег так сверкает и переливается миллионами искр, что с непривычки даже больно глазам.

Скорее, скорее в путь!

Проложенная кем-то узкая лыжня ведет к опушке. Еще несколько шагов — и ты в лесу.

Какая необычайная здесь тишина! Слышно, как хрустнет где-то неподалеку ветка, задетая птицей, и тихо упадут вниз белые, как вата, снежные хлопья. Маленькие елки совсем укрылись в снегу, и только зеленые острые кончики ветвей торчат на виду. На широких лапах сосен лежат плотные снеговые шапки; под их тяжестью деревья стоят, не шелохнувшись, словно сказочные красавицы.

Долго пробираешься по лесным заснеженным тропинкам, а потом выберешься на открытое место, оглянешься вокруг — и дух захватит от простора.

В ГОРУ И С ГОРЫ

Если склон не очень крут, на него можно взобраться обычным шагом. Наклоняйся сильнее вперед и не скользи, а переступай, притопывая на каждом шагу, чтобы лыжи не побежали назад. Там, где склон делается круче, подымайся не прямо кверху, а наискосок, забирая постепенно все выше и выше.

На крутые горы хорошо взбираться «елочкой», ставя лыжи под углом одну к другой и опираясь на внутреннее ребро лыжи.

На самые крутые склоны и насыпи взбираются «лесенкой». Для этого надо встать боком к склону, поднять и поставить немного

Во все стороны, куда достигает взгляд, расстилаются белые сверкающие поля, стоят темные громады лесов, под деревьями лежат глубокие синие тени.

Славно зимой в лесу! Но без лыж, которые так насмешливо назвала досками старуха-молочница, здесь не сделаешь и шагу. Повсюду лежит пушистый, рыхлый снег, иной раз в полтора—два метра глубиной. Стоит сойти с дороги, как сразу провалишься по пояс и завязнешь. А с этими чудесными дощечками не страшен любой снег.

Недаром в сенях каждого крестьянского дома в Мурманской, Петрозаводской или Архангельской области всегда увидишь несколько пар лыж. Жители тамошних деревень зимой без лыж и из дому не выходят.

В северных районах нашей страны зимой выпадает столько снега, что заносит все тропинки. А тому, кто на лыжах, тропинок не нужно. Снег для него — лучшая дорога.

Поэтому на севере все, от маленьких ребят до стариков, ходят на лыжах. Школьники бегут на лыжах в школу, а старая бабушка скользит на лыжах к соседке за солью. Нужны лыжи лесорубу, не обойдется без них и охотник.

ВЫСОТА — ПЯТЬ ТЫСЯЧ МЕТРОВ

Ранним сентябрьским утром 1933 года на вершину Эльбруса — самую высокую вершину Кавказского хребта — взошли несколько альпинистов.

Больше пяти с половиной тысяч метров отделяло альпинистов от уровня моря.

Один из них поглядел на часы.

— Пора!

Юноша в лыжном костюме надвинул на лоб откинутый капюшон, опустил на глаза большие дымчатые очки-консервы. Затем он подтянул потуже кушак и проверил двойные металлические пружины креплений, туго охватывавших ступни. Лыжи держались плотно. Легкие бамбуковые палки висели на кистях рук на крепких тонких ремешках.

Юноша подошел к краю снегового купола. Внизу, далеко-далеко вокруг, раскинулся хаос изломанных каменистых кряжей, перерезанных сверкающими на солнце снежными полями и блестящими полосками ледников.

Дальше крутой спуск резко обрывался. Что за ним скрывается, сверху видно не было.

Юноша вздохнул и взялся за рукоятки палок.

— Ну, что ж, засекайте время...

Щелкнули пружинки секундомеров. Юноша слегка присел, нагнулся вперед и легко скользнул вниз по заснеженному склону.

Он быстро несся по плотному, слежавшемуся снегу, с каждой секундой набирая скорость. Холодный воздух вершин обжигал лицо, перехватывал дыхание. Напряженно вглядываясь вперед, лыжник крутился между камней и расщелин, поминутно меняя направление и резко поворачивая из стороны в сторону. Подбитые сталью ребра его лыж с визгом врезались в обледенелый наст — твердую снежную корку.

От напряжения немели ноги. Бездонные трещины появлялись на пути так неожиданно, что поворачивать приходилось чуть не под прямым углом. На обледенелых камнях лыжи расползались в стороны, и нужно было все умение, чтобы удержаться на ногах. А скорость все нарастала...

Как выброшенный из жерла орудия снаряд, лыжник стремительно вылетел в седловину между двумя вершинами Эльбруса. Теперь перед ним расстилался широкий и ровный, покрытый снегом склон.

Где-то далеко внизу был «Приют одиннадцати» —

выше одну лыжу, опереться на нее и приставить к ней вторую. Затем снова переставить одну лыжу и подтянуть вторую. И так, пока не поднимешься.

На ровном месте, на медленном ходу или на очень пологом склоне можно поворачивать «веером», перенося тяжесть тела на одну лыжу, а другую переставлять под углом.

Для разучивания поворотов на быстром ходу выбирай не очень высокую и не слишком крутую горку. Сперва поучись спускаться по прямой и тормозить.

Спускаясь с горы, расставь лыжи примерно на ширину ступни, наклонись вперед и согни немного колени. Ты будешь ехать, чуть покачиваясь на ногах, как на рессорах. Палки держи обязательно сзади, чтобы, падая, нечаянно на них не натолкнуться. Чем ниже ты присядешь, тем быстрее будет ход.

Тормозить легче всего «плугом». Для этого надо на ходу сдвинуть носки лыж вместе, а задние концы развести в стороны. Сначала это у тебя не получится и ты не раз упадешь. Но если будешь настойчив, то к концу дня «плуг» освоишь.

КАКИЕ БЫВАЮТ ЛЫЖИ

Лыжи бывают разные.

На длинных, узких лыжах, которые называются равнинными или беговыми, можно очень быстро бегать по накатанной лыжне, по твердому насту или по ровной

Бегать на лыжах надо без шубы. Шуба мешает двигаться. Посмотрите на этого горе-лыжника. Вряд ли он далеко уедет в своем костюме.

заброшенная в заоблачные края база альпинистов. Но устремиться к ней напрямик было бы смертельным риском. С этой страшной высоты по гладкому плотному снегу лыжи разогнало бы так, что никакая сила не остановила бы лыжника внизу.

Искусно маневрируя, описывая широкие дуги, делая поворот за поворотом, юноша мчался вниз, объезжая обломки скал, огибая горные расщелины, пролетая по воздуху над узкими трещинами во льду. Еще... еще...

Уже неслась навстречу, стремительно приближаясь, блестящая металлическая крыша «Приюта одиннадцати». Вот уже можно различить фигуры встречающих...

Все! Юноша резко затормозил и остановился, повиснув всем телом на палках...

Вадим Гиппенрейтер, чемпион СССР по горнолыжному спорту, был первым человеком, спустившимся с вершины Эльбруса на лыжах. Его спуск продолжался около тридцати пяти минут. За это время он покрыл расстояние, которое альпинист шел бы около пяти часов.

На следующий год такой же спуск повторила ученица Гиппенрейтера — чемпионка СССР Галина Таежная, а 28 июля 1947 года уже целая группа лыжников во главе с тем же Гиппенрейтером пронеслась по склонам Эльбруса — от вершины до подножия. То, что было подвигом, стало тренировочным занятием.

ПАМЯТНИК НА СТАДИОНЕ

При входе на один из московских стадионов возвышается памятник. На высоком пьедестале стоит совсем юная девушка в партизанском полушубке, с лыжами в руках. Она открыто и смело вглядывается вдаль, готовая выполнить боевой приказ.

Это партизанка-разведчица Люба Кулакова.

Еще школьницей Люба отлично бегала на лыжах. В шестнадцать лет она уже стала чемпионкой Советского Союза. Ей предсказывали славный спортивный путь.

Но над нашей Родиной нависла страшная опасность. Германские фашисты напали на Советский Союз.

Люба пришла на пункт, где записывались добровольцы, и просила зачислить ее в отряд лыжников. Но ее не приняли. Она выглядела совсем девочкой, по силам ли ей суровые фронтовые испытания?

Люба поступила санитаркой в госпиталь. Она ухаживала за ранеными, мыла полы, разносила пищу, а по вечерам усердно занималась. За несколько месяцев она овладела специальностью шофера, получила водительские права, отлично научилась владеть гранатой и автоматом.

Прошло несколько дней, и Люба Кулакова оказалась далеко за линией фронта, в тылу у немцев, в глухих лесах Смоленщины.

Сначала партизаны отнеслись недоверчиво к девушке, такой маленькой, тихой и не очень сильной на вид. В боевые операции ее не брали и не решались даже посылать в разведку.

Но Люба была спокойна. Она знала: рано или поздно, но ее умение быстро бегать на лыжах пригодится.

И такой день настал. В штабную землянку прибежал запыхавшийся связной: конный патруль фашистов направляется в сторону оврага, где скрыта партизанская застава... Донес какой-нибудь предатель...

Кто предупредит товарищей о грозящей им опасности? Гитлеровцы приехали на хороших, сытых конях и очень торопились. Как обогнать их, не обнаружив себя?

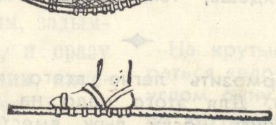
снежной дороге. Но зато в лесу и на горах такие лыжи неудобны. В глубоком, рыхлом снегу они будут проваливаться, в лесу — задевать концами за деревья. На них трудно подыматься в гору и невозможно поворачивать на быстром ходу.

Те, кто любит бродить без дорог по лесу и катаься с гор, выбирают себе горные лыжи. Эти лыжи короче и шире равнинных и сделаны из более прочного и гибкого дерева. Их носы высоко загнуты кверху, чтобы они не зарывались в сугробы.

Бывают еще прыжковые лыжи: очень широкие, очень тяжелые, особенно прочные, с тремя желобами снизу вместо одного. На таких лыжах далеко не уйдешь, на них только прыгают с трамплинов.

В горах Кавказа охотники пользуются самодельными «охотничьими» лыжами. Эти лыжи похожи на большие теннисные ракетки. Овальная рама затянута крест-накрест кожаными ремнями. На таких лыжах быстро бегать нельзя, да в лесу это и не нужно. Но на

них очень удобно бесшумно ступать по самому рыхлому снегу. На таких лыжах охотятся индейцы Северной Америки и канадцы.

Для горных походов на лыжи надевают меховые перчатки. Это «камусы» — длинные футляры, сшитые из покрытых коротким мехом тюленьих шкурок.

«Камусы» шьются ворсом к заднему концу лыжи. Когда идешь вперед, шкурка скользит. Если же лыжа начнет откатываться назад, короткие волосы встают дыбом и тормозят движение.

Есть еще прогулочные туристские лыжи. Эти лыжи немного уже и легче горных, но короче и шире равнинных. Они одинаково годятся и на равнине, и в лесу, и на горах. Учиться лучше всего именно на таких.

Чтобы выбрать пару лыж себе по росту, надо поставить лыжи рядом с собой и поднять руку. Верхний конец лыжи должен оказаться как раз на уровне ладони. Если лыжа длиннее, она велика, если короче — мала.

Люба слышала разговор. Она подошла к командиру и тихо сказала:

— Разрешите мне? Я не подведу.

Командир на минуту задумался. Ведь совсем девочка!.. Но другого выхода не было.

Люба быстро подхватила свои старенькие беговые лыжи, не раз приносившие ей победу на соревнованиях, посмотрела на карту и выбежала из землянки. Через несколько минут ее маленькая фигурка в белом халате скрылась из виду.

Никогда еще Люба не мчалась на лыжах с такой скоростью. Она скользила прямо по целине, стараясь держаться канав и кустарника. Ведь сейчас от ее быстроты зависит жизнь товарищей. Только бы не сломать лыжу!

Всадники еще только сворачивали с большака на лесную дорогу, а Люба уже скатывалась в овраг. Не опоздала!

Думая застичь партизан врасплох, фашисты сами оказались под губительным огнем предупрежденной Любой засады и были истреблены.

С этого дня партизанский штаб стал доверять Любе Кулаковой самые трудные поручения. Много раз она ходила в дальние разведки, участвовала в боях. А в тихие дни учила молодежь искусству быстро бегать на лыжах.

Осколок вражеского снаряда настиг ее в бою. Она лежала мертвой на снегу лицом к врагу. Из-под окровавленной гимнастерки виднелся алый свитер чемпионки СССР.

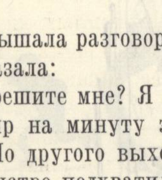
Но, погибнув, Люба оставила себе надежную смену — юношей и девушек, которых она научила мастерски владеть лыжами. И сейчас, приходя на стадион, где прошла ее недолгая спортивная жизнь, и встречая у входа образ отважной комсомолки-партизанки, школьники невольно припоминают слова боевой песни лыжников:

Враг разбит, но если край наш вольный
Будет вновь опасностью взметен,
Встанет снова, твердый и спокойный,
Добровольный лыжный батальон!

КРЕПЛЕНИЯ

Надо внимательно осмотреть и скользящую поверхность. На ней не должно быть никаких сучков или трещин, иначе рискуешь сломать лыжу на первой же кочке. Продольный желоб должен быть совершенно прямым, не то на ходу лыжа будет заворачивать в сторону.

Полужёсткое крепление

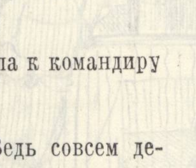
Палки надо выбирать такие, которые были бы не длиннее чем до подмышки. На верхних концах палок должны быть петли для рук, тогда и опираться удобнее и не потеряешь палку на ходу.

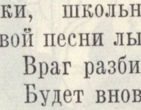
Для ходьбы по ровному месту достаточно широкогоноскового ремня. Такое крепление лыж называется мягким. Чтобы скользить по полю, другого и не надо.

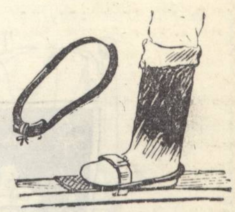
Чтобы уверенно бегать по горам и лесам, лыжи должны подчиняться каждому повороту ступни. Для этого они должны быть плотно закреплены на ногах.

На все это рассчитаны полужесткое и жесткое крепления.

Жесткое крепление „Роте Фелла"

Но если тебе не удастся сразу оборудовать свои лыжи настоящим креплением, не огорчайся. Купи в аптеке кусок резиновой трубки, отрежь два куска сантиметров по тридцати и накрепко свяжи их концы так, чтобы получились два резиновых кольца.

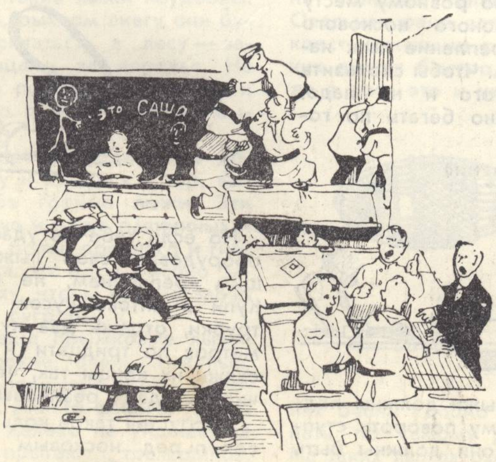
Пропустив такое кольцо под носок перед носковым ремнем и охватив им ботинок или валенок повыше каблука, можно укрепить лыжу на ноге довольно плотно.

ДОМА

Отчего звонки и крики
Сотрясают мирный дом?
Отчего здесь топот дикий,
Визг, мяуканье, содом?..
Оттого, что здесь ребятки
Разрезвились на площадке...

В ШКОЛЕ

Перед вами, перед вами
Не спектакль «Скандал в бедламе».
Перед вами «Б» шестой.
В «Б» шестом урок пустой.

ВО СНЕ И НАЯВУ

1. Вове часто снится сон:
Он великий чемпион.
А на деле у него
Не выходит ничего.

2. Встал Володя на коньки,
Говорит: «Не с той ноги».

3. Прыгать стал через веревку,
Говорит: «Висит неловко».

4. Он решил освоить лыжи.
Лыжи вверх летят, поди же!..

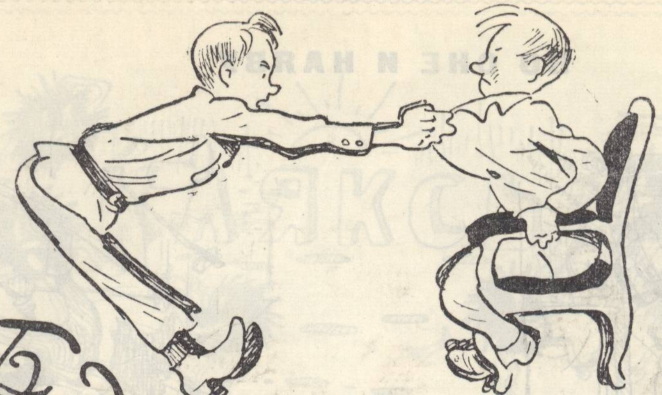

5. Оказалось, мяч футбольный
Бьет с размаху очень больно.

6. Вот итог его побед...
Без труда победы нет.

Карикатуры для этого номера выпуска «Клякс» рисовали
Илья Еленский и Володя Смирнов.

Будьте любезны

Р. Салтанова

На дневном спектакле

Представь себе, что ты сидишь в театре и, затаив дыхание, смотришь на сцену. А на сцене происходят захватывающие события: пираты взяли в плен отважного юношу.

— Отвечай, куда направлялась твоя шхуна! — кричат они.

Пленник молчит.

— Будешь отвечать?

Напряженное молчание. И вдруг юноша что-то говорит. Но что он сказал, ты не слышишь. Потому, что в этот самый интересный момент какой-то шутник подошел сзади и прикрыл тебе ладонями уши. Ну что бы ты сделал с таким человеком? Во всяком случае, не поблагодарил бы его.

А то еще представь себе такой случай. Актеры покорили весь зал своей прекрасной игрой. Зрители взволнованы, у многих на глазах слезы. И вдруг кто-то из зрителей, встав со своего места, подошел к сцене и крикнул:

— Подумаешь, артисты! Вы играете, а мне наплевать.

Ты скажешь, что так не бывает. Правильно, не встретишь таких дикарей. Но нечто похожее на это я видела.

Однажды на дневном спектакле, где было много ребят, сзади меня сидели две девочки. На коленях у одной лежал пакет с печеньем. Девочки, не отрывая глаз от сцены, жевали. Шуршал пакет. Хрустело печенье. Да вдобавок одна девочка время от времени спрашивала у подруги:

— Вкусно, правда?

Девочки вовсе не думали о том, что они мешают всем сидящим поблизости.

Ведь мешая другим слушать, они поступали почти так же, как тот «остряк», что прикрыл уши соседу.

Разве зритель, который, не дождавшись, пока окончится спектакль и опустится занавес, бежит в гардероб,— разве такой зритель не говорит своим поступком, что он нисколько не уважает актеров, не ценит их искусства?

А ведь такое поведение не только обижает актеров. Оно очень мешает им играть, по-настоящему войти в образ. Кому хоть раз приходилось играть на сцене, тот знает, что очень многое зависит от того, насколько внимателен и доброжелателен зал. Когда в зале скрипят стулья, зрители покашливают, перешептываются, внимание актера рассеивается, пропадает уверенность в себе. И спектакль проходит хуже.

В театр всегда идешь в хорошем настроении: радостно посмотреть хороший, умный спектакль, познакомиться с его героями — разными интересными людьми.

Как досадно бывает, когда настроение тебе постепенно портят! То кто-нибудь из ребят в гардеробе оттолкнет тебя и сдаст свое пальто без очереди. То, отыскав свое место, ты обнаружишь, что оно занято. Сидит на нем какой-то паренек. И сел он на это место не то чтобы по ошибке, он почему-то надеялся, что ты не придешь.

Потом во время действия кто-то впереди тебя стал громко шептаться, где-то зазвенел упавший номерок. Кто-то, пробираясь на свое место, заслонил от тебя сцену, пусть на несколько секунд,— все равно неприятно.

И все эти досадные мелочи оставляют нехороший осадок. И ты идешь домой после спектакля в плохом настроении, хотя и пьеса была интересная и актеры играли отлично...

Не случалось ли тебе задуматься над тем, как сам ты вел себя в театре? Не испортил ли и ты кому-нибудь настроение? Всегда ли ты с должным уважением относишься к актерам, играющим на сцене, к зрителям, сидящим в зале?

Ты приходишь в театр

В театр приходи минут за десять—пятнадцать до начала. Не обязательно иметь для театра какой-то специальный, «выходной» костюм. Можно пойти и в школьной форме. Только она должна быть чистой, тщательно выглаженной, со свежим белым воротничком. Девочкам хорошо надеть белый передник. Не нужно никаких кричащих украшений: брошек, бус, колец. Обувь должна быть хорошо вычищена.

◆

Проходи по ряду на свое место лицом к сидящим. А если ты пришел раньше других, встань, пропуская людей, идущих к своему месту.

◆

Во время спектакля не разговаривай. Свое мнение можешь высказать товарищу в антракте.

◆

Номерок от пальто убери в карман, не верти его в руках, иначе он обязательно в конце концов упадет, зазвенит, а то и потеряется.

◆

Если твое место занято и его сразу не освобождают, не вступай в пререкания. Обратись к билетеру, он поможет быстро уладить недоразумение.

◆

Не ешь во время действия. Потерпи до антракта.

◆

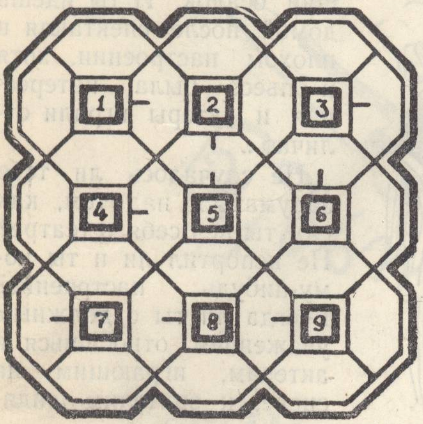
Не постукивай ногой в такт музыке.

◆

Не вставай с места до окончания спектакля. Спектакль считается оконченным, когда занавес опустился.

В часы досуга

РЕКИ МИРА

Вокруг каждой цифры по ходу часовой стрелки, начиная с клеточки, отмеченной черточкой, впишите четырехбуквенные слова — названия следующих рек:

1. Река, впадающая в озеро Чад.
2. Приток Иртыша.
3. Река на Северном Кавказе.
4. Приток Волги.
5. Река в Казахской ССР.
6. Река, впадающая в Каспийское море.
7. Река на юге Азии.
8. Судоходная река, вытекающая из Ладожского озера.
9. Река в Таджикской ССР.

В. Садовников

РАЗЛЕЙТЕ ПОРОВНУ

Двенадцатилитровый сосуд доверху наполнен жидкостью. Попробуйте разлить ее поровну, по шесть литров, пользуясь пустыми сосудами емкостью в 5 и 7 литров. Решите задачу, произведя наименьшее число переливаний.

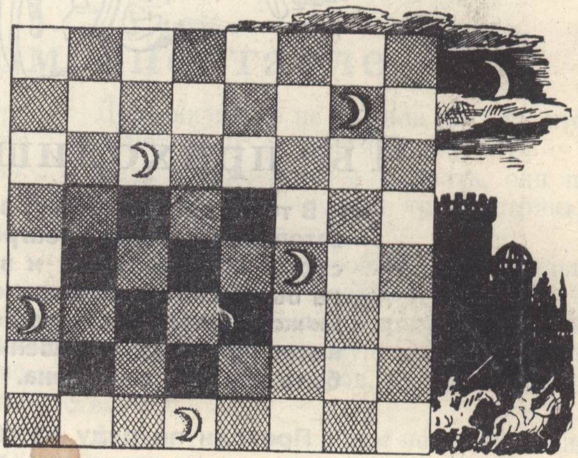
С. Акиваев

ПЯТЬ СЕРЕБРЯНЫХ ПОЛУМЕСЯЦЕВ

Появление этой любопытной задачи связывают со старинной легендой об осаде древнего греческого города Византии войсками Филиппа Македонского, отца будущего завоевателя Александра Македонского. Потеряв надежду взять город штурмом, Филипп приказал сделать подкоп под крепостные стены. Работы эти велись тайно в безлунные ночи. Но однажды в полночь яркий серп луны пробился сквозь тучи. Стража осажденных обнаружила хитрый маневр врагов, и замысел македонян не осуществился.

С тех пор Артемида, богиня Луны, стала покровительницей Византии, а изображение полумесяца — эмблемой города. В храме перед статуей богини-покровительницы жители Византии решили выложить пол 64 мраморными плитами, а в эти плиты вделать пять серебряных полумесяцев с таким расчетом, чтобы от каждой плиты пола можно было мысленно провести прямую линию к одному из полумесяцев — по вертикали, горизонтали или диагонали. Полумесяцы как бы бросали свои благотворные лучи на каждый участок пола. В то же время нужно было оставить на полу возможно большее место для жрецов, устланное прекрасным дорогим ковром.

На рисунке показано, как решена была эта сложная задача главным архитектором города. Для ковра он выделил квадрат из шестнадцати плит. Отвести жрецам площадь бо́льших размеров, по его мнению, было невозможно, соблюдая условия размещения полумесяцев. Однако архитектор ошибался, и один из его учеников вызвался решить задачу другим способом размещения полумесяцев — это давало возможность выгадать значительно бо́льшую площадь пола для ковра. Разгневанный архитектор прогнал своего ученика, не выслушав его предложения. Ученик был слишком молод и не заслужил еще права высказывать свое мнение.

Не догадываетесь ли вы, как собирался ученик архитектора разместить на мраморных плитах пять серебряных полумесяцев?

А. Динин

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев. Технический редактор А. Ефимова.

А 00720. Подписано к печати 2/II 1957 г. Тираж 350 000 экз. Изд. № 212. Заказ № 56.
Форм. бум. 84 × 108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.